

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации  
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение  
высшего образования «Национальный исследовательский  
Томский политехнический университет»

На правах рукописи

Бурмакова Елена Анатольевна

**РЕЧЕПОВЕДЕНЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ  
АДМИНИСТРАЦИИ Д. БАЙДЕНА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ТОК-ШОУ**

Специальность 5.9.8. –  
«Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная  
лингвистика» (филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук

**Научный руководитель:**  
кандидат филологических наук, доцент  
Полякова Наталья Владимировна

Томск – 2025

## Оглавление

Введение.....	5
Глава 1. Теоретические основы исследования речевых конфронтационных стратегий в политической медиажурналистике.....	17
1.1. Политическое ток-шоу и его жанровые характеристики.....	17
1.2. Речевая стратегия и ее конститuentы.....	23
1.3. Речевое воздействие и речевая стратегия.....	28
1.4. Речевая агрессия и речевые конфронтационные стратегии.....	31
1.5. Речеповеденческая стратегия дискредитации и дискредитирующие тактики в политическом ток-шоу.....	33
1.5.1. Автономные дискредитирующие речевые тактики.....	41
1.5.1.1. Тактика обвинения.....	44
1.5.1.2. Тактика оскорбления.....	47
1.5.1.3. Тактика насмешки.....	55
1.5.1.4. Тактика негативного прогнозирования.....	60
1.5.1.5. Тактика обманутого ожидания.....	65
1.5.2. Комбинированные дискредитирующие речевые тактики.....	68
Выводы по первой главе.....	70
Глава 2. Автономные тактики реализации речеповеденческой стратегии дискредитации в политическом ток-шоу.....	72
2.1. Тактика обвинения.....	73
2.1.1. Эксплицитные речевые ходы.....	75
2.1.1.1. Речевой ход «эксплицитное аргументированное обвинение».....	77
2.1.1.2. Речевой ход «эксплицитное неаргументированное обвинение».....	79
2.1.2. Имплицитные речевые ходы.....	81
2.1.2.1. Речевой ход «имплицитное аргументированное обвинение».....	81
2.1.2.2. Речевой ход «имплицитное неаргументированное обвинение».....	84
2.1.3. Комбинированные речевые ходы тактики обвинения.....	86
2.2. Тактика оскорбления.....	89

2.2.1. Речевой ход «имплицитное оскорбление».....	90
2.3. Тактика насмешки.....	94
2.3.1. Речевой ход «эксплицитная насмешка».....	96
2.3.2. Речевой ход «имплицитная насмешка».....	98
2.3.3. Комбинированные речевые ходы тактики насмешки.....	103
2.4. Тактика негативного прогнозирования.....	107
2.4.1. Речевой ход «прогноз высокой степени вероятности».....	109
2.4.2. Речевой ход «прогноз средней степени вероятности».....	114
2.4.3. Речевой ход «прогноз низкой степени вероятности».....	116
2.4.4. Комбинированные речевые ходы тактики негативного прогнозирования .....	118
2.5. Тактика обманутого ожидания.....	120
2.5.1. Речевой ход «имплицитное ожидание vs. факт».....	122
2.5.2. Речевой ход «эксплицитное ожидание vs. факт».....	123
Выводы по второй главе.....	125
Глава 3. Комбинированные речевые тактики реализации речеповеденческой стратегии дискредитации в политическом ток-шоу.....	128
3.1. Классификация комбинированных тактик.....	128
3.1.1. Двухкомпонентная группа комбинированных тактик.....	132
3.1.1.2. Тактика обвинения + тактика негативного прогнозирования.....	135
3.1.1.3. Тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания.....	137
3.1.1.4. Тактика обвинения + тактика насмешки.....	139
3.1.1.5. Тактика оскорбления + тактика насмешки.....	141
3.1.1.6. Тактика насмешки + тактика обманутого ожидания.....	142
3.1.1.8. Тактика оскорбления + тактика обманутого ожидания.....	145
3.1.1.9. Тактика насмешки + тактика негативного прогнозирования.....	146
3.1.2. Трехкомпонентная группа комбинированных тактик.....	147

3.1.2.1. Тактика обвинения + тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания.....	148
3.1.2.2. Тактика обвинения + тактика насмешки + тактика обманутого ожидания.....	152
3.1.2.3. Тактика обвинения + тактика насмешки + тактика негативного прогнозирования.....	154
3.1.2.4. Тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика насмешки.....	156
3.1.2.5. Тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика обманутого ожидания.....	157
3.1.3. Четырехкомпонентная группа комбинированных тактик.....	159
3.1.3.1. Тактика обвинения + тактика насмешки + тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания.....	159
3.1.3.2. Тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика насмешки + тактика обманутого ожидания.....	161
3.1.3.3. Тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика насмешки + тактика негативного прогнозирования.....	164
3.1.3.4. Тактика оскорбления + тактика насмешки + тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания.....	167
3.1.4. Пятикомпонентная группа комбинированных тактик.....	168
3.1.4.1. Тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика насмешки + тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания.....	168
Выводы по третьей главе.....	172
Заключение.....	174
Список сокращений и условных обозначений.....	178
Список литературы.....	179
Список иллюстративного материала.....	211
Список источников.....	212
Приложение А.....	213
Приложение Б.....	215

## Введение

Настоящая диссертация посвящена исследованию речеповеденческой стратегии дискредитации администрации Д. Байдена на материале политического ток-шоу *Tucker Carlson Tonight*. Под *речеповеденческой стратегией дискредитации (РПСД)* в данной работе понимается осознанная и последовательная линия агрессивного речевого поведения, соответствующая коммуникативной цели, которая объективируется через призму оценочных установок автора: подрыв доверия общественности к определенному лицу или группе лиц и причинение репутационного вреда.

Современная политическая медиажурналистика все чаще становится ареной ненасильственной, но ожесточенной борьбы за власть. Средства массовой информации создают и распространяют новостную повестку в соответствии с интересами той или иной политической силы. Информация доводится до массового адресата в отформатированном виде, не вызывает внутреннего сопротивления у реципиента и снижает уровень критического мышления. Подобные манипуляции общественным сознанием приводят к формированию «нужной» (искаженной в угоду определенной политической силе) картины мира, включая ложные представления о власти, политических процессах в стране и мире. Такая тенденция прослеживается в речевом поведении государственных деятелей, политических лидеров, а также теле- и радиокомментаторов, ведущих авторских передач. Осознанность и целенаправленность в выборе средств для агрессивной пропаганды выгодных законопроектов, дискредитации неудобных чиновников и политических оппонентов, повышения политической активности граждан эксплицирует конфронтационные речевые стратегии, к числу которых принадлежит РПСД.

**Актуальность** настоящего исследования обусловлена повышенным интересом ученых к изучению форм репрезентации речевой агрессии и разработке мер по обеспечению информационной безопасности населения. Комплексный анализ тактик, речевых ходов и выразительных средств,

реализующих конфронтационную РПСД в политическом ток-шоу, позволит выявить способы и приемы перлокутивного воздействия на массового адресата. Осознание факта манипулятивного воздействия со стороны политических СМИ и знание приемов негативного воздействия позволит повысить сопротивляемость общества к информационному прессингу. Критический анализ и сопоставление информации, поступающей из различных источников, помогут людям оценить достоверность фактов, описываемых политиками и журналистами, и сделать собственные выводы.

### **Степень разработанности проблемы исследования**

В отечественном и зарубежном языкознании представлены работы, отражающие отдельные аспекты данной темы.

1. На изучение речевых стратегий и тактик направлены фундаментальные труды отечественных лингвистов О. С. Иссерс [Иссерс, 2008], Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова [Верещагин, Костомаров, 2005], к их числу принадлежат и исследования, посвященные анализу конфронтационных речевых стратегий и тактик [Мулькеева, 2005; Певнева, 2008; Вознесенская, 2010; Хлопотунов, 2022; Антюхова, Караулова, 2023]. Объектом исследования становились и отдельные речевые стратегии конфронтационного типа: стратегия создания коммуникативного дисбаланса [Воронцова, 2007], стратегия принуждения [Кузьмина, 2018; Нейман, 2022], стратегия захвата инициативы [Васильева, 2017; Тымбай, 2017], стратегия вербального насилия [Мулькеева, 2005], стратегия инвективного типа [Горелов, Седов 2001] и стратегия дискредитации [Копнина, 2017; Гунькова, 2020; Лисюткина, 2021].

2. Речевую стратегию дискредитации рассматривали с различных позиций как средство или инструмент достижения разных целей: реализации манипулятивного воздействия в текстах СМИ [Катенева, 2010]; моделирования системы властных отношений в политическом дискурсе [Саттарова, 2019]; актуализации языковой личности политика в современном немецком политическом дискурсе [Цуциева, 2019]; репрезентации национальной

идентичности в политическом медиадискурсе [Ширяев, 2017]; реализации вербальных атак на имидж конкурирующих политических партий Германии [Крячкова, 2019]; формирования виртуального имиджа американского политика на материале предвыборного дискурса в социальной сети *Twitter*<sup>1</sup> [Шипилова, 2018]; воздействия в художественной прозе Ф. М. Достоевского [Комарова, 2005]; аргументации судебной защитительной речи [Пригарина, 2010]; ориентирующего воздействия на адресата в различных типах коммуникативных высказываний на материале произведений У. Шекспира [Чиняева, 2015]; убеждения оппонентов в политических дебатах [Poggi, 2011].

3. Предметом внимания исследователей становились и такие отдельные аспекты стратегии дискредитации, как тактики и приемы в российском политическом дискурсе на материале предвыборных текстов [Руженцева, 2004]; языковые способы реализации тактик дискредитации в медиадискурсе 1950–2019 гг. на материале русского и английского языков [Лисюткина, 2021]; вербальные действия в рамках такого явления, как киберзапугивание [Marx, 2013]; семантические, грамматические и риторические средства реализации стратегии дискредитации политических оппонентов на материале пресс-релизов политических партий Германии [Makowski, 2020].

**Наличие работ** не снимает проблему комплексного описания РПСД в политической медиажурналистике. Отсутствие единства в наименованиях тактик, реализующих стратегию дискредитации, и в основаниях для их выделения и принципов группировки, создает значительные трудности. Отечественными учеными [Руженцева 2004; Головащ, 2008; Эйсфельд, 2015; Гунькова 2020; Лисюткина 2021] неоднократно отмечалась возможность комбинирования речевых тактик, однако такие случаи до сих пор не получили исчерпывающего анализа и научного осмысления. Остается открытой проблема уточнения языковых маркеров – специфических выразительных средств, которые позволяют выделить конкретный речевой ход, реализующий

---

<sup>1</sup> Социальная сеть *Twitter* запрещена на территории России.

определенную речевую тактику, что позволяет признать предложенный ракурс исследования востребованным и своевременным.

**Теоретико-методологической базой** исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в следующих областях научного знания:

1) *лингвистической прагматики*: И. А. Стернин [Стернин, 2001], Ф. С. Бацевич [Бацевич, 2011], И. П. Сусов [Сусов, 2006], В. В. Волков, [Волков, 2014], О. С. Иссерс [Иссерс 2008; 2009], Б. Ю. Норман [Норман, 2009], Н. А. Трофимова [Трофимова, 2008], Г. В. Кусов [Кусов, 2004], Л. А. Киселева [Киселева, 1978], Е. В. Шелестюк [Шелестюк, 2014], И. Г. Катенева [Катенева, 2010] и др.;

2) *политической лингвистики*: А. П. Чудинов [Чудинов, 2003], Е. И. Шейгал [Шейгал, 2000], А. П. Сквородников, Э. А. Королькова [Сквородников, Королькова, 2015], О. Л. Михалева [Михалева, 2009], Н. Б. Руженцева [Руженцева, 2003], И. С. Лисюткина [Лисюткина, 2021], I. Poggi et al. [Poggi, 2011], S. M. Coyne et al. [Coyne, 2016], C. Fuentes [Fuentes, 2023] и др.;

3) *медиалингвистики и журналистики*: Т. Г. Добросклонская [Добросклонская, 2020], М. Ю. Коченгин [Коченгин, 2005], М. Н. Ким [Ким, 2001], Г. В. Кузнецов [Кузнецов, 2004], I. Hutchby [Hutchby, 2006], C. Ilie [Ilie, 2006], H. Bruun [Bruun, 2000] и др.;

4) *юрислингвистики*: Н. Д. Голев [Голев, 2000; 2003; 2023], К. И. Бринев [Бринев, 2009], С. В. Доронина [Доронина, 2002; 2006; 2023], И. Зюбина [Зюбина, 2023], В. С. Третьякова [Третьякова, 2000; 2003; 2004; 2013], Г. В. Кусов [Кусов, 2004; 2011; 2012], И. А. Стернин [Стернин, 2013] и др.;

5) *стилистики*: А. Н. Мороховский и др. [Мороховский, 1984], И. В. Арнольд [Арнольд, 2012], В. В. Гуревич [Гуревич, 2008], В. И. Шаховский [Шаховский, 2013], Ю. В. Кобенко [Кобенко, 2023], P. Simpson [Simpson, 2004], M. Fabian [Fabian, 2021];

б) *лингвострановедения*: Е. М. Верещагин и др. [Верещагин, 1992], Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров [Верещагин, Костомаров, 2005].

**Объектом исследования** выступает речеповеденческая стратегия дискредитации в политической медиажурналистике.

**Предметом исследования** являются функционально-прагматические особенности и способы реализации конститuentов речеповеденческой стратегии дискредитации администрации Д. Байдена в политическом ток-шоу *Tucker Carlson Tonight*.

**Цель диссертационной работы:** описать компонентный состав и особенности функционирования конститuentов речеповеденческой стратегии дискредитации администрации Д. Байдена в политической медиажурналистике (на материале политического ток-шоу *Tucker Carlson Tonight*).

Для реализации поставленной цели исследования сформулированы **следующие задачи:**

1) обобщить существующие теоретические основы изучения речеповеденческих стратегий и речевых тактик в политической медиажурналистике, в том числе сквозь призму таких явлений, как «речевая агрессия», «речевое воздействие», «речевая манипуляция»;

2) определить содержание понятий «*речевая стратегия*», «*речевая тактика*», «*речевой ход*», «*языковой маркер*» в прагматическом аспекте;

3) разработать авторские классификации автономных и комбинированных тактик, объективирующих речеповеденческую стратегию дискредитации администрации Д. Байдена в политическом ток-шоу *Tucker Carlson Tonight*;

4) провести анализ речевых ходов и выразительных средств, реализующих тактики РПСД;

5) выявить языковые маркеры тактик РПСД и их речевых ходов.

Для решения поставленных задач привлекался **комплекс методов**, включающий в себя общенаучные и лингвистические. К общенаучным принадлежат методы и приемы логики: анализ, синтез, индукция, дедукция,

сравнение, обобщение, а также методы статистического анализа. Лингвистическими являются методы контекстуального, дефиниционного и стилистического анализа, корпусный метод, методы описания и семантической интерпретации.

Методика описания РПСД представляет из себя следующий **алгоритм**:

- 1) отбор дискредитирующих контекстов;
- 2) определение состава тактик РПСД;
- 3) систематизация дискредитирующих тактик по двум группам: автономным и комбинированным;
- 4) разработка классификаций автономных и комбинированных тактик;
- 5) описание автономных и комбинированных речевых ходов тактик РПСД;
- 6) выявление языковых маркеров для каждого речевого хода;
- 7) статистическая обработка.

**Источником материала** исследования послужили скрипты 531 авторской передачи американского политического обозревателя Такера Карлсона – *Tucker Carlson Tonight* канала *Fox News* – за период с января 2021 по апрель 2023 года общим объемом 2 018 страниц. Исследовательский корпус включает 4 607 дискредитирующих администрацию Д. Байдена контекстов (завершенных в смысловом отношении фрагментов текста, в которых реализуется РПСД).

**Научная новизна** диссертационного исследования заключается в следующем:

- 1) разработан алгоритм комплексного анализа речеповеденческой стратегии дискредитации в политической медиажурналистике;
- 2) впервые систематизированно представлены дискредитирующие речевые тактики, речевые ходы и основные средства их реализации;
- 3) разработаны авторские классификации автономных и комбинированных речевых тактик;

4) предложена типология речевых ходов (автономных и комбинированных) и критериев их выделения для каждой автономной дискредитирующей тактики;

5) определены языковые маркеры речевых ходов, реализующих тактики речеповеденческой стратегии дискредитации в политической медиажурналистике.

**Теоретическая значимость** диссертационного исследования заключается в уточнении методов изучения речевых стратегий, а также типологии тактик, речевых ходов РПСД в политической медиажурналистике. Предложенный алгоритм комплексного анализа исследуемой стратегии, а также введение в научный оборот понятий *«автономная тактика»*, *«автономный речевой ход»*, *«комбинированный речевой ход»* и уточнение понятия *«комбинированная тактика»* создают новые перспективы для дальнейшего изучения как конфронтационных, так и кооперативных речевых стратегий и тактик.

**Практическая ценность** диссертации заключается в возможности применения полученных результатов в образовательных целях: для составления учебных пособий по медиажурналистике, политической лингвистике, лингвистической прагматике. Материалы диссертации могут быть использованы при разработке и чтении лекционных курсов по лингвистике текста, лингвистической прагматике, медиалингвистике, риторике, а также для написания курсовых и выпускных квалификационных работ.

**Достоверность и обоснованность** выводов и результатов исследования обеспечивается объемом эмпирического материала, непротиворечивостью полученных выводов с имеющимися в отечественной и зарубежной лингвистике научных положений, а также применением обширного комплекса обще- и частнонаучных методов.

**Соответствие диссертации паспорту научной специальности.** Исследование соответствует паспорту специальности 5.9.8. Теоретическая,

прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика: 9. Лингвистика языка и лингвистика речи. Речевая деятельность и использование языка. Лингвистика дискурса и лингвистика текста. 11. Исследование языка как системы знаков. Языковая форма, семантика и прагматика языка. Семиотические аспекты коммуникации. Исследование поликодовых текстов. 25. Теоретические проблемы речевого воздействия. Риторика. 26. Теоретические проблемы юрислингвистики, политической лингвистики и языка средств массовой информации.

**На защиту выносятся следующие положения:**

1. Речеповеденческая стратегия дискредитации объективируется автономными и комбинированными тактиками. К автономным дискредитирующим тактикам относятся тактики обвинения, оскорбления, насмешки, негативного прогнозирования и обманутого ожидания; комбинированные тактики представлены 4 группами, исходя из количественного состава, и 19 подгруппами, исходя из набора комбинируемых тактик.

2. Тактики речеповеденческой стратегии дискредитации реализуются посредством речевых ходов, выделяемых по трем основаниям: 1) *по форме выражения локальной дискредитирующей интенции*: «эксплицитное обвинение», «имплицитное обвинение», «имплицитное оскорбление», «эксплицитная насмешка», «имплицитная насмешка», «имплицитное ожидание vs. факт», «эксплицитное ожидание vs. факт»; 2) *по наличию или отсутствию аргументов*: «аргументированное обвинение», «неаргументированное обвинение»; 3) *по степени вероятности наступления негативных событий*: «прогноз высокой степени вероятности», «прогноз средней степени вероятности», «прогноз низкой степени вероятности».

3. Средства реализации речеповеденческой стратегии дискредитации в политической медиажурналистике подразделяются на универсальные и специфические. К универсальным относятся выразительные средства,

объективирующие все дискредитирующие тактики. Специфические средства – языковые маркеры – задействованы в реализации конкретной дискредитирующей тактики и/или речевого хода. Языковым маркером тактики обвинения являются лексические единицы с пейоративной семантикой, с долей «деликта»; тактики оскорбления – лексические единицы со средней и слабой степенью инвективности; тактики негативного прогнозирования – маркеры футуральности; тактики насмешки – ирония; тактики обманутого ожидания – стилистический контраст. Для речевого хода «имплицитное неаргументированное обвинение» языковым маркером является прием «несобственно-прямая речь»; для речевого хода «эксплицитное неаргументированное обвинение» – формы повелительного наклонения.

4. Автономные речевые тактики и ходы реализуются с разной степенью частотности. Лидирующей автономной тактикой является тактика обвинения. В качестве частотных речевых ходов выступают «эксплицитное аргументированное обвинение», «прогноз средней степени вероятности», «имплицитная насмешка», «имплицитное оскорбление» и «эксплицитное ожидание vs. факт».

5. Комбинированные речевые тактики значительно превышают автономные по количеству случаев реализации (74,3 % : 25,7 %). Наиболее репрезентативной комбинированной тактикой является трехкомпонентная группа (47,7 %) и подгруппа «тактика обвинения + тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания» (17,6 %) в ее составе.

**Апробация исследования.** Основные положения диссертационной работы обсуждены на заседаниях отделения иностранных языков Национального исследовательского Томского политехнического университета, а также представлены в виде докладов на 12 научных конференциях международного и всероссийского уровней: 1) III Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования» (г. Томск, НИ ТПУ, 2022),

2) Ежегодной Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации» (г. Москва, РГУ им. А. Н. Косыгина, 2022), 3) VI Международной научно-практической конференции на иностранных языках «Экономика, управление и международное взаимодействие: региональные и мировые тенденции» (г. Новосибирск, НГУЭУ, 2022), 4) V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Методологические и лингводидактические аспекты изучения языка и речи» (г. Самара, СГСПУ, 2022), 5) XVII Международной студенческой научно-практической конференции «Иностранный язык и межкультурная коммуникация» (г. Томск, НИ ТГПУ, 2023), 6) II Международной научной конференции «Язык. Коммуникация. Культура» (г. Гродно, ГрГУ им. Янки Купалы, 2023), 7) Международной междисциплинарной научной конференции «Лингвистика первой четверти XXI века: Тенденции, итоги и перспективы» (г. Тверь, ТвГУ, 2023), 8) IV Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования» памяти кандидата педагогических наук, доцента Николая Александровича Качалова (г. Томск, ТПУ, 2023), 9) Международной научно-практической конференции «Язык. Речь. Коммуникация: Развитие языковой личности в профессиональном дискурсе» (г. Екатеринбург, УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева, 2023), 10) II Всероссийской научно-практической конференции «Роль и перспективы развития языкового обучения в современном образовательном пространстве» (г. Уссурийск, Приморский ГАТУ, 2024), 11) XVIII Международной студенческой научно-практической конференции «Иностранный язык и межкультурная коммуникация» (г. Томск, ТГПУ, 2024), 12) V Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования» (г. Томск, ТПУ, 2024).

По теме диссертации опубликовано 13 статей, в том числе 4 статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

**Структура работы.** Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка литературы, списка иллюстративного материала, списка источников и приложений.

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы, определяются цель, задачи, объект, предмет и материал исследования, характеризуется степень научной разработанности проблемы, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, излагаются основные положения, выносимые на защиту, а также указываются методы обработки исследовательского корпуса.

В **первой главе** «Теоретические основы исследования речевых конфронтационных стратегий в политической медиажурналистике» рассматриваются основные жанровые особенности политического ток-шоу, определяется взаимосвязь конститутивных элементов речевой стратегии, описывается специфика функционирования речевых конфронтационных стратегий в политической медиажурналистике, приводится понятийно-терминологический аппарат исследования, раскрывается содержательное наполнение РПСД в политическом ток-шоу.

Во **второй главе** «Автономные тактики реализации РПСД в политическом ток-шоу» описан алгоритм комплексного анализа речевых тактик, речевых ходов, выразительных средств, среди которых выделены языковые маркеры, реализующие речеповеденческую стратегию дискредитации в политическом ток-шоу *Tucker Carlson Tonight*.

В **третьей главе** «Комбинированные речевые тактики реализации РПСД в политическом ток-шоу» дается описание классификации комбинированных речевых тактик, определены особенности комбинированных тактик на основании их количественных показателей и языкового наполнения.

**В заключении** подводятся итоги исследования и намечаются дальнейшие перспективы работы в данном направлении.

**Список сокращений и условных обозначений** содержит пояснения условных обозначений, использованных в диссертационной работе.

**Список литературы** включает 269 источника, в том числе 33 на иностранных языках и 23 лексикографических и энциклопедических издания.

**Список иллюстративного материала** содержит перечень рисунков и таблиц, использованных в тексте диссертации.

**Список источников** содержит ссылку на электронный ресурс, послуживший источником материала исследования.

**Приложения** содержат 4 таблицы.

Общий объем диссертационной работы составляет 215 страниц, включая 6 рисунков (5 диаграмм, 1 схема) и 9 таблиц.

# Глава 1. Теоретические основы исследования речевых конфронтационных стратегий в политической медиажурналистике

## 1.1. Политическое ток-шоу и его жанровые характеристики

Жанр ток-шоу (англ. *talk show*) представляет собой один из наиболее востребованных в современном медийном пространстве жанров коммуникации, который активно исследуется в рамках таких научных дисциплин, как журналистика, языкознание, психология, культурология, социология и других [Авсеенко, 2000; Кано, 2004; Ларина, 2004; Вдовина, 2012; Григорьева, 2012].

Различные аспекты ток-шоу оказывались в сфере интересов лингвистов: функционально-семантические свойства американского дискурса ток-шоу [Коченгин, 2005], лингвистические и экстралингвистические признаки ток-шоу как телевизионного жанра [Ларина, 2004], речевое поведение ведущих ток-шоу с точки зрения его стратегической организации [Баранова, 2006], лингвопрагматические особенности американского и российского дискурса ток-шоу [Салихов, 2016], а также жанрово-стилистические характеристики российских развлекательных телевизионных ток-шоу [Янь Цзинь, 2023].

Ток-шоу определяют как разговорное представление [Кузнецов, 2004], зрелищный экранный жанр [Дутова, 2022], конфронтационный жанр СМИ, сочетающий эпатажность и манипуляцию мнением массового адресата [Ше, 2006], «медиапространство, обладающее социо-семантико-прагматическим потенциалом» [Галимова, 2009, с. 6].

В настоящей работе, вслед за М. В. Лысяковой, Э. Р. Н. Джукманом и А. Ю. Салиховым, ток-шоу рассматривается как жанр медиажурналистики, отличающийся доступной формой изложения информации и направленный на решение широкого спектра задач – от социально-политических до культурологических, что обеспечивается совокупностью экстралингвистических и лингвопрагматических факторов в рамках статусно-

ролевых отношений участников передачи [Салихов, 2016; Лысякова, Джукман, 2020].

*Универсальные экстралингвистические признаки ток-шоу:*

1. Структурно-композиционная организация. Ток-шоу состоит таких этапов, как зачин, развитие, кульминация и развязка [Кузнецов, 2004]. Неотъемлемой характеристикой любого ток-шоу, способствующей его узнаваемости среди аналогичных программ, является заставка с музыкальным сопровождением, выполняющая функцию «визитной карточки» программы [Ларина, 2004].

2. Состав обязательных участников, с точки зрения ролей, определенных создателями программы, представлен четко организованной структурой [Лысякова, 2020, с. 117]. Классическое ток-шоу представляет собой треугольник, состоящий из (харизматичного) ведущего, приглашенных (авторитетных) экспертов и зрителей, как присутствующих в студии, так и находящихся у экранов [Ким, 2001]. Ток-шоу является одной из немногих телемедийных платформ, которая позволяет обычным гражданам выразить свое мнение по обсуждаемым вопросам [Hutchby, 2006]. Ведущему отводится главенствующая роль: он выступает в качестве модератора передачи, регулируя продолжительность выступлений других участников и задавая тон дискуссии [Янь Цзинь, 2023].

*Универсальные лингвопрагматические признаки ток-шоу:*

1. Фасцинативное воздействие на адресата [Кобенко, 2023] проявляется в привлечении внимания зрителей и стимулирования их интереса посредством сочетания занимательного контента и драматизации и театрализации самого эфирного действия [Гуленко, 2016, с. 24], что порой для зрителей «намного важнее проверки фактов» [Зиновьев, 2018, с. 96], лежащих в основе информационного сообщения. Ведущий ток-шоу всегда является «центральным звеном» [Bruun, 2000] программы: артистизм и виртуозное владение словом

напрямую влияют на авторитет и уровень доверия со стороны зрителей, условно измеряемые посредством телевизионного рейтинга программы.

2. Фактор адресата обуславливает наличие монологической, диалогической и полилогической видов речи. Речь ведущего является полиадресатной: во-первых, она направлена на участников программы и гостей-экспертов; во-вторых, на зрителей в студии, и, в-третьих, на зрителей у экранов [Баранова, 2006, с. 3]. Адресация строится с учетом возможных ответных вербальных и невербальных реакций. Приглашенные эксперты, непосредственные участники ток-шоу и зрители в студии могут принимать разные роли: *персонального/индивидуального адресата* при контактном диалогическом взаимодействии, *массового адресата* (конкретизируемый, визуально доступный) при монологическом обращении к ним ведущего [Формановская, 2005]. *Косвенный адресат* – многомиллионная зрительская аудитория у экранов, для которой интерес и телевизионные предпочтения являются «группообразующим признаком» [Чеснокова, 2011]. Ориентация на такого адресата может быть как опосредованной при всех формах взаимодействия между всеми участниками ток-шоу, так и непосредственной (например, обращение ведущего прямо в камеру и фразы типа «*Уважаемые телезрители!*»). Косвенный адресат является основным получателем конечного «продукта» телевизионного ток-шоу, создаваемого в процессе живого общения, но в строго ограниченных рамках, что позволяет определить следующий признак жанра – предварительная подготовленность [Casey et al., 2008].

3. Ток-шоу относится к разговорному жанру, однако, несмотря на кажущуюся спонтанность, сценарии ток-шоу всегда тщательно спланированы и подвергаются строгой проверке и цензуре со стороны корректоров и редакторов программы. Монологическая устная речь ведущего представляет собой выступление с предварительной графической фиксацией, которое выстраивается в соответствии с литературными нормами языка.

4. Манипулятивная/воздействующая функция. Цель ток-шоу – оказать постоянное и глубокое влияние на общественное мнение, убедить всех адресатов (при наличии), в том, что точка зрения ведущего на вопросы, обсуждаемые в студии и их интерпретация, является единственно верной [Шаховский, 2013].

Разнообразие ток-шоу, представленных как на отечественном, так и на зарубежном телевидении, позволяет осуществлять их классификацию по различным критериям [Уарова, Рачковская, 2019, с. 273]. В зависимости от тематического содержания выделяют следующие разновидности ток-шоу: развлекательные, интеллектуальные, пародийные, детективные и политические (общественно-политические/политико-аналитические) [Ларина, 2005]. Предлагают и иные классификации, включающие общественно значимые ток-шоу, специализированные ток-шоу с постоянной тематикой (спорт, здоровье, кулинария) и скандальные передачи, посвященные острым жизненным ситуациям (например, асоциальные действия, разводы, насилие) [Лысякова, Джукман, 2020, с. 118]. В зависимости от временных циклов теле вещания в американской телеиндустрии принято выделять следующие форматы ток-шоу: утренние (*morning*), дневные (*daytime*), вечерние (*evening/tonight*) и ночные (*late-night*).

Вечерняя программа, ее автор и ведущий в одном лице, Такер Карлсон, вызывают значительный интерес, как в научных кругах России, так и Запада, что подтверждается наличием трудов в различных областях знания, таких как политология [Журавлев, 2024], экономика [Киргизова, 2022], массовая коммуникация [Conway, 2023] и лингвистика [Лобанова, 2024].

В лингвистических исследованиях, проводимых на материале передачи *Tucker Carlson Tonight*, рассматривались такие языковые явления, как средства выражения коммуникативных стратегий [Лобанова, 2024], дисфемизмы как средство выражения субъективной модальности для реализации манипулятивной цели [Бодулева, Янгирова, 2023], а также дисфемизмы как

средство реализации стратегии дискредитации [Бодулева, 2022]. Дополнительно исследуются языковые стратегии телеведущего в контексте критики движения *Black Lives Matter* [Haapala, 2021] и средства подстрекательской риторики ведущего [Daraiseh, 2023].

Передача *Tucker Carlson Tonight* несколько отходит от традиционного формата жанра ток-шоу, поскольку зрители в студии полностью отсутствуют, а гости программы подключаются по видеосвязи. Тем не менее, такой формат передачи квалифицируется как ток-шоу, поскольку он сохраняет свою основную цель – «активизировать восприятие содержания, заключенного в передаче, посредством диспута, острых вопросов и высказывания различных точек зрения» [Салихов, 2016, с. 13].

С момента своего появления ток-шоу привлекло значительную аудиторию и внимание медийного мира, утвердив за Такером Карлсоном репутацию «популистского паладина прайм-тайма» (*populist paladin of primetime*) [Crawford, 2018]. *Tucker Carlson Tonight* стало самым просматриваемым ток-шоу на кабельном телевидении с 8 по 14 июня 2020 года, собрав в среднем 4 млн зрителей, благодаря неоднозначным комментариям ведущего о движении *Black Lives Matter*.

Большая часть контента ток-шоу посвящена разоблачению и критике недобросовестных и непрофессиональных действий представителей власти (сенаторов, губернаторов штатов, мэров крупных городов и администрации президента Джо Байдена). В центре внимания оказываются социально резонансные проблемы, такие как иммиграция, равенство, трансгендерная идеология, цензура, инфляция, предвзятость в средствах массовой информации, образование и другие экономические, социальные и культурные аспекты современного американского общества. Таким образом, по тематической отнесенности программа *Tucker Carlson Tonight* принадлежит к жанровой разновидности политического ток-шоу.

Ток-шоу *Tucker Carlson Tonight* соответствует тенденциям современных СМИ, для которых характерна определенная идеологическая «тональность» [Лобанова, 2024, с. 144], когда оценка и интерпретация событий зачастую приобретает большую значимость, чем само их содержание, то есть предмет обсуждения независимо от используемого способа (описание, повествование или рассуждение) представлен через призму политико-идеологических предпочтений [Добросклонская, 2020], ценностных установок и духовно-нравственных ориентиров автора программы.

Такер Карлсон является ярким примером «СМИ одного человека» [Дмитриев, Евстафьев, 2024, с. 113], используя при этом различные форматы представления контента: монологи ведущего, дискуссионные панели и отдельные интервью с политологами, журналистами, активистами, общественными деятелями и другими экспертами. В ток-шоу представлены как монологическая, так и диалогическая формы речи, однако преобладающей формой является именно монолог. Монологическая речь Т. Карлсона, отражающая личные взгляды ведущего, тщательно продумана и подготовлена, и, как правило, занимает значительное количество времени в каждом эпизоде. В зависимости от формата и содержания выпуска продолжительность монолога может варьироваться от 10 до 45 минут в рамках общего времени передачи, которое длится от 45 до 60 минут.

Таким образом, политическое ток-шоу представляет собой жанр медиажурналистики, основной целью которого является влияние на массовую аудиторию. В этом формате ведущий становится ключевой фигурой благодаря своему ораторскому мастерству и способности не только сообщать о событиях, фактах и явлениях, но и интерпретировать передаваемую информацию определенным образом, донося ее до адресата в доступной форме. Знаковой медийной персоной современных СМИ является автор и ведущий политического ток-шоу *Tucker Carlson Tonight* – Такер Карлсон, как в аспекте обсуждения политических процессов и других актуальных для общественности

вопросов, так и в фокусе исследования его речевого поведения, которое эксплицирует различные речевые стратегии.

## **1.2. Речевая стратегия и ее конститутенты**

В последние десятилетия в связи с активным развитием прагматики наблюдается повышенный интерес исследователей к изучению поведенческой стороне речи, «роли коммуникантов и их отношение к языковым знакам» [Кобенко, 2023, с. 20]. Объектами научного познания становятся речевая стратегия и речевая тактика, изучение которых позволяет определить явные или скрытые причины, по которым субъект речи произнес определенные слова и что стало основанием для их выбора, а также «особенности восприятия, понимания и интерпретации» [Волков, 2014, с. 52] слов и их «психоэмоциональное воздействие на адресата» речи [Катермина, 2022, с. 44].

Применительно к стратегиям в современном отечественном языкознании применяют термины «коммуникативная стратегия» и «речевая стратегия», «речеповеденческая стратегия».

И. Н. Борисова рассматривает коммуникативную стратегию как «способ организации речевого поведения в соответствии с замыслом, интенцией коммуниканта» [Борисова, 1999, с. 89]. Цель коммуникативной стратегии заключается в воздействии на интеллектуальную, волевою и эмоциональную сферу адресата и продиктована практическими целями говорящего.

В своем исследовании В. Tomalin и E. N. Malyuga трактуют коммуникативную стратегию как траекторию коммуникативного взаимодействия, в которой используются как вербальные, так и невербальные средства для достижения конкретной коммуникативной цели с учетом коммуникативной ситуации и личностных особенностей субъектов, участвующих в процессе коммуникации [Malyuga, Tomalin, 2017, с. 35].

По мнению О. Л. Михалевой, коммуникативная стратегия представляет собой план оптимальной реализации коммуникативных намерений,

учитывающий как объективные, так и субъективные факторы и условия, в которых протекает акт коммуникации. Эти факторы и условия, в свою очередь, оказывают влияние не только на внешнюю и внутреннюю структуру текста, но и на использование определенных языковых средств [Михалева, 2009, с. 72].

А. М. Борис определяет речевую стратегию как комплекс речевых действий, направленных на адресата в ходе коммуникации с целью оказания на него определенного воздействия [Борис, 2018, с. 9]. Речевая стратегия охватывает «всю сферу построения процесса коммуникации» [Иссерс, 2008, с. 54], учитывая такие факторы коммуникативной ситуации, как время и место коммуникации, намерения участников, «их профессиональные, возрастные и гендерные характеристики» [Сковородников, Королькова, 2015, с. 162], а также эмоциональное состояние коммуникантов.

Термин «речеповеденческая стратегия» определяется как совокупность вербальных и невербальных действий, которые направлены на решение коммуникативной задачи и обусловлены «системой ценностей, убеждений, социальных норм и личностными особенностями коммуникантов» [Задорова, 2023, с. 155].

В данной работе используется термин «речеповеденческая стратегия». В основе нашего понимания речеповеденческой стратегии лежит идея о том, что речевая стратегия – это коммуникативная цель, стратегический замысел коммуникации. Для реализации стратегического замысла коммуникации и достижения желаемых результатов адресанту необходимо использовать комплекс вербальных (речевая сторона) и невербальных действий (поведенческая сторона). При этом требуется затратить временные ресурсы и приложить определенные усилия, которые зависят от множества лингвистических и экстралингвистических факторов, включая цель, условия и тематику коммуникации, а также характер отношений между участниками общения. Таким образом, *речеповеденческую стратегию* мы определяем как *осознанную, спланированную и подготовленную траекторию поведения,*

которая выражается по отношению к адресату вербальными средствами коммуникации и успешность которой определяется наличием или отсутствием перлокутивного эффекта (реакция адресата на иллюкцию/коммуникативное намерение адресанта).

Конституентами речевой стратегии выступают речевые тактики, которые вербализуются посредством речевых ходов и выразительных средств, в числе которых и языковые маркеры.

Речевая стратегия и речевая тактика всегда коррелируют как «класс» и «тип» [Zhang, 2007], и они взаимосвязаны в аспекте успешности: без тщательно подобранных и эффективно реализованных тактик речевая стратегия может оказаться провальной или непродуктивной [Борис, 2018, с. 9]. Глобальная цель коммуникации задается речевой стратегией и распадается на ряд ситуативно адаптированных ближайших задач [Борисова, 1999], то есть на коммуникативные намерения [Мулькеева, 2006]. В соответствии с определенными коммуникативными задачами в конкретном фрагменте речи (устной/письменной, спонтанной/подготовленной) осуществляется выбор речевых тактик, совокупная реализация которых призвана обеспечить успешную реализацию глобальной цели коммуникации. Иными словами, в содержательном плане одна речевая стратегия представляет собой взаимосвязанный комплекс нескольких речевых тактик.

Речевую тактику трактуют как коммуникативный прием [Мулькеева, 2006], продуктивную методику [Тютюнова, 2008], соответствующую конкретному этапу развития коммуникативной ситуации [Malyuga, Tomalin, 2017]. В своем труде «Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы» Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров указывают на то, что сама по себе рече-поведенческая тактика невербальна (лат. *sensus purus* – «чистый смысл») и дают следующее определение: «однородная по интенции и реализации линия поведения

коммуниканта, входящая в его усилия ради достижения стратегического перлокутивного эффекта» [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 525].

*Под речевой тактикой мы понимаем один из векторов речевого поведения, соответствующий локальной авторской интенции (задаче) и направленный на достижение глобальной цели речевой стратегии.*

В плане структурно-содержательного воплощения каждой отдельной речевой тактике присущи типовые лексико-грамматические варианты ее манифестации в речи, что, в свою очередь, предполагает наличие более мелких конститuentов – речевых ходов [Борис, 2018, с. 9].

*Обобщая мнения ученых, мы определяем речевой ход как прием, выступающий в качестве практического инструмента текстовой реализации конкретной задачи (тактики), которая имеет прагматическую значимость в определенный момент коммуникации. При этом последовательность, форма и способ ее демонстрации могут варьироваться.*

В основу речевого хода могут быть положены композиционно-речевые формы организации текста, например, событийное и портретное описание, повествование с различной пространственно-временной локализацией событий, а также рассуждение, которое может, как включать, так и не включать аргументирование.

Выделение речевых ходов является обязательным этапом анализа любой речевой стратегии и тактик ее реализации, поскольку именно эти компоненты, являясь важнейшими «энергетическими движущими силами» [Бацевич, 2011, с. 161], позволяют «описать собственно вербальную составляющую» [Морева, 2016, с. 29] речевой тактики, а, следовательно, и речевой стратегии.

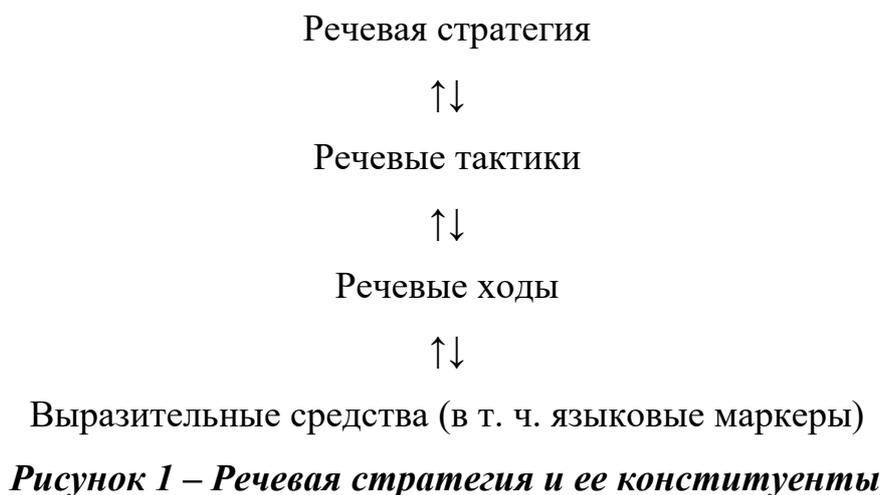
Речевые ходы выделяются на основании таких параметров, как форма и способ представления прагматически значимой информации, которые максимально способствуют решению коммуникативных задач. В зависимости от поставленной задачи используются различные выразительные средства,

указывающие на определенные закономерности развития речевых ходов в аспекте их конструкционных особенностей и лексического наполнения.

Среди выразительных средств, вербализующих речевые ходы, принято выделять языковые маркеры [Иссерс, 2008; Сковородников, Королькова, 2019]. В широком понимании языковой маркер – сигнал, который указывает, то есть маркирует функцию или свойство и обозначает наличие отличительных особенностей [Травкин, 2019, с. 17]. *Языковые маркеры представляют собой отдельные выразительные средства лексического, морфологического и синтаксического уровней, которые благодаря своему языковому значению сигнализируют о конкретной коммуникативной задаче и о том, каким способом эта задача решается в определенный отрезок времени или в конкретном текстовом фрагменте.*

Однако, несмотря на то, что языковые маркеры имеют решающее значение в идентификации конкретного речевого хода и, следовательно, тактики, необходимо применять комплексный подход к анализу всех функциональных элементов высказывания для полной и исчерпывающей интерпретации коммуникативного намерения говорящего как на локальном (тактическом), так и на глобальном (стратегическом) уровне.

Таким образом, речевая стратегия и ее конституирующие компоненты (речевые тактики, ходы, выразительные средства) различаются по своему масштабу, образуя иерархическую структуру – от общего к частному, при этом они обладают единой коммуникативно-прагматической направленностью. Взаимосвязь иерархически организованных конституентов речевой стратегии можно представить в виде схемы (см. Рисунок 1 – Речевая стратегия и ее конституенты).



### 1.3. Речевое воздействие и речевая стратегия

Сами понятия стратегия и тактика заимствованы прагматикой из «наук военного ремесла» [Катермина, 2022, с. 64], что подтверждается этимологической справкой номинаций *strategy* (греч. *stratēgia* – «должность или командование генерала») [Online etymology dictionary: Электронный ресурс] и *tactics* (лат. *tactica* – «наука о размещении военных сил для боя») [там же]. Обращение к речевым стратегиям и тактикам вызвано стремлением говорящего одержать коммуникативную «победу» [Иссерс, 2008, с. 71], подразумевающая такое воздействие на слушателя, при котором происходит трансформация его прежней системы представлений, убеждений и ценностей в желаемом для говорящего направлении.

Понятие речевой стратегии сопряжено с феноменом речевого воздействия, понимаемого как речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности, планируемой эффективности [Стернин, 2001; Иссерс, 2009]. В связи с адресатом речи, который выполняет пассивную роль, речевое воздействие рассматривается в перлокутивном аспекте и зависит от того, насколько эффективно применяются избранные говорящим речевые стратегии и тактики.

В зависимости от стратегических целей, сферы, типа и условий коммуникации речевое воздействие может быть идеологическим, прагматическим, духовно-нравственным, эмоционально-ориентированным [Туралина, 2014, с. 105–106].

Е. В. Шелестюк, изучая онтологическую природу речевого воздействия, акцентирует внимание на лингвистических, паралингвистических и нелингвистических символических средствах, с помощью которых субъект и оказывает воздействие на реципиента [Шелестюк, 2014, с. 39].

К типам речевого воздействия, которые базируются на убеждении, внушении и побуждении, относят: 1) социальное воздействие; 2) воздействие с помощью художественных образов; 3) информирование; 4) доказывание (аргументация-доказывание); 5) аргументация-ведение; 6) симулированный диалог (обращение, риторический вопрос, вопросно-ответные комплексы); 7) уговаривание; 8) призыв (воззвание, лозунг, агитация, реклама, презентация, самопрезентация и др.); 9) повеление; 10) принуждение (угроза, запугивание); 11) оценка; 12) эмоциональное воздействие (ободрение, утешение, ласка, жалоба, шутка, насмешка, хвастовство, оскорбление, угроза, выражение эмоций); 13) психическое программирование (например, аффективно-эмоциональные фразы) [Шелестюк, 2014, с. 58–59].

На основании степени осознанности адресатом коммуникативных последствий речевого воздействия целесообразно разграничивать речевое воздействие и манипуляцию/манипулирование [Стернин, 1999, с. 153]. Под манипулированием понимается воздействие на человека с целью побуждения: сообщить информацию, совершить поступок, изменить его убеждения в нужном для манипулятора направлении бессознательно или вопреки мнению, намерению, установкам [Стернин, 1999; Шелестюк, 2014]. Г. А. Копнина предлагает аналогичное понятие явлению «речевая манипуляция» – разновидность манипулятивного воздействия на человека, которое осуществляется «путем искусного использования определенных ресурсов языка

с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [Копнина, 2010, с. 25].

Разные сферы общения, безусловно, различаются по степени интенсивности воздействия и значимости его последствий. Существуют ситуации, в которых влияние на собеседника становится чрезвычайно важным и заметным. Особую роль речевое воздействие, особенно манипулятивное, играет в области политической коммуникации. Манипулятивное воздействие политиков является основным способом борьбы за власть как внутри своих стран, так и на международной арене. Между манипуляцией и политическим текстом, по сути являющимся материальной формой выражения прагматической установки, можно условно «поставить знак равенства» [Ильичева, 2013], поскольку он преимущественно «побудителен, нацелен на оказание влияния, стимулирование» адресата [Шейгал, 2000, с. 62].

Поскольку средства массовой информации оказывают существенное влияние на восприятие аудитории, манипулируя общественным сознанием, распространяя пропаганду различных идей и поддерживая или дискредитируя конкретных политических лидеров, целесообразно выделить политическую журналистику как сферу, в которой наиболее ярко проявляется воздействующая функция стратегий и тактик речевого поведения.

Важным аспектом политической медиажурналистики, попадающим в область зрения прагматики, становится отношение адресата и адресанта речи к содержанию транслируемых сообщений с точки зрения их истинности или ложности [Норман, 2009, с. 16]. Для политических письменных текстов и устных выступлений манипулирование включает «весь диапазон операций с истинностным аспектом высказывания – от полного искажения (лжи) и полного умолчания до полуправды (частичного искажения и частичного умолчания)» [Шейгал, 2000, с. 393]. К барьерам, препятствующим критической оценке и интерпретации транслируемой СМИ информации, стоит отнести «психологическую особенность человеческого сознания доверять

безоговорочно» [Кашенкова, 2023, с. 16] авторитетным источникам. Кроме того, сложные для восприятия слова, туманные формулировки и эвфемизмы в речи политиков и телеведущих, снижающие качество рефлексии у аудитории, используются для создания ложного авторитета у обывателей и позволяют скрыть истинное значение происходящего, а также прикрыть ложь.

#### **1.4. Речевая агрессия и речевые конфронтационные стратегии**

Сферой, в которой речевая агрессия проявляется чрезвычайно активно, считается политика [Громова, 2019; Pedersen, 2023; Fuentes, 2023] и политическая медиажурналистика [Власова, 2004; Воронцова, 2007; Хазиева, 2014], что можно объяснить рядом факторов. Во-первых, в последние годы общий уровень речевой агрессии повышается, что одновременно является и причиной, и следствием роста конфликтогенности окружающего мира [Громова, 2019]. Во-вторых, для современной политической ситуации характерны резкие столкновения политических позиций, агрессивность поведения, интолерантность и бескомпромиссность в выражении собственной точки зрения, включая контекст международных отношений [Чудинов, 2006; Slipetska, 2023]. Эскалация агрессии в СМИ наблюдается в ее разнообразных проявлениях, например, в негативном освещении событий и конфликтов между государственными чиновниками и политическими оппонентами.

СМИ стремятся воздействовать на массового адресата, применяя различные речевые стратегии и тактики с целью оправдания насилия, распространения ложных идеологий, улучшения своего имиджа, дискредитации оппонентов и неудобных, непрофессиональных представителей власти, усиления собственной политической позиции, вербовки электората и новых сторонников, нейтрализации негативных настроений общественности, продвижения выгодных идеологий, создания и укрепления политической власти [Ильичева, 2013]. Более глубокое осмысление таких речевых стратегий и тактик требует обращения к явлению «речевая агрессия». Вслед за

Т. А. Воронцовой мы понимаем речевую агрессию как мотивированное и контролируемое конфликтогенное речевое поведение, направленное на оказание негативного воздействия на адресата [Воронцова, 2007, с. 253].

Целью речевой агрессии как разнообразной по форме вербальной экспликации стратегической коммуникации является получение превосходства над оппонентом и подчинение его своей власти [Горелик, 2022, с. 1 242], а также манипуляция общественным мнением и формирование отрицательного отношения к определенным объектам высказываний [Щербинина, 2006; Воронцова, 2007].

К способам реализации речевой агрессии, вызванной недовольством различной природы: социальной, национальной, гендерной, возрастной, межличностной – наряду с такими частными проявлениями, как унижение, дискриминация и диффамация [Егорова, 2015, с. 70] относятся речевые конфронтационные стратегии.

Речевые стратегии традиционно классифицируют на основе такого параметра участников общения, как установка либо на сотрудничество, либо на конфронтацию и конфликт. Стратегии подразделяют на кооперативные/гармоничные и конфронтационные (дисгармоничные/некооперативные/наступательные) [Мулькеева, 2006; Жданова, 2007]. К первому типу принадлежат стратегии, такие как «одобрение и апологетика», утешение и уговоры [Иссерс, 2008, с. 71], а также стратегии, способствующие конструктивному достижению взаимовыгодных результатов: контактирование, усиление и ослабление прагматического воздействия, скрытое воздействие, распознавание и нейтрализация прагматического воздействия [Радюк, 2013].

Конфронтационный тип, реализуемый преимущественно в сфере политической коммуникации, охватывает широкий спектр речевых стратегий, включая стратегии подчинения и убеждения, принуждения и давления, захвата инициативы и контроля над ситуацией, а также самозащиты [Хлопотунов,

2022]; стратегии на понижение [Михалева, 2009]; стратегии агрессии, насилия и разоблачения [Третьякова, 2003]; стратегию дискредитации [Третьякова, 2003; Паршина, 2005; Ярославцева, 2007; Иссер, 2009; Вознесенская, 2010]. Кроме того, существуют труды отечественных исследователей, посвященные конфронтационным стратегиям, реализуемым в судебной лингвистической экспертизе [Никифорова, 2012], в реалити-шоу [Ланских, 2008] и в киберпространстве [Рыжков, 2010].

Конфронтационные стратегии или стратегии агрессивного речевого поведения всегда базируются на приоритете интересов говорящего над интересами слушающего и используются в конфликтных ситуациях. Во-первых, в таких ситуациях отсутствует «установка на кооперацию» [Иссерс, 2008, с. 70], во-вторых, прямая агрессивная конфронтация, равно как и прямая вербальная агрессия, считается неприемлемой [Fuentes, 2023].

К общим признакам таких стратегий принадлежат следующие: доминирование, воздействие на эмоциональную среду адресата, деструктивное (манипулятивное) воздействие на адресата, а также эксплицитные и имплицитные способы и формы реализации. При этом, каждая из указанных стратегий обладает как фиксированным, так и гибким набором речевых тактик и соответствующим языковым оформлением.

Таким образом, когда агрессивное речевое поведение участников в любом виде коммуникации обретает обдуманый и целенаправленный характер, оно эксплицирует конфронтационные поведенческие стратегии, среди которых наиболее востребованной в политической медиажурналистике выступает речевая стратегия дискредитации.

### **1.5. Речеповеденческая стратегия дискредитации и дискредитирующие тактики в политическом ток-шоу**

Ключевым понятием в РПСД является дискредитация. Анализ словарных дефиниций слова «дискредитация» и его производных позволил вывести

следующее определение: умышленный подрыв авторитета и общественного имиджа, публичное умаление достоинства и способностей, лишение доверия со стороны общества или определенных групп людей [ТСИС: Электронный ресурс; ТСО: Электронный ресурс; ТСРЯ: Электронный ресурс; БЭП: Электронный ресурс].

Приведенное определение указывает на основополагающие признаки дискредитации. Во-первых, речь идет об интенциональности, то есть преднамеренном стремлении подорвать доверие к кому-либо. Во-вторых, дискредитация характеризуется негативным характером самого действия и его последствиями для лица, на которое она направлена. Кроме того, для осуществления дискредитации необходимо присутствие как минимум одного третьего лица, а широкая публичность усиливает ее эффект и последствия.

Понятие дискредитация из обыденного языка перешло и в язык юридических документов и сопряжено с такими правовыми категориями, как «клевета», «оскорбление», «унижение чести и достоинства» [Понятия чести..., 2004, с. 4–6]. Вербальные проявления таких юридически регламентированных понятий становятся объектом рассмотрения новой области междисциплинарных исследований как юрислингвистика, возникшей на стыке языка и права [Голев, 2003; Кусов, 2004; Понятия чести..., 2004; Бринев, 2009].

Поскольку под понятие дискредитации можно подвести широкий спектр высказываний – от «матерной брани» до фразы «вы плохой человек» [Бринев, 2009, с. 86–87], произнесенных в присутствии третьего лица, для объективной правовой оценки речевых действий как дискредитирующих необходимо обращаться к лингвистическому анализу речевых средств. Таким образом, целью юрислингвистической экспертизы является обоснование того, что оправдывает обиду участника судебного процесса [Бринев, 2009, с. 86–87], а «глубину “унижения чести” оценивает сам потерпевший» [Понятия чести ..., 2004, с. 43].

Юридическая регламентация таких коммуникативных действий и их способность «порождать психологическое состояние обиды» [Бринев, 2009, с. 87], отличаясь уникальностью в границах разных государств, имеет и общие положения, обнаруживаемые в законодательстве практически любой страны [Лавицкий, 2024, с. 160].

В российском законодательстве юридическая ответственность за дискредитацию, а именно «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами РФ своих полномочий в указанных целях» предусмотрена административным и уголовным законодательством РФ в зависимости от состава преступления (статьи 20.3.3 КоАП, 280.3 УК РФ) [КонсультантПлюс: Электронный ресурс].

Законодательства зарубежных стран не содержат такое понятие как дискредитация, а оперируют смежными понятиями, а также включают перечень конкретных вербальных и невербальных действий, направленных на умаление авторитета, причинение ущерба репутации, унижение чести и достоинства граждан, что и есть «сознательная дискредитация человека в общественном мнении» [Понятия чести..., 2004, с. 12].

В Великобритании законодательство и судебная практика рассматривает и такой способ дискредитации, как карикатуры, коллажи и зарисовки. Такие судебные дела базируются на обвинениях в нарушении авторского права или в диффамации. Диффамация (лат. *defamatio* – порочить) – это международный юридический термин, «обозначающий необоснованное распространение порочащих сведений, умаляющих репутацию потерпевшего» [Карвер, 2016, с. 7].

Американская правовая система, отказавшись от уголовного преследования за диффамацию, выбрала путь назначения значительных гражданско-правовых штрафов за авторство или распространение любой

формы диффамационных заявлений, включая публичные клеветнические заявления (*libel*) и устную клевету (*slander*). Согласно американскому законодательству, для получения возмещения в деле о диффамации истец должен доказать, что ответчик опубликовал клеветническое утверждение, которое непосредственно касается истца и причинило ему ущерб. Кроме того, это утверждение должно быть ложным и не должно быть защищено привилегиями [Абакумова, 2021].

В правовой плоскости диффамация и дискредитация пересекаются в вопросах защиты репутации. При этом дискредитация представляет собой более обширное понятие, включающее в себя диффамацию, а также другие формы негативного воздействия на репутацию (обвинение, оскорбление). Кроме того, в отличие от дискредитации, диффамация всегда связана с недостоверными, ложными утверждениями, которые намеренно искажают факты о человеке или организации. Таким образом, можно подчеркнуть, что диффамация является одной из форм дискредитации, но не единственной.

В языкознании дискредитация традиционно рассматривается как речевая стратегия, однако существуют и иные точки зрения, согласно которым дискредитацией называют макроречевой акт, в котором взаимодействие коммуникантов развивается в зависимости от преобладания либо кооперативных, либо конфронтационных интенций в применяемых коммуникантами речевых стратегиях [Сиворакша, 2007; Лисихина, 2008].

Стратегию дискредитации (термин О. С. Иссерс, 1997) характеризуют речевые действия (тактики) «ликоущемляющего» характера [Сиворакша, 2007, с. 452], направленные на то, чтобы «подорвать доверие, вызвать сомнение в положительных качествах» лица [Иссерс, 1997], «развенчать его позиции» [Михалева, 2009, с. 45], что способствует причинению репутационного и статусного ущерба.

Стратегию дискредитации определяют и как макроинтенцию, нацеленную на снижение «положительного образа» адресата, подрыв доверия к

нему, умаление его авторитета и значения [Мулькеева, 2006, с. 10]. Как отмечает Э. Н. Егорова, стратегия дискредитации является одной из самых сильных конфронтационных стратегий речевого поведения [Егорова, 2015], поскольку она характеризуется конфликтной иллокутивной целью с точки зрения социально приемлемого поведения. Данная стратегия может применяться в различных сферах, однако наибольшую востребованность она имеет в области политической риторики [Иссерс, 1999; 2008; Вознесенская, 2010; Хлопотунов, 2022; Крячкова, 2019; Сапрыкина, 2007; Кулабухов, 2018; Катенева, 2010; Гунькова, 2022; Ширяев, 2018; Паршина, 2005; Руженцева, 2004; Михалева, 2008; Roggi et al., 2011]. В современных условиях с преобладающими в обществе идеями о доминировании и конкурентоспособности обращение политиков и журналистов к стратегии дискредитации может быть продиктовано разнообразными мотивами, такими как борьба за обладание властными ресурсами, медийная конкуренция, стремление к высоким рейтингам и доходам, а также идеологические убеждения.

В настоящем диссертационном исследовании стратегия дискредитации рассматривается как речеповеденческая стратегия, реализуемая в политическом ток-шоу, что обуславливает такие признаки данной стратегии как целеполагание, ресурсозатратность и подготовленность. *Речеповеденческая стратегия дискредитации (РПСД) представляет собой осознанную и последовательную линию агрессивного речевого поведения, соответствующую коммуникативной цели, которая объективируется через призму оценочных установок автора, – подрыв доверия общественности к определенному лицу или группе лиц и причинение репутационного вреда.* Коммуникативная цель РПСД осуществляется через: 1) эксплицитные и имплицитные пейоративные оценки; 2) порождение сомнений в приемлемости, уместности, эффективности и легитимности действий дискредитируемого лица; 3) формирование пренебрежительного отношения, чувств неприятия, осуждения, презрения,

возмущения; 4) создание и закрепление в сознании зрителей ток-шоу отрицательного образа.

РПСД реализуется арсеналом речевых тактик, речевых ходов и выразительных средств, обращение к которым носит тщательно обдуманый, целенаправленный характер.

Ввиду имеющегося терминологического разнообразия при описании лингвистами стратегии дискредитации, уточним содержание понятийно-терминологического аппарата РПСД (в политической медиажурналистике). Применительно к конститuentам РПСД, традиционно обозначаемым как речевая тактика, речевой ход, выразительные средства, языковой маркер используем уточняющий эпитет «дискредитирующий». Текстовые сообщения любой продолжительности (фраза, предложение, абзац, фрагмент, контекст), направленные на снижение статуса человека, также именуем дискредитирующими. Ведущий политического ток-шоу – адресант дискредитирующего сообщения, назван субъектом дискредитации (СД). Границы целевой аудитории, как правило, размыты [Сиротин, 2019, с. 131], поскольку дискредитирующее сообщение может быть адресовано отдельному политическому персонажу, политической группе, либо всей стране, а возможно и всему мировому сообществу, и такая адресация неизменно носит публичный характер. Таким образом, с одной стороны, групповой адресат, охарактеризованный как «носители определенных психологических и идеологических черт, привычек и моральных ценностей» [Чеснокова, 2011, с. 102], представляет собой коллективный объект дискредитации (ОД), в данном случае – администрацию президента США Джо Байдена (*адресат-1*). С другой стороны, для обозначения *адресата-2*, включающего косвенного адресата (зрителей политического ток-шоу у экранов) и персонального/индивидуального адресата (приглашенных экспертов), мы используем общепринятый в медиажурналистике термин «массовый адресат».

К ключевым характеристикам РПСД относится «рассчитанность на публичность речевых действий» [Мулькеева, 2006] и их двунаправленность – с одной стороны, на ОД, с другой – на массового адресата, чье представление об ОД корректируется. Следовательно, задеть чувства самого адресата-1 и нивелировать его образ в глазах адресата-2 – две основные коммуникативные задачи, выполнение которых определяет успешность данной стратегии [Третьякова, 2003].

В политической коммуникации решение такой задачи, как задеть чувство собственного достоинства и вызвать у человека обиду, злость и ощущение неполноценности, зачастую уходит на второй план, поскольку принципиально значимым становится эффективное понижение статуса дискредитируемого лица именно в глазах третьего лица" [Лисюткина, 2019, с. 63]. Все речевые действия автора дискредитирующего высказывания – «игра на зрителя» [Михалева, 2009] и направлены на то, чтобы его негативное мнение разделили зрители и оно в максимальной степени стало достоянием широкой аудитории [Руженцева, 2004]. Данная задача РПСД решается при апелляции к стереотипам общественного сознания, образующим дихотомии: «добро/зло», «порядок/хаос», «белое/черное», чтобы «разбить представленную в тексте модель мира на части, сделать ее строго поляризованной, без всяких смысловых оттенков или нюансов» [Миронова, 2003]. Речевые действия СД выстраиваются в соответствии с ролевой структурой политического нарратива, заданной «базовой семиотической оппозицией “свои/чужие”» [Шейгал, 2000, с. 398] для мобилизации сторонников и разделения общества на два противоборствующих лагеря.

К приемам, реализующим оппозицию «свои/чужие» относится, прежде всего, использование оценочных высказываний. Под положительно характеризуемую группу «своих» попадает СД и адресат-2. Стоит выделить и «прием интимизации повествования» [Влавацкая, 2023, с. 1 863] (местоимения *we, our, us*), манипуляционная сила которого проявляется в создании чувства

идентичности, принадлежности к группе «свои», что способствует достижению эффекта солидарности адресата-2 с СД и его высказываниями. Отношение к группе «чужих» объективируется исключительно отрицательными (пейоративными) оценками, «полутона обычно не используются» [Руженцева, 2004, с. 86]. Чувство отчужденности у аудитории создается и усиливается с помощью поляризующих местоимений *they, their, these, those*. Негативное маркирование оппозиционной группы «чужие» не только эксплицирует личное мнение субъекта дискурса, но и имплицитно передает следующую идею: «*объект дискредитации не заслуживает вашего уважения, доверия, признания*», манипулируя сознанием массового адресата.

В политическом ток-шоу в рамках РПСД обращение к пейорации прослеживается при реализации всех коммуникативных действий, которые условно подразделяются на два типа: объективную и субъективную дискредитацию [Волкова, 2007, с. 17]. Целью объективной дискредитации является выражение негативной оценки ОД посредством аргументированных обвинений в различных нарушениях, таких как ложные заявления, невыполнение своих непосредственных обязанностей и ранее данных обещаний, а также обоснованная критика любых действий, противоречащих «норме». Информирование посредством фактов и доводов зачастую не сопровождается выражением отношения говорящего. В отсутствие информации фактологического характера, речевые действия опираются на оценочное мнение ведущего, политика, журналиста – субъективная дискредитация, нацеленная на то, чтобы «подорвать доверие, вызвать сомнение в положительных качествах» [Волкова, 2007, с. 17] объекта критики, представить его негативно. Критической оценке подвержены личные, профессиональные качества, совершенные, предполагаемые и гипотетические поступки. Субъективная оценка выражается и в форме оскорблений, издевок, насмешек, саркастических замечаний. Объективная и субъективная «деструктивная

оценочность» [Чернышова, 2014, с. 101] в речевом поведении СД может выражаться в прямой (эксплицитной) и косвенной (имплицитной) форме.

Следовательно, пейоративная оценка ОД, варьирующаяся по содержательному наполнению, способу и форме выражения, ложится в основу дискредитирующих речевых тактик и инструмента их вербализации – речевых ходов.

Важным свойством речевых тактик и ходов, актуализирующих РПСД, является их склонность и способность к взаимодействию. В зависимости от способа текстовой реализации тактики РПСД и их речевые ходы можно классифицировать по двум основным группам: 1) автономные, 2) комбинированные.

### **1.5.1. Автономные дискредитирующие речевые тактики**

*Под автономной дискредитирующей тактикой подразумевается такая коммуникативная задача, которая реализует лишь один из потенциальных вариантов выражения негативной оценки по отношению к ОД в рамках одного контекста с целью нанесения ущерба его репутации и лишения его общественного доверия.* К числу автономных дискредитирующих речевых тактик следует отнести все тактики на основе их принадлежности к конкретной группе – основным тактикам [Иссерс, 2008], занимающим ядерную позицию [Мулькеева, 2006], в противовес вспомогательным тактикам с их периферийной позицией (тактика шуток) [Мулькеева, 2006].

Основными дискредитирующими тактиками являются оскорбление, насмешка/издевка и обвинение [Иссерс, 2008; Вознесенская, 2010], отвечающие основополагающей цели РПСД – снижению авторитета ОД (политика, партии, правительства) в глазах третьих лиц, а также осмеяние, опорочивание, унижение, оскорбление [Катенева, 2010].

В политической медиажурналистике обвинение, оскорбление и насмешка как речевые тактики неизменно присутствуют в различных классификациях

дискредитирующих тактик [Руженцева, 2004; Катенева, 2010; Лисюткина, 2019; Хлопотунов, 2022 и др.], выделяемых на основе различных параметров: конкретной политической ситуации, целевых установок и политических взглядов автора, а также специфики целевой аудитории [Рогожникова, 2019, с. 62]. Однако некоторые лингвисты также предлагают собственные названия для их обозначения и расширяют перечень тактик дискредитирующей направленности. И. Г. Катенева, например, выделяет тактику бездоказательного умаления авторитета, сопоставительную тактику, цитирование ОД и др. [Катенева, 2010].

Коммуникативные действия СД обусловлены, прежде всего, «выбором формы высказывания для реализации такой частной интенции, как обвинение дискредитируемого лица» [Руженцева, 2004, с. 280]. Такой подход позволил, наряду с основными автономными тактиками, конституирующими РПСД, такими как обвинения, оскорбления и насмешки, выделить тактики негативного прогнозирования и обманутого ожидания. Представленные автономные тактики РПСД рассматриваются как самодостаточные и равнозначные по силе объективизации дискредитирующей интенции, что не исключает возможности их корреляции.

В зависимости от избранной тактики к дискредитируемому лицу применяются наименования, релевантные специфике каждой из тактик: 1) объект обвинения, объект критики, обвиняемое лицо, обвиняемый (тактика обвинения); 2) объект оскорбления или инвектум (тактика оскорбления); 3) объект обвинения для тактик негативного прогнозирования и обманутого ожидания, основанных на обвинительной интенции; 4) объект насмешки/объект осмеяния (тактика насмешки). Эти обозначения являются гипонимами по отношению к «объекту дискредитации», что делает их взаимозаменяемыми при описании теоретической базы и результатов анализа эмпирического материала исследования.

Каждая из выделенных автономных тактик предопределяется соответствующей задачей и актуализируется в речи через различные варианты ее реализации – речевые ходы, направленные на решение конкретной задачи, которая необходима для достижения общей глобальной цели – лишить доверия, имиджа и авторитета ОД.

Не существует универсальных дискредитирующих речевых ходов, которые идеально подходят для реализации любой тактики, поскольку каждый речевой ход определяется не только интенцией локального порядка (то есть прагматически значимой информацией), но и формой/способом ее манифестации в тексте.

Речевые ходы реализации автономных дискредитирующих тактик выделяются «в зависимости от выбранной речевой тактики» [Ли Цинь, 2018, с. 34] и дифференцируются по ряду оснований:

1) *По форме выражения локальной дискредитирующей интенции* (тактики обвинения, оскорбления и насмешки):

- а) эксплицитные;
- б) имплицитные.

2. *По наличию/отсутствию аргументов* (тактики обвинения и обманутого ожидания):

- а) аргументированные;
- б) неаргументированные.

3. *По степени вероятности наступления негативных событий* (тактика негативного прогнозирования):

- а) прогноз высокой степени вероятности;
- б) прогноз средней степени вероятности;
- в) прогноз низкой степени вероятности.

*Если в пределах одного дискредитирующего контекста речевая тактика актуализируется единственным из возможных для нее речевых ходов, то такие речевые ходы определяются как автономные.*

*Комбинированные речевые ходы представляют собой комбинации из нескольких речевых ходов, реализующих одну дискредитирующую тактику в одном логически завершённом контексте.*

### **1.5.1.1. Тактика обвинения**

Основной мотив стратегии РПСД, включая ее применение в политических ток-шоу, заключается в стремлении выявить виновных в тех или иных проступках, нарушениях и действиях, а также обнародовать их перед общественностью [Катенева, 2010, с. 10]. В качестве ведущей дискредитирующей тактики выступает тактика обвинения, определяемая как приписывание лицу какой-либо вины, признание виновным в чем-либо, а также раскрытие, обнаружение неблагоприятных намерений, качеств и действий [Михалева, 2009, с. 47].

«Обвинение» обозначается как «приписывание вины, проступка деяниям какого-либо лица или доказательство его виновности. Обвинение – это определение первопричины действия со злым умыслом или плохим последствием» [Основы духовной культуры: Электронный ресурс]. Слово «обвинение» в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой имеет несколько различных значений: 1. Упреки, укоры. 2. Признание виновным в чем-нибудь, приписывание кому-нибудь какой-нибудь вины. 3. Юридические действия, направленные на доказательство виновности того, кто привлекается к уголовной ответственности. 4. Обвинительный приговор. 5. Обвиняющая сторона в судебном процессе [ТСРЯ: Электронный ресурс].

Обвинение является многогранным объектом исследования в рамках различных отраслях наук: филологических, юридических, психологических, социологических.

В современном языкознании наблюдается несколько тенденций к изучению обвинения, в рамках которых обвинение рассматривается как:

речевой жанр [Лаврентьева, 2006; Дубровская, 2014; Водоватова, Немцева, 2019]; речевое действие [Сапрыкина, 2007]; речеповеденческая тактика [Верещагин, Костомаров, 2005]; коммуникативная стратегия [Никифорова, 2012; Чепурная, 2022; Зюбина, 2023]; речевой акт [Васильева, 2001; Трофимова, 2008]; речевая тактика [Иссерс, 2008; Иваненко, 2013; Копнина, 2017; Лисюткина, 2021; Закурдаева, 2023]; коммуникативный поступок [Горбачева, 2017]; форма речевого поведения [Бринев, 2009].

Исследуя обвинение как одну из стратегий некооперативного диалогического взаимодействия в американском политическом дискурсе, А. И. Чепурная относит данную стратегию к группе свободных по функциональной зависимости стратегий, учитывая возможность ее реализации как в «вынуждающих», так и в «вынуждаемых» репликах [Чепурная, 2022, с. 163].

К. И. Бринев утверждает, что основу обвинения как речевого поведения, способного вызвать перлокутивный эффект обиды, «составляют высказывания, в которые входят номинации, содержащие описания негативно оцениваемой деятельности» [Бринев, 2009, с. 103]. Это сопоставимо с речевыми актами обвинения, которые выстраиваются по следующим схемам:

- а) знаю/предполагаю, что ты сделал X;
- б) знаю, что X считается негативно ценным;
- в) говорю тебе/говорю в присутствии третьих лиц, что ты сделал X или занимаешься X;
- г) говорю это тебе для того, чтобы ты признал свою вину, или чтобы ты знал, что твой статус ниже моего [Бринев, 2009, с. 103].

Исследователь А. Р. Залегдинова выделяет различные семантические варианты тактики обвинения, которые регулярно встречаются при реализации прямого обвинения в русском и американском политическом дискурсе. К таким вариантам относятся: субъект совершает или совершил негативное действие; субъект является или был причиной негативного события; для субъекта

свойственно или было свойственно негативное поведение; а также субъект не совершает или не совершил никакого положительного действия [Залегдинова, 2012].

Обвинение как речевая тактика исследуется преимущественно в контексте политической коммуникации [Паршина, 2005; Михалева, 2009; Вознесенская, 2010], а также в рамках медиакоммуникации [Горина, 2004; Лисюткина, 2021]. Специфика дискредитирующей тактики обвинения, реализуемой в условиях политической медиажурналистики, проявляется в следующих аспектах:

1. Отрицательная оценка самого ОД и его реальных действий [Иссерс, 2008].

2. Инкриминация дискредитируемому лицу вины за действия и поступки, не соответствующие общепринятым правовым, социальным, нравственным и этическим нормам [Заложная, 2011].

3. Использование лексических средств, содержащих пейоративный оценочный компонент [Михалева, 2009, с. 48].

4. Прямая или опосредованная связь негативных действий с обвиняемым (эксплицитное или имплицитное обвинение).

5. Обвинения могут быть подкреплены доказательствами или основываться на личных умозаключениях и предположениях СД (аргументированное или неаргументированное обвинение).

6. Репутационный ущерб и снижение степени уважения и доверия к ОД становятся возможными, когда обвинение передается публичной огласке, то есть становится «предметом открытого обсуждения и осуждения» [Михалева, 2004, с. 13].

Таким образом, *тактика обвинения – одна из коммуникативных задач РПСД, которая направлена на обнародование случаев злоупотреблений ОД властью и их негативных последствий, любых неприемлемых или морально-этических с точки зрения СД нарушений, обличение истинных мотивов и*

*тайных замыслов ОД, разоблачение обнаруженных фактов обмана, умолчания правды. Формирование негативного образа адресата-1 в сознании адресата-2 достигается тем, что адресат-1 (ОД) действует в угоду своим личным интересам, которые либо не соответствуют, либо кардинально противоречат интересам адресата-2.*

### **1.5.1.2. Тактика оскорбления**

Тактика оскорбления наряду с тактикой обвинения широко представлена в большинстве классификаций стратегий дискредитации [Паршина, 2005; Ярославцева, 2007; Иссерс, 2008; Вознесенская, 2010; Бодулева и др., 2022; Хлопотунов, 2022; Степанова, 2023]. Это обусловлено возрастающей тенденцией к инвективизации современного общества в политической и социальной сферах, где вербальные атаки и уничижительные высказывания эффективно применяются для дискредитации человека (политика, чиновника, журналиста, общественного деятеля) в общественном мнении [Михалева, 2009].

Оскорбление – «форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное «поступок, поведение, слова, оскорбительные, обидные, унижающие кого-либо» [БТСРС: Электронный ресурс]. В правовой сфере за оскорбление Кодексом РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность (КоАП РФ Статья 5.61). Под административно наказуемым оскорблением понимается «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме» [КонсультантПлюс: Электронный ресурс].

Феномен «оскорбление» традиционно рассматривается с лингвистических и правовых позиций как: нарушение коммуникативной нормы [Давлетшина, 2012], основанный на речевой агрессии иллокутивный речевой акт, понижающий социальный статус оппонента [Кусов, 2004; 2011]; тактический ход, реализующий тактику оскорбления и издевки [Иссерс, 2008];

форму речевого поведения, оцениваемую в современной юридической лингвистике как неприличную вне зависимости от формы выражения [Бринев, 2009]; базовый концепт конфликтного дискурса [Егорова, 2010]; речевой акт в речевых ситуациях институционального общения [Шахматова, 2013]; речевой акт в аспекте русской правовой культуры [Чернышова, 2014]; речевой акт в судебно-лингвистической экспертизе [Магерарова, 2018; Малышева, 2023]; форму проявления вербальной агрессии [Воронцова, 2007; Новикова, 2018]; речевой акт, реализующий стратегию унижения [Баранов, Ерохина, 2020]; коммуникативно-прагматический признак речевого акта дискредитации [Колтунова, Жарков, 2022].

С точки зрения теории речевых актов, под оскорблением понимается иллокутивный речевой акт, принимающий форму агрессивного речевого поведения, результатом которого является вынесение негативной оценки морального поведения или проступка адресата [Кусов, 2011, с. 71]. Оскорбление возникает в том случае, когда происходит понижение социального статуса человека, и он ощущает, что затронута его честь [Кусов, 2004].

Опираясь на понимание оскорбления Дж. Остином, как одного из видов речевых произведений-действий, К. И. Бринев [Бринев, 2009] выделяет следующие структурные элементы речевого акта «оскорбление», каждый из которых является необходимым для установления статуса «оскорбление» в судебной лингвистической экспертизе:

1. Участники. Участник № 1 определен как инвектор (адресант оскорбительного высказывания), Участник № 2 именуется инвектумом (адресат инвективы), Участник № 3 – наблюдатель.

2. Иллокутивная цель высказывания – инвектор пытается причинить эмоционально-психический ущерб инвектуму (вызвать состояние обиженности).

3. Условия успешности речевого акта оскорбления зависят от осознания инвектумом того, что инвектор направил инвективное высказывание в его отношении.

#### 4. Инвективное высказывание.

Обличительная, оскорбительная речь, пренебрежительные высказывания, гневное выступление, резкий выпад и обвинение именуется термином-гиперонимом «инвектива» [Словарь лингвистических терминов и понятий, 2010, с. 120]. Этот термин охватывает все формы вербальной агрессии, применение которых противоречит установленным нормам взаимодействия и нарушает социально принятые моральные принципы. Иными словами, инвектива предполагает коммуникативную конфронтацию вместо коммуникативного сотрудничества [Трофимова, 2008, с. 218]. Слово, предложение либо целый текст могут быть признаны инвективой в зависимости от того, обладают ли они инвективностью [Коряковцев, 2009], то есть таким свойством, которое характеризуется «потенциалом естественной конфликтности» и включает в себе совокупность признаков, оценка актуального «веса» которых необходима для принятия решения о принадлежности к инвективе (неинвективе)» [Коряковцев, 2009, с. 10]. Понятие инвективности также сопряжено с понятием «оскорбительность» [Коряковцев, 2009, с. 10]; последнее применяется для обозначения степени негативных или отталкивающих характеристик, присущих конкретному слову [Jay, 1992, p. 161–162].

Инвективная лексика – это терминологическое обозначение лексики, содержащей в своей семантике и экспрессивной окраске оскорбление личности адресата. Она включает в себя «интенцию говорящего или пишущего унижить, обесчестить, опозорить» объект оскорбления [Цена слова..., 2002, с. 336]. Обычно такая лексика сопровождается стремлением выразить это в максимально «уничижительной, резкой, грубой или циничной форме» [Цена слова..., 2002, с. 336].

Инвективный фонд русского языка состоит из бранной, обценной и нецензурной лексики [Цена слова..., 2002], но не исчерпывается исключительно ею [Заворотищева, 2010]. Следовательно, нецензурность и неприличность не являются непременным условием для отнесения той или иной лексической единицы к «разряду инвектив» [Заворотищева, 2010, с. 7].

В словаре Merriam-Webster «*invective*» обозначается как оскорбительная или бранная речь («*insulting or abusive language*») [Merriam Webster: Электронный ресурс]. Инвективный вокабуляр английского языка состоит из нецензурных выражений, вульгаризмов, обценизмов и брани [Battistella, 2005, p. 72–82]. Кроме того, выделяются отдельные группы оскорбительных слов и выражений: табуированная лексика «*taboo*», богохульства «*blasphemy*», проклятья «*cursing*» и скатологизмы «*scatology*», то есть бранная лексика, включающая наименования нечистот, а именно продуктов жизнедеятельности организма [Jay, 1992, p. 2–9].

Поскольку параметры и границы инвективности и оскорбительности диффузны, исследователи неизменно задаются вопросами: что же такое оскорбительное слово [Голев, Матвеева, 2006, с. 205] и по какому критерию его необходимо оценивать – исходя из его определения в бытовом понимании или в соответствии с требованиями норм права [Кусов, 2004, с. 45]. При проведении лингвистической экспертизы перед экспертом стоит задача установить факт нанесения «оскорбления с точки зрения закона, т. е. с учетом лингвистических признаков унижения чести и достоинства, использования неприличной языковой формы» [Малышева, 2023, с. 172].

Критерии оскорбительности зависят от ряда показателей, таких как качество лексических оценок и стилистические средства их доставки, поскольку стилистические характеристики слова тесно связаны с его эмоциональной окраской и входят в качестве особого компонента в структуру значения слова [Кусов, 2013]. Базовым показателем лингвистической квалификации инвективной лексической единицы является ее стилистическая

маркированность (пометы в толковых словарях). Это также служит легитимным основанием для установления факта оскорбления в юрислингвистической экспертизе [Голев, Матвеева, 2006], а также для оценки степени инвективности данной единицы [Коряковцев, 2009]. Степень инвективности представляет собой особую шкалу индексации инвективной семантики слов «по нарастаюнию оттенков оскорбительного значения» [Голев, 2003]. Чем более оскорбительным является слово, то есть чем выше его уровень градации по степени инвективности, тем выше вероятность его табуирования [Jay, 1992, p. 161–162], что подразумевает ограничение или полный запрет публичного использования.

Оценка степени инвективности и оскорбительности слов в российской и зарубежной лингвистике осуществляется по различным параметрам: по иерархии словарных помет [Саляев, 2014], по степени лексикографической представленности слова [Голев, Иркова, 2023], по количественному показателю слов с оскорбительным потенциалом [Пачина, Пекарская, 2016], по естественным нормам реакции инвектума на стилистически маркированные слова [Коряковцев, 2009], по восприятию участников эксперимента английских бранных слов [Hijazo-Gascon et al., 2024], а также по оценке уровня оскорбительности отдельных слов носителями языка [Rosenberg et al., 2017]. Отечественные ученые, как правило, определяют степень инвективности, ранжируя ее от высокой/наивысшей/сильной до малой/слабой/наименьшей [Голев, 2003; Пачина, Пекарская, 2016]. Однако зарубежные исследователи оценивают уровень оскорбительности «*level of offensiveness*», согласно которому слова шкалируются от очень оскорбительных «*very offensive*» до не оскорбительных «*not offensive*»/«*inoffensive*» с возможными промежуточными позициями, например, слова со средним уровнем оскорбительности «*average*» [Coffey, 2010; Coyne et al., 2016; O'Dea et al., 2015].

Вызывает интерес опыт американских молодых ученых в области компьютерной лингвистики, разработавших программное обеспечение OLID

(Offensive Language Identification Dataset), позволяющее не только обнаруживать потенциально оскорбительные сообщения в социальных сетях, но и категоризировать выявленную оскорбительную лексику [Zampieri et al., 2019]. Публикации российских исследователей, участвующих в проекте RUSSE Detox, отражают результаты их работы по детоксикации текста, то есть созданию нейтральных версий оскорбительных текстов на русском языке с помощью соответствующих программ и баз данных [Dementieva et al., 2021].

Исходя из вышеизложенного, инвектива представляет собой базовую иллокуцию, лежащую в основе речевой тактики оскорбления, которая реализует РПСД. Для того чтобы цель данной тактики – публично унизить ОД – была достигнута, инвектору (СД) необходимо выявить уязвимое место и сфокусироваться на нем в инвективном высказывании [Трофимова, 2008, с. 218]. При этом непосредственное присутствие дискредитируемого лица не является непременным условием успешности реализации данной тактики [Иссерс, 2009, с. 165]. Любая черта личности человека может стать мишенью для оскорбления, включая внешний вид, отрицательные качества характера, интеллект (например, обозначения недостатков умственного развития), физическое состояние (инвективные обозначения внешности человека и отклонений в здоровье), а также нравственные качества (асоциальные модели поведения), профессионализм и биографические аспекты, включая информацию о родственниках, образе жизни и так далее [Заворотичева, 2010; Салимова, Газизов, 2016].

Тактика оскорбления реализуется инвективами, представленными лексическими единицами с пейоративной окраской и отрицательными коннотациями, а также словами и выражениями, не имеющими «прозрачных инвектированных лексических признаков» [Кусов, 2004, с. 20]. В связи с тем, что унижение и уязвление инвектума сопровождается, вместо логического обоснования, доводов и доказательств, «экспликацией эмоционального составляющего компонента» [Михалева, 2009, с. 49], широкая амплитуда

инвективной лексики – от фамильярно-насмешливого до уничижительного и даже вульгарного характера [Коровушкин, 2005, с. 22] – позволяет актуализировать ту «форму презентации негативно-оценочного суждения» [Руженцева, 2004, с. 34] об ОД, которую выбрал адресант для демонстрации оскорбительной интенции. В этой связи оскорбления различаются по способу нанесения: на прямые (эксплицитные) и косвенные (имплицитные). Для дифференциации «эксплицитного оскорбления» и «имплицитного оскорбления» разработана авторская шкала степени инвективности, которая включает три степени: сильная степень, средняя степень и слабая степень (см. Таблицу 1 – Шкала степени инвективности). Основой для данной шкалы послужили классификация инвективной лексики и фразеологии литературного русского языка [Горбаневский, 2006; Цена слова ..., 2002], шкала критериев выявления степени инвективности [Пачина, Пекарская, 2016], а также иерархия словарных помет, позволяющая определить степень инвективности лексической единицы в русском языке [Саляев, 2014]. Дополнительно учтена лексикографическая кодификация, выработанная на основании сопоставительного анализа стилистических помет в словарях английского языка как иностранного [Stachurska, 2018].

Таким образом, *тактика оскорбления в соответствии со стратегическим замыслом речеповеденческой стратегии дискредитации направлена на понижение авторитета и социального статуса объекта дискредитации посредством публичных инвективных речевых действий, унижающих его честь и достоинство.*

**Таблица 1 – Шкала степени инвективности**

<b>Степень инвективности</b>	<b>Пометы в русских толковых словарях</b>	<b>Пометы в словарях английского языка</b>	<b>Комментарий</b>
Сильная	бран. (бранное)	vulgar obscene	Слова, употребляемые с целью обидеть адресата, оскорбить его.
	вульг. (вульгарное)	taboo	Слова, выходящие за пределы литературного языка.
Средняя	разг. сниж. (разговорно-сниженное)	informal slang	Слова, обладающие сниженной тональностью и употребляющиеся преимущественно в разговорной речи.
	прост. (просторечное)	informal slang	Слова, обладающие грубым содержанием или резкостью выражаемой оценки, употребляются в разговорной речи, находясь на границе литературного языка.
	груб. прост. (грубо-просторечное)	offensive	Слова, не соответствующие нормам литературного языка и часто направленных на оскорбление адресата.
	груб. (грубое)		Слова, содержащие неуместно резкую и зачастую уничижительную оценку.
	неодобр. (неодобрительное)	disapproval derogatory	Слова, содержащие пейоративную оценку или выражающие неприязнь к кому-либо или чему-либо.
	пренебр. (пренебрежительное)		Слова, содержащие оценку, выражающую снисходительное порицание с оттенком высокомерия.
	уничиж. (уничижительное)		Слова, которые выражают крайнюю степень пренебрежения, уязвляющие адресата.
	презрит. (презрительное)		Слова, содержащие резкое осуждение, порицание и презрение.
Слабая	эвф./эвфем. (эвфемизм)	euph. (euphemism)	Слово или выражение, используемое для замены другого, которое считается неподходящим, грубым или непристойным в данной ситуации, на более приемлемое или тактичное.

### 1.5.1.3. Тактика насмешки

Наряду с тактиками обвинения и оскорбления РПСД в политической медиакommunikации актуализируется и тактикой насмешки, служащей эффективным способом выражения пейоративной оценки и критики политических лидеров, оппозиционных деятелей, стран, находящихся в конфликте или имеющих сложные межгосударственные отношения. Тактика насмешки «продуцирует в тексте смысловые приращения и обладает дискредитирующим потенциалом» [Иссерс, 2009, с. 103], поскольку имплицитные смыслы могут подвергаться неоднозначной интерпретации со стороны аудитории, зачастую превышающей изначальный замысел СД.

Толковые словари русского языка дают схожие определения насмешки как формы коммуникации, направленной на осуждение или критику кого-либо, выражение уничижительного или злорадного отношения к кому-либо [ТСРЯ: Электронный ресурс], чему-либо путем высмеивания, осмеяния объекта насмешки [СРЯ: Электронный ресурс]. По данным английских словарей, насмешка (англ. *mockery*) – это оскорбительное или презрительное действие или речь [Merriam Webster Dictionary: Электронный ресурс], критический комментарий, глумление [Collins Dictionary: Электронный ресурс], уничижительные и замечания или действия [Cambridge Dictionary: Электронный ресурс].

Опубликованные исследования в основном сосредоточены на анализе отдельных аспектов изучения языкового феномена насмешки, таких как интонационные средства выражения эмоций группы «насмешка» [Григорьева, 1999], инвективная функция насмешки [Доронина, 2002], национальная специфика семантики глаголов, обозначающих насмешку [Шишкина, 2004], содержание концепта «насмешка» [Карасик, 2011], тематика насмешки в межличностном общении [Haugh, Bousfield, 2012], коммуникационные схемы, по которым формулируются насмешливые высказывания в британском лингвосоциуме [Ножевникова, 2015], невербальные средства выражения

насмешки [Mar, Szamola, 2024], языковые средства реализации насмешки как деструктивной тактики [Хлопотунов, 2019].

Отличаются и подходы, применяемые к данному явлению, рассматриваемому как речевой акт [Михалькова, 2009; Паремюзашвили, 2012; Бачурка, 2017], ментальный сценарий [Попова, 2016], концепт [Карасик, 2011; Алексеева и др., 2021], речевое действие [Воронина, 2009], форма проявления речевой агрессии [Закоян, 2010], разновидность иронии [Залевская, Ибрагимова, 2023], самостоятельная разновидность смеха [Товкайло, 2020], прагматическая ситуация [Ножевникова, 2016], ситуация-сценарий [Залавина, 2007], речевой жанр [Волкова, 2005], речевая тактика [Иссерс, 2009; Федорова, Николаева, 2018; Хлопотунов, 2019; Горина, 2004; Залегдинова, 2012; Заложная, 2017; Орлова, 2017], речевой ход [Могилевская, 2011; Морева, 2016].

Ю. В. Щербинина понимает насмешку как обидную шутку, язвительное замечание, продиктованное стремлением говорящего сказать собеседнику неприятное, подвергнуть осмеянию [Щербинина, 2006, с. 179]. Схожего мнения придерживается С. В. Доронина, трактующая насмешку как «разновидность инвективы, речевой акт» [Доронина, 1996, с. 10], способный вызывать резкое снижение статуса собеседника, поскольку содержит негативную оценку его личных качеств «путем их осмеяния, вызывая, таким образом, чувство обиды и оскорбленности» [Доронина, 1996, с. 10]. Выражение враждебности представляет собой одну из иллокутивных функций речевого акта насмешки, в то время как другая – «кооперативная» функция заключается в поддержании норм приличия перед свидетелями конфликта [Доронина, 2006, с. 81].

На основе методов семасиологического анализа С. А. Попова выявляет ключевые компоненты ментального сценария «насмешка», представленные в русской и английской картинах мира, а именно: субъект, речевое/неречевое действие, объект, каузатор, цель, оценочный и эмоциональный компоненты, основание оценки и взаимоотношения между субъектом и объектом [Попова, 2016]. В обоих языках ситуация насмешки представлена в виде варианта

«сценария военных действий» [Попова, 2016, с. 55], где присутствуют нападающий и защищающийся [Попова, 2016, с. 55].

В. И. Карасик определяет насмешку как «разновидность речевой агрессии» [Карасик, 2011, с. 128], которая проявляется в виде коммуникативных действий, состоящих «в понижении значимости объекта оценки путем подчеркивания его нелепой комичности с намерением причинить ему зло и получить от этого удовольствие» [Карасик, 2011, с. 120]. В своем исследовании Владимир Ильич выявляет структуру и разновидности концепта «насмешка» в русской и британской лингвокультурах [Карасик, 2011, с. 120]. Для русских людей на первый план выходит внутреннее (эмоциональное) «отношение насмешника к объекту осмеяния», для представителей англоязычного сообщества – демонстрация такого отношения [Карасик, 2011, с. 129]. По признаку злонамеренности противопоставляются язвительные и дружеские насмешки; по степени выраженности замысла – грубые и тонкие; по жанровой оформленности – спонтанные и фольклорные (либо литературные) [Карасик, 2011, с. 128].

Насмешка часто исследуется в контексте таких смежных явлений или родственных видов в рамках категории комического, как ирония, юмор, сарказм и сатира. В частности, лингвистические термины «ирония» и «сарказм» традиционно объясняются через призму явления насмешки: ирония (гр. *εἰρωνεία* – «притворство») – это «тонкая насмешка, прикрытая внешней учтивостью» [Поэтический словарь, 1966], «притворное восхваление, таящее в себе насмешку» [Словарь лингвистических терминов, 2010]; сарказм – это наиболее резкое, жесткое выражение иронии; язвительная насмешка [Словарь лингвистических терминов, 2010, с. 473]. Насмешливое отношение, проявляющееся через изображение «денотата или его характеристик в проигрышном (нелепом) виде» [Кобенко, 2023, с. 90], может быть лишено злобы, и в таком случае оно становится юмором. Это контрастирует с сатирой, которая представляет собой макрожанр, где критике или высмеиванию

подлежат «определенные личности, общественные явления, устои и мировоззренческие принципы» [Кобенко, 2023, с. 90].

Вслед за рядом российских исследователей [Иссерс, 2009; Залегдинова, 2012; Хлопотунов, 2019] мы выделяем насмешку как одну из речевых тактик, реализующих РПСД. *Тактика насмешки – это коммуникативная задача РПСД, которая состоит в демонстрации негативного (уничижительного, издевательского, злорадного) отношения СД к ОД посредством критических, осуждающих и высмеивающих высказываний в публичном пространстве.* В политической медиажурналистике насмешка становится востребованной речевой тактикой, поскольку при насмешливом осмыслении слов, поступков и самой личности дискредитируемого лица (объекта насмешки) одновременно происходит его унижение и принижение, что становится прочной «основой для создания антиимиджа» [Хлопотунов, 2019, с. 60].

Воздействие тактики насмешки на адресата-2 схоже с тем, которое возникает и при реализации тактики оскорбления, а именно «насмешка переносит смысловую доминанту из рациональной сферы в эмоциональную» [Лисюткина, 2021], за счет этого ослабевает способность зрителей «к рациональному анализу и критическому мышлению» [Горина, 2004, с. 81].

Как и любое высказывание комического содержания тактика насмешки отображает намеренно искаженную, деформированную реальность [Доронина, 2006, с. 81] с тем, чтобы не просто заострить внимание зрителей на комичности, нелепости, несуразности ОД либо ситуации с его участием, а «высветить» его истинное «лицо», поступки и мотивы, заслуживающие порицания, неодобрения, неприятия.

Таким образом, инкорпорирование комического в политическую медиакоммуникацию посредством тактики насмешки позволяет осуществить сразу две функции: 1) развлекательную (то есть происходит «стирание границ между действительным и вымышленным» [Лисова, 2011, с. 2], 2) дискредитирующую, позволяющую реализовать намерение выставить

«врага» мелким, смешным, недостойным» [Куранова, 2010, с. 276], придерживаясь при этом социальных норм “*comme il faut*” [Доронина, 2006, с. 81]. Иными словами, попадая в состояние эмоциональной зависимости [Горина, 2004, с. 81] от СД, «аудитория одновременно отдыхает, развлекается и формирует» [Лисова, 2011, с. 5] то отношение к ОД, которое автор сообщения намеревается навязать и которое отвечает его интересам.

Для насмешки как речевой тактики, которая текстуализируется «в виде многомерного континуума» [Карасик, 2011, с. 128] – от «шутки, уязвляющей оппонента», и передразнивания до более жестких форм, таких как ехидство и глумление [Карасик, 2011, с. 128], либо явной издевки с «особой речевой изощренностью» [Муфазалова, 2021], способ демонстрации пейоративной оценки ОД лежит в основе выделения эксплицитной и имплицитной насмешки.

Эксплицитная насмешка характеризуется явным намерением выразить уничижительное отношение к ОД и, таким образом, нанести ему репутационный ущерб. Иными словами, эксплицитная насмешка – это очевидное насмехательство, вербализованное в виде злых или язвительных комментариев, а также острых, саркастических замечаний, достигающих «трагического накала» [Борев, 1970, с. 100]. Противоречие между формой и содержанием эксплицитных насмешливых высказываний либо минимизировано, либо отсутствует, что и делает их оскорбительными для ОД.

Имплицитная насмешка как более утонченный способ актуализации дискредитации демонстрирует большую степень «дружелюбия» и характеризуется юмористическим изображением (абсурдным, нелепым) объекта насмешки. При этом не имеет значения, изображен ли он в реальной или воображаемой ситуации. Дискредитирующая составляющая отходит на второй план, уступая место цели расположить к себе зрителей, вызвать их улыбку и смех, манипулируя их сознанием и восприятием реальности: то, что смешно и нелепо, по мнению журналиста, должно стать таким же смешным и нелепым в глазах его аудитории. Имплицитные насмешки носят больше

«издевательский характер, нежели уничижительный» [Карасик, 2009], комический эффект достигается за счет преувеличения черт и свойств, неожиданных сравнений и сопоставлений.

Таким образом, *тактика насмешки выделяется как одна из тактик РПСД, сущность которой проявляется в выражении насмешливого отношения к дискредитируемому лицу.*

#### **1.5.1.4. Тактика негативного прогнозирования**

Наряду со стремлением оскорбить, унижить, задеть самолюбие ОД и предъявить ему любого рода обвинения СД может прибегнуть к выстраиванию различных неблагоприятных сценариев, участником и/или виновником которого является дискредитируемое лицо. Такое коммуникативное намерение находит воплощение в тактике негативного прогнозирования.

«Прогноз» (греч. *prognosis*) определяется как предвидение развития и исхода каких-либо событий, явлений на основании имеющихся данных [НТСРЯ: Электронный ресурс]. Прогноз (прогнозирование) последствий, которые могут возникнуть в результате осуществления или неосуществления определенных действий, в значительной мере детерминирует, какие решения будут приняты человеком. Прогнозирование приобретает особую значимость именно в периоды нестабильности, когда общество заинтересовано в том, чтобы, «заглянув в будущее», можно было предупредить всевозможные негативные последствия [Байкулова, 2018, с. 286]. Прогнозы позволяют выявить назревающие проблемы и рассмотреть возможные пути их оптимального решения в различных сферах жизни, включая политические, экономические, культурные, исторические и другие, происходящие в отдельных странах и в мире.

В современных лингвистических исследованиях прогноз (прогнозирование) изучается с различных позиций: как речевой акт, «являющийся специфическим средством ориентации, связанный с анализом

будущего в политическом дискурсе» [Шейгал, 2000, с. 295]; речевая тактика в рамках стратегии театральности [Михалева, 2009]; тактика негативного прогнозирования в составе репертуара тактик фрустрационной стратегии [Катенева, 2010]; вид речемышлительной деятельности специалиста-международника [Васильева, 2016]; стратегия в качестве средства репрезентации судебной власти в массмедийной коммуникации [Данкова, Дубровская, 2016]; способ речевого воздействия в массмедийном политическом дискурсе (персуазивные прогнозы) [Байкулова, 2017]; субжанр печатных СМИ, функционирующий в рамках интервью и официальных выступлений политиков [Байкулова, 2018]; прием политизирующей дискредитации субъектов в спортивной медиакоммуникации [Гавра, Балахонская, 2023].

В медийном дискурсе стратегию прогнозирования рассматривают как средство конструирования политических действий [Sowińska, Dubrovskaya, 2012] и как средство репрезентации судебной власти [Данкова, Дубровская, 2016].

С позиции теории речевых актов Дж. Р. Серля прогноз как речевой акт принадлежит к классу репрезентативов, цель которых – отразить положение дел в мире [Серль, 1986].

В политической коммуникации Е. И. Шейгал к ключевым особенностям речевого акта прогноза относит следующие признаки:

- 1) интенцию выразить суждение о возможном ходе событий;
- 2) характерные лингвистические маркеры (будущее время, сослагательное наклонение, показатели модальности вероятности);
- 3) факультативные компоненты: апелляцию к источнику сообщения и мотивы предполагаемых действий политического деятеля [Шейгал, 2000, с. 295].

Представители власти и средств массовой информации обращаются к прогнозам как отрицательным, так и положительным, в качестве инструмента трансформации образа настоящего, прошлого и будущего в наиболее выгодном

для них ракурсе [Байкулова, 2017, с. 34]. Выделяют два варианта оформления прогноза: позитивный и негативный, которые предполагают благоприятное развитие событий и неблагоприятные последствия, создавая, тем самым, положительный или отрицательный имидж задействованных лиц [Данкова, Дубровская, 2016].

Далее в работе будет рассматриваться только негативное прогнозирование как речевая тактика, которую традиционно относят к стратегии дискредитации. При этом меняется ее групповая принадлежность в разных классификациях: она относится к специфичной группе [Лисюткина, 2021, с. 66] и к группе прямых тактик перепрограммирования (дискредитация «путем апелляции к представлениям о мире») [Руженцева, 2004, с. 190].

*Тактика негативного прогнозирования реализует глобальную цель РПСД посредством моделирования негативных сценариев и прогнозов (реальных, возможных, воображаемых/гипотетических) как относительно отрицательно оцениваемых СД действий ОД, так и о негативных последствиях и рисках, связанных с поступками и решениями ОД, реализация которых всегда содержит угрозу и опасность для адресата.* Коммуникативной задачей СД становится замена имеющейся системы представлений адресата-2 о дальнейшем развитии событий на искусственно созданный и «единственно верный» неблагоприятный сценарий, участником и/или виновником которого является ОД [Руженцева, 2004]. Анализ и оценка возможных рисков и последствий различных неправильно принятых, по мнению говорящего, решений и действий способствуют созданию ореола непрофессионализма и неэффективности.

Коммуникативные действия адресанта при реализации тактики негативного прогнозирования, как и других дискредитирующих тактик, направлены на создание и закрепление в сознании аудитории образа врага, принадлежащего к группе «чужие», в лице ОД (отдельного политического деятеля, партии), путем «моделирования опасности, исходящей от него и

направленной на представителей группы «свои» [Руженцева, 2004]. Отсюда следует другая важная черта рассматриваемой тактики – фактор страха, используемый в качестве инструмента влияния на мнения, установки или поведение людей. Апелляция к чувствам тревожности, неопределенности и страха, изображая образы мрачного и беспросветного будущего, делает прогноз эффективным в плане воздействия на мысли, чувства и эмоциональный фон массового адресата [Байкулова, 2018, с. 291]. Это особенно актуально «в пропагандистских целях, в интересах информационного воздействия на другие государства и народы, а также на аудиторию собственной страны» [Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики, 2015, с. 517].

Невозможность определения достоверности негативного прогноза обусловлена его соотнесенностью с «фикциональной, то есть вымышленной по своей природе реальностью» [Кобенко, 2023, с. 236–237]. Однако возможно оценить субъективное отношение адресанта к предсказываемым событиям с точки зрения вероятности их наступления. Для этого вводятся соответствующие маркеры футуральности, такие как грамматические формы будущего времени и модальные глаголы [Михалева, 2005; Прокопенко, 2016; Данкова, 2017; Лисюткина, 2021]. В зависимости от наличия конкретных синтаксических и морфологических средств английского языка можно выделить три степени вероятности наступления негативных прогнозов: высокая, средняя и низкая (см. Таблицу 2 – Шкала степени вероятности негативного прогноза).

Таким образом, *дискредитирующая тактика негативного прогнозирования основывается на стремлении предсказать негативные сценарии развития или исхода того или иного события, которые имеют как прямую, так и опосредованную связь с дискредитируемым лицом, с тем чтобы вызвать у адресата сомнения в честности, надежности и профессиональной компетентности данного человека или организации. Степень вероятности*

наступления негативного прогноза пропорциональна силе перлокутивного воздействия на сознание массового адресата; иными словами, чем категоричнее высказывание, тем выше перлокутивный эффект – подрыв доверия к ОД.

**Таблица 2 – Шкала степени вероятности негативного прогноза**

<b>Степень вероятности</b>	<b>Маркер футуральности</b>	<b>Описание</b>
Высокая	Future Simple	Простое будущее время подчеркивает неизбежность предстоящих событий.
	Zero Conditional	Условные предложения нулевого типа используются для прогнозов и событий воспринимаемых как факт.
	To be about to	Фраза используется для обозначения действий или событий, которые воспринимаются говорящим как почти неизбежные, то есть с вероятностью наступления 100 %.
	To be bound to	Фраза акцентирует внимание на высокой степени уверенности в том, что указанное событие неизбежно состоится.
Средняя	First Conditional	Условные предложения первого типа используются для выражения вероятных или возможных событий. Соблюдение определенных условий не гарантирует фактическое наступление событий в будущем.
	To be likely to	Фраза применяется для выражения средней степени вероятности наступления событий, 50 %.
	To be going to	Конструкция подразумевает вероятность наступления события, приблизительно равную 50 %.
	Might/could	Модальные глаголы обозначают возможность наступления события с вероятностью менее 50 %.
Низкая	Second Conditional	Условные предложения второго типа обозначают события как маловероятные, гипотетические, воображаемые с очень низкими шансами на реализацию, даже при соблюдении указанных условий.
	Let's say, I wish, what if, Unreal past	Конструкции для выражения маловероятных, гипотетических, воображаемых ситуаций.

### 1.5.1.5. Тактика обманутого ожидания

Изменение представлений массового адресата о дискредитируемом лице в худшую сторону, снижение его статуса возможно и посредством такой формы высказывания, реализующей частную обвинительную интенцию, как противопоставление ожидаемого и реального. Речь идет о тактике обманутого ожидания, суть которой заключается в том, чтобы изобразить фактическую обстановку, не соответствующую надеждам, представлениям и ожиданиям людей. СД стремится нивелировать образ определенного лица, объявляемого причиной такого расхождения или несоответствия [Руженцева, 2004].

В отечественной и зарубежной литературе проблематика ожиданий разрабатывалась в самом широком спектре исследований: в экономике [Lucas, 2002], социологии [Стоянов, 2020], педагогике [Баракина, 2003; Houser, 2006], лингвистике [Якобсон, 1987; Арнольд, 2002; Донгак, 2000; Умеренкова, 2008; Канашина, 2017 и др.].

Существуют различные точки зрения относительно лингвистического статуса феномена «обманутого ожидания». Р. О. Якобсон считает, что «обманутое ожидание» или «несбывшееся предсказание» является общим принципом всякого речевого изменения, производимого со стилистической целью и представляющего собой отклонение от нормы [Якобсон, 1987, с. 85].

Большинство исследователей поддерживают точку зрения И. В. Арнольд, которая определяет обманутое ожидание как тип выдвижения информации, основанный на «предсказуемости и нарушении предсказуемости» на любом уровне языка [Арнольд, 2002, с. 108; Седых, 1997]. Суть эффекта обманутого ожидания состоит в следующем: непрерывность и линейность речи означают, что появление каждого нового элемента информационного сообщения «подготовлено предшествующими и само подготавливает последующие» [Арнольд, 2002, с. 108]. Однако если внезапно появляются неожиданные элементы малой вероятности, это нарушает этот поток и требует

дополнительных усилий для их восприятия со стороны адресата, а потому сильнее на него воздействует [Арнольд, 2002, с. 108].

С. Б. Донгак утверждает, что эффект обманутого ожидания сопряжен с механизмом стереотипизации, поскольку в окружающем человека мире присутствуют элементы единообразия, которые типизируют его поведение в соответствии с выработанными и принятыми в сообществе нормами. Обманутое ожидание связано с нарушением различных стереотипов и представлений о «нормальном» положении дел [Донгак, 2001, с. 82].

Аспектам отражения в языке семантики ожидания посвящены труды многих отечественных лингвистов [Сазонова, Умеренкова, 2007; Барсукова, 2014; Фирсова, 2013; Чебышев, 2017]. Согласно результатам анализа, проведенного Ф. А. Чебышевым, в русском языке ожидание чаще сопровождается положительной, нежели отрицательной оценкой [Чебышев, 2017].

На эффекте обманутого ожидания базируется одноименная тактика, конституирующая РПСД. Впервые понятие «обманутое ожидание» применительно к речевой тактике использовано Н. В. Руженцевой в монографии «Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе» [Руженцева, 2004]. Данная тактика реализуется с учетом определенных социальных ожиданий, а характер ее структуры всегда контрастивен: реальные и желаемые события и ситуации «сопоставляются и противопоставляются» [Кобенко, 2023, с. 236] по принципу «должно быть» и «как есть на самом деле» [Руженцева, 2004, с. 168].

Так, ситуации типа «должно быть» распространяются на ожидания людей, связанные главным образом с их потребностями, поскольку последние и являются реализованными ожиданиями [Стоянов, 2020, с. 215]. В политической коммуникации потребности граждан обретают более конкретизированные формы: наличие сильного политического лидера, экономическая стабильность, социальная справедливость, национальная безопасность, которая гарантируется

проводимой внешней и внутренней политикой, и прочее. Ожидания могут быть связаны и с обещаниями, выдвигаемыми кандидатами в рамках предвыборных программ в период проведения избирательных агитационных кампаний [Руженцева, 2004, с. 168]. Неоправданные ожидания относительно исторически сложившихся правил, социальных норм, общественных стандартов и ценностей могут вызывать разочарование и недоверие у граждан.

Ожидания различаются не только по содержанию, но и по форме выражения: они могут быть эксплицитными и имплицитными. Эксплицитные ожидания отражают четкое и прямое указание на мнения и представления целевой аудитории о норме, о мироустройстве, стереотипах и сложившихся убеждениях относительно «правильности» окружающей их действительности. В то время как идентичные целевые установки могут быть выражены и косвенным путем через имплицитные ожидания, которые содержат ссылки, цитаты, апеллятивы, аллюзии и прочее.

Ситуации типа «есть на самом деле» представляют собой события и обстоятельства фактической реальности, связанные с раскрытием истинных намерений властей, объясняющих их действия и поступки, а также проверенной, достоверной или ставшей общеизвестной информации, ранее намеренно искаженной и распространяемой как самими политиками, так и СМИ, действующими в их интересах. Публичное обнародование сведений о нарушении прав и законных интересов граждан, фактах лжи и лицемерия, либо замалчивании важной информации часто вызывает большой общественный резонанс, поскольку затрагивает ключевые моменты доверия к властям и прозрачности в информационном пространстве.

*Таким образом, тактика обманутого ожидания, реализующая РПСД, основывается на контрасте между различными по форме выражения и содержанию позитивными ожиданиями адресата-2 о какой-либо ситуации и ее истинным негативным характером. Объектом обвинения при таком расхождении является адресат-1 (ОД). Эффект непредсказуемости прямо*

коррелирует с перлокутивным эффектом: чем больше дистанция между реальностью и ожидаемыми ситуациями, тем сильнее эмоциональное потрясение, переживаемое людьми [Ленец, Петрова, 2009, с. 118]. Это объясняется тем, что именно непредвиденные и внезапные события лучше запоминаются и сохраняются в памяти, чем ожидаемые [Kamin, 1953].

Усилению перлокутивного эффекта также способствует периодичность несоответствия фактической ситуации предполагаемой «норме». Такие случаи позволяют экстраполировать имеющееся психологическое напряжение целевой аудитории, обусловленное возмущением и недовольством от ложности надежд и ожиданий, на аналогичные ситуации в будущем [Бурмакова, Полякова, 2023].

### **1.5.2. Комбинированные дискредитирующие речевые тактики**

Тактико-стратегический арсенал может быть реализован комбинаторно путем сочетания различных по целевой установке стратегий и тактик [Катенева, 2010; Вознесенская, 2010; Никифорова, 2015; Эйфельд, 2015].

Ю. В. Вознесенская указывает на тесное взаимодействие речевых стратегий манипуляции и дискредитации в немецкой политической коммуникации, поскольку они «преследуют одни цели и нередко усиливают друг друга при одновременном использовании в речи» [Вознесенская, 2010, с. 9]. Например, обвиняя оппонента (стратегия дискредитации) говорящий оказывает воздействие на аудиторию с помощью тактик побуждения и трансформации (стратегия манипуляции) [Вознесенская, 2010].

В исследованиях, посвященных лингвистическому анализу функционирования стратегий речевого поведения, неоднократно выделялось свойство речевых тактик реализовываться в связке с другими тактиками, актуализирующими одну и ту же стратегическую интенцию [Иссерс 2002; Третьякова 2004; Руженцева 2004; Ланских 2008; Михалева, 2009; Рогожникова, 2019; Гунькова 2020; Лисюткина 2021; Воейкова и др., 2022; Степанова, 2023]. По мнению Т. П. Рогожниковой, исключительную

воздействующую на адресата силу приобретают тактики в их разнообразных комбинациях, реализованных в пределах одного изречения [Рогожникова, 2019, с. 66]. Вариативность комбинаторики речевых тактик зависит от таких параметров как сама генеральная стратегия, в рамках которой одновременно реализуются присущие ей тактики, принадлежность стратегии к кооперативному, либо конфронтационному типу, конкретного коммуникативного намерения автора сообщения в пределах отдельного речевого высказывания, а также коммуникативной компетентности автора текста [Тютюнова, 2008]. Обращение к нескольким тактикам одновременно мотивировано желанием говорящего повысить интенсивность действия заданной стратегии, что, в конечном счете «способствует оптимальному достижению коммуникативных целей» [Эйсфельд, 2015].

Речевые тактики, функционирующие в пределах одного высказывания и имеющие общую стратегическую цель, описываются при помощи термина «комбинированные тактики» [Головащ, 2008, с. 9]. *Все корреляции тактик РПСД, вне зависимости от способа их текстового воплощения (одновременный, поочередный), именуется комбинированными дискредитирующими тактиками* [Бурмакова, Полякова, 2024].

Комбинированные дискредитирующие тактики подлежат классификации по двум основаниям: 1) количественный состав, 2) набор комбинируемых тактик. Так, исходя из количества задействованных тактик в рамках одного дискредитирующего высказывания, выделяют группы двухкомпонентных, трехкомпонентных, четырехкомпонентных, пятикомпонентных комбинированных тактик, реализующих РПСД [Бурмакова, Полякова, 2024] и далее при наличии большего количества коррелирующих тактик. Парное комбинирование тактик, то есть двухкомпонентная группа носит наиболее регулярный характер [Паршина, 2005; Головащ, 2008; Бурмакова, Полякова, 2024], однако, большее количество тактик, задействованных в пределах одного дискредитирующего сообщения, позволяет предполагать о наращивании

перлокутивного эффекта. Одновременная реализация нескольких дискредитирующих интенций посредством речевых тактик требует от СД (политических журналистов, спичрайтеров) высокого уровня профессионализма и понимания принципов оптимальной комбинаторики различных тактик.

### **Выводы по первой главе**

В политических ток-шоу используются речевые стратегии и тактики, оказывающие значительное влияние на формирование общественного мнения о политических деятелях, а также о происходящих событиях и процессах.

Речевая стратегия реализуется посредством речевых тактик, речевых ходов и выразительных средств. Речевая стратегия соотносится с общей глобальной целью, в то время как речевая тактика подчинена одной из локальных коммуникативных задач, составляющих эту глобальную цель. Речевой ход представляет собой непосредственный способ текстовой актуализации конкретной задачи, которая имеет прагматическую значимость в определенный момент коммуникации, при этом последовательность, форма и способ ее демонстрации могут варьироваться. Выбор выразительных средств, формирующих структуру и составляющих содержательное наполнение речевой стратегии, обусловлен локальной коммуникативной интенцией (речевой тактикой) и инструментом ее вербальной манифестации (речевым ходом) во вторую. Речевые ходы маркируются конкретными выразительными средствами (языковыми маркерами).

Речеповеденческая стратегия дискредитации в политическом ток-шоу представляет собой линию речевого поведения, которая нацелена на решение нескольких коммуникативных задач одновременно: задеть чувства собственного достоинства объекта дискредитации, публично лишить его доверия, уважения и авторитета, а также стимулировать массового адресата к

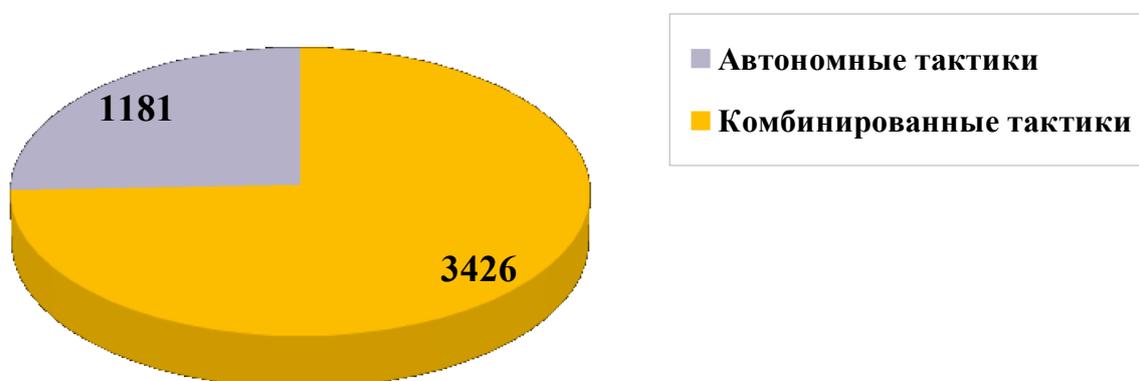
критическому восприятию информации, поступающей из различных источников. Все речевые тактики, актуализирующие РПСД, отражают исключительно пейоративную оценку объекта дискредитации. РПСД актуализируется двумя группами тактик: автономными и комбинированными.

К автономным тактикам РПСД принадлежат тактики обвинения, оскорбления, насмешки, негативного прогнозирования и обманутого ожидания. Ведущей дискредитирующей тактикой является тактика обвинения, направленная на уличение объекта дискредитации в умышленных неэтичных и неправомерных действиях посредством публичного обнародования. Тактика оскорбления актуализирует негативное отношение к объекту дискредитации посредством инвектив. Эксплицитность/имплицитность нанесения оскорбления зависит от степени инвективности задействованных лексических единиц, что определяется словарными пометами. Характерная особенность тактики насмешки проявляется в том, что выраженная пейоративная оценка, наряду с дискредитирующим эффектом, оказывает также фасцинативное воздействие на аудиторию. На обвинительной интенции базируются тактики обманутого ожидания и негативного прогнозирования. Поводом для дискредитации служат моделируемые с разной степенью вероятности наступления негативные прогнозы и сценарии, участником или виновником которых является дискредитируемое лицо. Тактика обманутого ожидания базируется на противопоставлении предполагаемых, всегда благоприятных для адресата обстоятельств либо действий со стороны объекта дискредитации, а также реальности, которая не оправдывает эти надежды.

Комбинированные дискредитирующие тактики актуализируются посредством одновременной или поочередной реализации автономных тактик РПСД, а также их речевых ходов. Количественный состав комбинированных тактик и набор комбинируемых тактик служат основаниями для выделения групп и подгрупп в классификации комбинированных тактик РПСД.

## Глава 2. Автономные тактики реализации речеповеденческой стратегии дискредитации в политическом ток-шоу

Анализ эмпирического материала исследования, представленного 4 607 дискредитирующими администрацию президента Д. Байдена контекстами, позволил выявить следующие тактики РПСД: тактику обвинения, тактику оскорбления, тактику насмешки, тактику негативного прогнозирования и тактику обманутого ожидания. Совокупность обнаруженных тактик составляет репертуар РПСД администрации президента Д. Байдена, используемый политическим обозревателем Т. Карлсоном. РПСД актуализируется как автономными, так и комбинированными тактиками. Автономные тактики представлены в 1 181 случае, что составляет 25,6 % от исследовательского корпуса, в то время как в 3 426 случаях (74,4 %) исследуемая стратегия реализуется комбинированными тактиками (см. Рисунок 2 – Тактики РПСД).



*Рисунок 2 – Тактики РПСД*

Автономная тактика обвинения занимает лидирующую позицию, за ней следуют тактики негативного прогнозирования и обманутого ожидания. Тактики оскорбления и насмешки характеризуются относительно равной

частотностью употребления. Полученные результаты в количественном выражении представлены в Таблице 3.

**Таблица 3 – Автономные тактики РПСД**

<b>Автономная тактика</b>	<b>Количество случаев</b>	<b>%</b>
Тактика обвинения	387	32,77
Тактика оскорбления	174	14,74
Тактика насмешки	167	14,13
Тактика негативного прогнозирования	217	18,37
Тактика обманутого ожидания	237	20,03
Итого	1 182	100

### **2.1. Тактика обвинения**

Тактика обвинения актуализируется в речи Такера Карлсона посредством систематической критики и упреков в адрес администрации Джо Байдена. Эффективность этих обвинений зависит от их социальной значимости и актуальности, а также от способности вызвать сильные эмоциональные реакции у аудитории [Горина, 2004]. Так, автор программы поднимает актуальные для американцев вопросы о реальных и предполагаемых правонарушениях, непрофессионализме и недостатках в действиях правительства, акцентируя внимание на различных аспектах, вызывающих общественное беспокойство: права человека, экономические трудности, ошибочные внешнеполитические решения и внутривнутрипартийные противоречия.

Согласно результатам проведенного анализа, автономная тактика обвинения является наиболее востребованной речевой тактикой, так как она реализуется в 387 случаях, что составляет 32,77 % от общего числа дискредитирующих тактик, реализованных автономным способом.

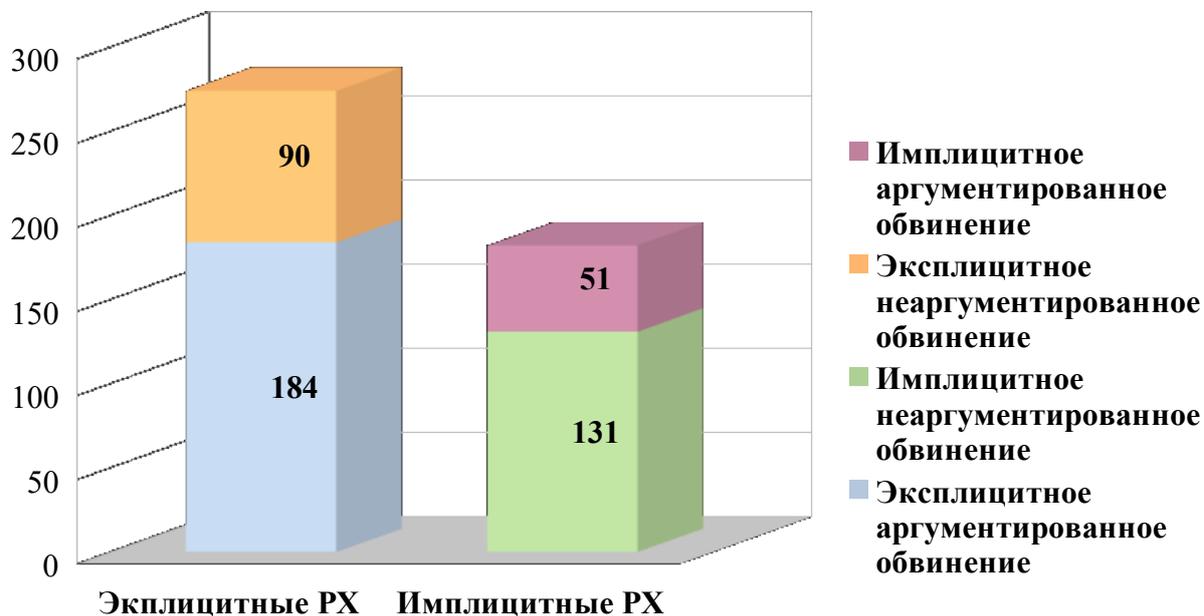
Тактика обвинения реализуется речевыми ходами, выделяемыми по двум основаниям: 1) *по способу выдвижения обвинения*: эксплицитные и имплицитные речевые ходы, 2) *по наличию/отсутствию аргумента (-ов)*:

аргументированное и неаргументированное обвинение. Таким образом, дискредитирующая тактика обвинения актуализируется двумя группами и четырьмя подгруппами речевых ходов:

1. Эксплицитные речевые ходы: а) эксплицитное аргументированное обвинение; б) эксплицитное неаргументированное обвинение.

2. Имплицитные речевые ходы: а) имплицитное аргументированное обвинение; б) имплицитное неаргументированное обвинение.

В ходе проведенного анализа установлено, что тактика обвинения может быть реализована одним речевым ходом, то есть автономным речевым ходом (325 случаев из 387) или комбинацией из 2 либо 3 ходов (62 случая, 131 речевой ход). Результаты обработки статистических данных речевых ходов, реализующих тактику обвинения, представлены ниже в диаграмме (см. Рисунок 3 – Речевые ходы тактики обвинения).



*Рисунок 3 – Речевые ходы тактики обвинения*

Общее количество речевых ходов (автономных и комбинированных), реализующих тактику обвинения, составляет 456 (см. Таблицу А.1 – Количественный анализ речевых ходов автономных тактик РПСД, Таблицу А.2 – Речевые ходы автономных тактик РПСД в Приложении А). Из них 247 речевых ходов, 60 % являются эксплицитными. Среди эксплицитных речевых ходов 67 % составляют аргументированные обвинения, что соответствует 184 речевым ходам. Неаргументированные обвинения составили 33 % (90 речевых ходов). Остальные 182 речевых хода (40 %) являются имплицитными, среди которых меньшая доля приходится на аргументированные обвинения – всего 51 речевой ход (28 %). Наиболее значительная часть имплицитных обвинений оказалась неаргументированными, составив 131 речевой ход (72 %).

Рассмотрим отдельно каждый речевой ход тактики обвинения и реализующие их выразительные средства, а также выявленные языковые маркеры.

### 2.1.1. Эксплицитные речевые ходы

Эксплицитные речевые ходы легко распознаются благодаря прямому способу выражения и содержанию обвинительной речи. Такие речевые ходы характеризуются широким спектром возможных семантических вариантов обвинения, которые можно представить в виде соответствующих формул:

$$\mathbf{OD + NA (+/- A)} \quad (1)$$

«объект дискредитации совершает негативное действие»;

$$\mathbf{OD + NA \Rightarrow NC (+/- A)} \quad (2)$$

«объект дискредитации совершает негативное действие, что приводит к негативным последствиям»;

$$\mathbf{OD - PA (+/- A)} \quad (3)$$

«объект дискредитации не совершает положительное действие»;

$$\mathbf{OD - PA \Rightarrow NC (+/- A)} \quad (4)$$

«объект дискредитации не совершает положительное действие, что приводит к негативным последствиям».

В формулах присутствуют постоянные и переменные компоненты:

1. OD (англ. *the object being discredited*) – это объект дискредитации или адресат обвинения, который обозначен конкретным референтным именем. OD является неотъемлемым компонентом эксплицитного способа выражения обвинения, поскольку важно установить прямую связь между поводом для обвинения и конкретным лицом/группой лиц. Способом обозначения OD, помимо имен собственных представителей администрации Джо Байдена (*Joe Biden, Kamala Harris, Antony Blinken, Lloyd Austin, Janet Yellen, Merrick Garland, Pete Buttigieg, Alejandro Mayorkas* и др.), являются и различные сочетания, маркирующие группу «чужие»: *Joe Biden's administration, Biden officials, the Biden White House, the current administration, those in charge, the powerful elite, those people, our policymakers, woke Democrats* и др.

2. NA (англ. *negative action*) – негативные/отрицательные действия, которые либо безусловно, порицаются в обществе, либо порицаются в определенных группах, сообществах, либо должны быть общественно порицаемыми, по мнению СД [Дубровская, 2014]. На семантическом уровне компонент NA выражается словами с долей «деликта» (лат. *delictum* «поведение против закона» [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 540]), например: *бить, лукавить, шантажировать, лжец, вор* в русском языке, и *steal, tease, fight, betray, blackmail, sneak, criminal, thief, felony, slander, deceitful, feigned, sycophantic* в английском. Атрибуция объекту дискредитации NA является обязательной для обнаружения эксплицитного обвинения в тексте, что делает этот компонент одним из языковых маркеров данной группы речевых ходов.

3. NC (англ. *negative consequence*) – это негативные результаты и нежелательные последствия любой деятельности, поступков, а также личностных и профессиональных качеств OD.

4. РА (англ. *positive action*) применяется для номинации положительных действий, которые обвиняемое лицо не совершило.

5. А (англ. *argument*) – это аргумент, основанный на фактах, статистике, аналитическом анализе, примерах и прогнозах, необходимый для поддержки истинности суждения, что создает впечатление достоверности выдвигаемого обвинения. Компонент А является опциональным: если он присутствует, то речевой ход называется аргументированным, в противном случае он считается неаргументированным.

Рассмотрим данную группу речевых ходов на ряде примеров.

#### 2.1.1.1. Речевой ход «эксплицитное аргументированное обвинение»

В передачах Такера Карлсона звучат прямые обвинения в адрес президента Джо Байдена и его команды, которые подкрепляются аргументами, например, в виде свидетельств и показаний чиновников, известных в политической сфере личностей: (1) *Thanks to a career special agent at the IRS who decided to blow the whistle on the corruption in the Biden administration. This whistleblower assistant informed Congress that he has proof that the attorney general of the United States, Merrick Garland, **lied under oath** about the Hunter Biden investigation. That's a **felony**. So, the attorney general of the United States **committed a felony**, according to this whistleblower, who also says he has seen "preferential treatment and politics improperly infecting decisions and protocols throughout the agency" and that these changes in standard protocol were designed to "benefit the politically connected."* В данном контексте прямые обвинения в адрес высокопоставленных лиц соответствуют формуле (1): OD + NA (+ A), где OD – это Меррик Гарланд, генеральный прокурор США; NA – утверждение о том, что он «солгал под присягой», что является уголовным преступлением (ЛЕ с отрицательной семантикой: *felony, corruption, lie*); а А – свидетельства бывшего сотрудника Налогового управления США, который утверждает о

крупных масштабах коррупции в администрации Байдена и серьезных правовых нарушениях в высших эшелонах власти.

Следующий речевой ход выстроен по формуле (2):  $OD + NA \Rightarrow NC (+ A)$ .

(2) *But Joe Biden is lying about that. He knows that he's lying and you know that he's lying. Yesterday's massacre did not happen because of lax gun laws. Yesterday's massacre happened because of a deranged and demonic ideology that is infecting this country with the encouragement of people like Joe Biden.* Пример (2) – фрагмент передачи от 28 марта 2023 года, в которой президент подвергся обвинениям во лжи и сокрытии достоверной информации о стрельбе в школе в Нэшвилле, унесшей жизни трех детей и трех взрослых. Ведущий передачи подчеркивает, что трансгендерная идеология, активно продвигаемая правящей администрацией, становится все более опасной. Используя эпитеты (*deranged, demonic*) и метафору (*ideology that is infecting this country*), Карлсон выражает мысль о том, что приверженцы этой идеологии начинают применять агрессивные методы для навязывания своих взглядов, о чем свидетельствуют произошедшие трагические события, которые не могут быть охарактеризованы иначе как *massacre* (ЛЕ с семой «смерть»).

В программе Т. Карлсона от 22 февраля 2023 года обсуждаются серьезные обвинения в адрес Пита Буттиджича, министра транспорта США, который не проявил должного интереса к своим обязанностям во время кризиса, вызванного экологическими последствиями железнодорожной катастрофы в Восточной Палестине. Жители региона высказывают свое недовольство, задавая вопрос: «Где же наш министр, когда мы нуждаемся в помощи?». В качестве одного из примеров, иллюстрирующих это недовольство, можно привести высказывание, соответствующее варианту речевого хода «эксплицитное аргументированное обвинение» по формуле (4):  $OD - PA \Rightarrow NC (+ A)$ . (3) *That was last week. He still didn't go. This week, people in East Palestine are coughing up blood. We know that because we talked to a couple of them last night, but still, Pete Buttigieg has not shown up. Donald Trump has, by*

*the way; he went today. He's not able to fix the problem. It's not like he's the Secretary of Transportation.* В качестве аргумента приводятся свидетельства местных жителей, указывающие на возникшие серьезные проблемы со здоровьем. Сравнение с действиями Дональда Трампа, который, в отличие от министра, проявил готовность приехать на место катастрофы, служит дополнительным основанием для дискредитации Буттиджича.

#### 2.1.1.2. Речевой ход «эксплицитное неаргументированное обвинение»

Когда эксплицитное обвинение не подкрепляется весомыми доказательствами, оно основывается на стереотипах или актуализируется в утрированном виде. Аргументативность в таких случаях восполняется экспрессией обвинительной речи, включая введение пейоративных оценок, которые играют роль интенсификаторов обвинений. Такие случаи относятся к эксплицитным неаргументированным обвинениям и соответствуют формулам (1)–(4)/(– А).

Приведем пример с формулой OD – PA/(– А), в котором ведущий ток-шоу оценивает действия Белого дома как проявление незнания и безразличия к происходящим в стране событиям: (4) *So how would you define the Biden administration? Well, really, the hallmark has been an almost **otherworldly disconnection** from the actual affairs of the United States. In fact, White House officials seem to have no idea what's going on in our country, no interest in learning about it.* Метафорическое выражение *otherworldly disconnection* служит средством экспликации идеи о том, что администрация Байдена слишком далека от реальной жизни и проблем, с которыми сталкиваются американские граждане, словно чиновники находятся в совершенно другом, недоступном для большинства людей измерении.

Синтаксические варианты эксплицитного неаргументированного обвинения могут быть представлены и формами повелительного наклонения: положительными *Stop NA* (требование) и отрицательными *Please, don't do NA*

(просьба): (5) *Stop lying to us.* (6) *Stop intruding into it and telling their children who to have sex with.* (7) *Stop demeaning womanhood!* (8) *Please stop talking about yourself for once. It's boring and irrelevant and insulting. Your job is to defend it, please do so. Please don't hurt us.*

В качестве способа предъявления эксплицитного неаргументированного обвинения зафиксированы риторические вопросы и гипофоры (*Why do you do NA?*), используемые для достижения эмоционального воздействия на массового адресата: (9) *So the question is, why have they kept denouncing us as White supremacists, of all things?* (10) *Why are Democrats lying about how Capitol riot started?* (11) *So why is everyone pretending it's totally normal to have thousands of troops in the capital to fight disinformation? Because obviously, they're in favor of it. They think it's fine to mobilize the army in order to put down domestic opinions.* (12) *Why did they do this? Why did they lie? Well, DeRosa explained, the administration was worried that telling the truth about how many people were dying in nursing homes would hurt Joe Biden and help Donald Trump.*

Распространенным способом реализации данного речевого хода является применение лексических единиц, которые раскрывают истинные мотивы, цели и планы правящей администрации. К числу таких слов относятся следующие: глаголы желания (*want, desire*), глаголы намерения (*intend, mean, aim*), прилагательные и глаголы решения (*decide, determine, determined*), глаголы планирования (*plan, design*), существительные и глаголы со значением намерения осуществить действие (*try, attempt*). Такие ЛЕ, выражающие преднамеренность и целенаправленность действий чиновников, участвуют при реализации семантических вариантов по формуле OD + NA (- A): (13) *Another attempt by leaders of our country to inflame racial hatred in the United States;* и по формуле OD - PA (- A): (14) *Our leaders are determined not to know why people shoot each other, and they don't want us to know, either. Don't think they'd put up with it. They don't want those criminals locked up. They want protesters who vote the wrong way to get locked up. Now it goes without saying.*

## 2.1.2. Имплицитные речевые ходы

Имплицитные речевые ходы обвинения едва ли поддаются схематическому изображению из-за отсутствия непосредственной выраженности в поверхностной структуре высказывания, что именно ОД, то есть обвиняемый, совершил негативное действие или его действия привели к негативным, нежелательным последствиям.

Для текстовой организации двух подгрупп речевых ходов, актуализирующих обвинение имплицитно, характерно наличие импликатур (лат. *implicare* – включать, подразумевать), которые служат инструментом «формирования отрицательной оценочности» [Иссерс, 2006, с. 168]. Лексические единицы, комбинации слов и целые текстовые фрагменты, выражающие или содержащие имплицитную пейоративную оценку действий обвиняемого, его личных и профессиональных качеств, а также действий, которые заставляют усомниться в его компетентности и нравственных принципах, и содержащие намеки и косвенные указания на обстоятельства, компрометирующие его, представляют собой обвинительные импликатуры.

Для того чтобы убедить массового адресата, что именно ОД виновен в нарушениях или причастен к негативно-оцениваемым в обществе событиям, необходимо, в первую очередь, установить связь между этими обвинениями и их адресатом.

### 2.1.2.1. Речевой ход «имплицитное аргументированное обвинение»

Дистинктивным признаком РХ «имплицитное аргументированное обвинение» является отсутствие прямых номинаций обвиняемого при ярко выраженных негативных оценках его действий.

Чтобы уличить президента Байдена и представителей его администрации, избегая прямых обвинений, Такер Карлсон использует тщательно подобранные аргументы и доводы, представленные в форме статистики, известных фактов, ассоциаций и сравнений с негативным опытом других стран и их лидеров,

печально известных своим правлением, а также альтернативные гипотетические сценарии.

Рассмотрим контекст, в котором Т. Карлсон с помощью конструкции *let's say* в сочетании с глаголами в Past Simple и глаголом *would* представляет реальную ситуацию как гипотетическую, чтобы отразить критический взгляд на экономическую политику федерального правительства Соединенных Штатов. (15) *The consumer price index measures the downside of federal economic policy. So let's say you printed too many U.S. dollars. You wanted to fund useless programs and pay off your donors. Now, if you did that, you would devalue your own currency. You would cause inflation over time. You would impoverish your own population. Those would be the effects. But of course, you would want to hide those effects.* Обвинение выражено имплицитно, то есть без упоминания имен конкретных должностных лиц, с использованием нейтрального местоименного обращения *you*. Ведущий внушает аудитории мысль о том, что некие лица у власти действуют в собственных интересах, акцентируя внимание на нецелесообразных экономических решениях и их негативных последствиях, а именно – ухудшении финансового положения и снижении уровня жизни граждан США (лексемы *inflation, devalue, impoverish*).

В следующем примере Т. Карлсон, опираясь на конкретные цифры, критикует действия правительства США имплицитно, оперируя функционалом средств с нейтральной окраской: (16) *So, these rules take effect on May 1st, whether you like it or not and they mean that anyone with good credit that's defined as a score of 680 or above have to pay roughly \$40 a month extra on their mortgage fees than those with lower scores on home loans for around \$400 grand.*

Для повышения объективности имплицитных аргументированных обвинений Такер Карлсон применяет фразы (*according to, as noted by, as emphasized by, in the opinion of*) с указанием на непосредственный источник, разоблачающий властные структуры. (17) *According to an analysis by The Intercept, last year, the year of BLM, saw the largest recorded one-year rise in*

*murders in American history. Fifteen people were murdered in Oakland, California just in January. Nine people have been murdered in Toledo so far this year, double the number from last year.* Статистические данные о количестве убийств в отдельных городах, а также ссылки на независимые источники, такие как новостные сайты, занимающиеся анализом актуальных тем и важнейших событий, игнорируемых традиционными СМИ, создают мрачную картину текущего положения дел в США. Эти данные в сочетании с повтором лексемы *murder* создают у широкой аудитории впечатление, что администрация президента не способна эффективно реагировать на рост насилия.

Обращение к таким средствам выразительности, как метафора, сравнение, гиперболы, повтор и аллюзия, чаще наблюдается в тех случаях, когда объект критики прямо обозначен в тексте.

(18) *TUCKER CARLSON: Then the Democratic Party speaks, it is always with one voice, often in a North Korean accent. One thing the party often speaks about is gun control. No American has the right to own an effective firearm, a firearm that does what firearms are supposed to.*

*PRESIDENT BIDEN: We're living in a country awash in weapons of war. And I got it done once. I'm going to do it again. Eliminate assault weapons. It's time to ban these. It's time to ban these weapons. The right to bear arms is not an absolute right that dominates all others. Ban assault weapons and high-capacity magazines.* В данном отрывке содержится имплицитное обвинение в адрес Демократической партии США, которая, по утверждению Карлсона, стремится ограничить права граждан на владение огнестрельным оружием (повторяющаяся лексема *firearm*). Выбор аллюзии на Северную Корею не случаен: отсылка к образу тоталитарного режима, где контроль за личной жизнью граждан является нормой, порождает у массового адресата опасения, что их конституционные права будут нарушены. В качестве аргумента приводятся отдельные цитаты самого президента, отражающие четкое представление о позиции, которую занимает администрация Байдена и Демократическая партия по этому вопросу.

Сравнение с «идеалом» в следующем контексте указывает на имплицитную критику текущей политики администрации Байдена в области здравоохранения, особенно в свете пандемии COVID-19: (19) *So, a rational public health policy would look entirely different from the one the Biden administration is now embarking on. A rational administration would make vaccines available to anyone who wants one, and leave the rest of the population alone to live their lives – like they used to do in America back when it was a free country.* Упоминание образа «старой» Америки служит способом аргументации при обвинении действующей администрации в нарушении личных свобод граждан, включая вопросы здравоохранения, поскольку граждане испытывают давление со стороны правительства.

#### **2.1.2.2. Речевой ход «имплицитное неаргументированное обвинение»**

Неаргументированное обвинение, входящее в группу имплицитных речевых ходов, представляет собой бездоказательное приписывание вины ОД в отвлеченной от него форме.

Обвинительная имплицитная иллокуция содержится:

1) в призывах и лозунгах, требующих от администрации Байдена свершения конкретных положительных действий: (20) *Tell the truth!*

2) в утрированных и гиперболизированных обвинительных утверждениях: (21) *There will never be order in this country!* (22) *No one is ever to blame for anything!* (23) *No one is accountable for anything!*

3) в абстрактных умозаключениях: (24) *Some people may not understand that the laws are equal for everyone;*

4) в утверждениях, основанных на обобщениях: (25) *Today, all politicians act in their own interests and do not care about the needs of the citizens;*

5) в риторических вопросах, содержащих указание на повод для обвинения: (26) *How long will gasoline prices continue to rise?* (27) *So why are all those federal troops at the Capitol?* и др.

Риторические вопросы, адресованные объекту дискредитации типа *Why don't you do PA?* выражают запрос о причинах невыполнения положительного действия, в исполнении которого заинтересован как СД, так и адресат-2.

Рассмотрим вопросы, поднятые Т. Карлсоном о резонансных событиях 6 января 2021 года, когда сторонники Дональда Трампа провели митинг у Белого дома: (27) *Why not round up the FBI operatives who were rioting on January 6? Why not identify the guy who killed Ashli Babbitt?* Эти вопросы ставят под сомнение правомерность действий правоохранительных органов в отношении участников протеста и намекают на возможные скрытые интересы правительства.

В следующем фрагменте тактика обвинения реализуется с помощью серии риторических вопросов, касающихся таких аспектов, как возможный доступ правительства к медицинской информации граждан и вероятность принудительного лечения: (28) *So, does the Biden Administration have a right, based on the money they spend fighting these diseases, to your medical information? Do they have a right to know your HIV status? Why not? Can HHS force you to take antibiotics for your TB? Xanax for your anxiety? Thorazine for your mania?*

В высказываниях Т. Карлсона, содержащих имплицитные неаргументированные обвинения, обнаружен прием «несобственно-прямая речь», позволяющий передавать предполагаемые мысли представителей администрации Д. Байдена в форме приказов к подчинению гражданам Америки: (29) *Shut up and do what you're told.* (30) *Shut up and accept Kamala's dominion over you.* (31) *Shut up. Racist. OK, go ahead and do it.* (32) *Shut up and fetch another glass of Riesling, serf. And be sure not to breathe on me, or you'll be deported.* (33) *Shut up and obey. Shut up, traitor* (35) *Stop complaining. Those arsonists aren't arsonists, they're mostly peaceful protesters. That treadmill? You don't deserve a treadmill. Lower your expectations. Get used to it.*

Рассмотрим один из таких примеров более подробно. Такер Карлсон от имени Джанет Йеллен, занимающей пост министра финансов Соединенных

Штатов с января 2021 года, обращается к гражданам в резкой, оскорбительной форме: (36) *Go away, peasant, troll, your inflation talk. I'm worried about climate change and gun violence and abortion. Leave me alone. Be gone.* Подобные послания в форме грубых повелительных предложений (*Go away, Leave me alone, Be gone*) в сочетании с уничижительными словами (*peasant, troll*) в адрес жителей страны демонстрируют абсолютную власть правящей администрации, что приводит к тотальному контролю, подчинению и ограничению свобод американских граждан.

### 2.1.3. Комбинированные речевые ходы тактики обвинения

В исследуемой выборке речевых ходов, актуализирующих тактику обвинения в сочетании с другими речевыми ходами данной тактики (общим количеством 131 речевой ход, 62 случая), установлены следующие группы комбинированных речевых ходов:

1. **Двухкомпонентная группа (88 %)** включает две подгруппы комбинированных речевых ходов:

1.1. РХ «эксплицитное аргументированное обвинение» + РХ «эксплицитное неаргументированное обвинение» – 36 случаев, всего 72 речевых хода;

1.2. РХ «эксплицитное аргументированное обвинение» + РХ «имплицитное неаргументированное обвинение» – 19 случаев, всего 38 речевых ходов.

2. **Трехкомпонентная группа (12 %):** РХ «эксплицитное аргументированное обвинение» + РХ «эксплицитное неаргументированное обвинение» + РХ «имплицитное неаргументированное обвинение» – 7 случаев, всего 21 речевой ход (см. Таблицу А.3 – Комбинированные речевые ходы автономных тактик в Приложении А).

Очередность речевых ходов не обладает строгой фиксацией и может варьироваться. Приведем ряд примеров, демонстрирующих возможные

варианты актуализации комбинированных речевых ходов тактики обвинения.

Двухкомпонентная группа представлена двумя последовательно реализованными речевыми ходами: эксплицитным аргументированным обвинением (согласно формуле  $OD + NA \Rightarrow NC (+ A)$ ) и имплицитным неаргументированным обвинением. (37) *It's not a partisan talking point or any kind of exaggeration to say that Joe Biden has opened this country's borders to the world. Since Biden's inauguration in January, the Border Patrol has apprehended close to a million foreign nationals coming into this country overland through Mexico. How many people is that? It's more than live in the entire cities of San Francisco, or Denver, or Seattle, or Indianapolis, or Boston or Charlotte. That's all in just six months. That's enough people to change our country forever. You may argue that's a good thing. America will benefit from this influx of people from foreign countries. If so, we'd love to hear that argument. No one has so far explained how that works.* Основная иллокутивная цель заключается в том, чтобы донести до адресата-2, что миграционная политика администрации Байдена не соответствует интересам американцев, а, наоборот, угрожает их безопасности и экономической стабильности страны. Эксплицитное обвинение поддерживается как статистическими данными (например, *a million foreign nationals, six months*), так и конкретными доводами в виде реальных негативных последствий (*That's enough people to change our country forever*), что подчеркивает огромные масштабы миграции и помогает зрителям и участникам программы осознать масштабы проблемы и ее влияние на американское общество. *No one has so far explained how that works* – имплицитное обвинение, которое ставит под сомнение действия властей и подчеркивает отсутствие прозрачности этих действий для граждан. Тактика обвинения актуализируется в данном случае и с помощью средств экспрессивного синтаксиса: инверсии и гипофоры.

Приведем пример максимального количества речевых ходов (трехкомпонентная группа), реализованных в дискредитирующем правительстве США контексте, посвященном теме Северного потока.

РХ «эксплицитное неаргументированное обвинение» реализован по формуле OD + NA (- A): (38) *That was their story, the story the Biden administration told us and then every single news organization in the country, with no exceptions at all, backed up the lie.* Ведущий прямо указывает на ложь (ЛЕ *lie*) со стороны администрации Байдена, при этом не предоставляет конкретных аргументов.

РХ «имплицитное аргументированное обвинение» представлено как послание аудитории в форме угрозы для тех, кто осмеливается сомневаться в официальной версии событий Белого дома, и, следовательно, автоматически становится подозреваемым в соучастии с Россией, становится имплицитным обвинением в ограничении прав свободы слова: *Don't ask questions, or you're a Russian agent.* И речевой ход «эксплицитное аргументированное обвинение», соответствующий варианту OD + NA (+ A): (39) *There was, for a moment, a perfectly united front of falsehood on the question of what happened to Nord Stream, but it wasn't enough. Anyone, we thought about it for even a moment, realized that of course Vladimir Putin didn't blow up his own pipeline. The Biden administration blew up Vladimir Putin's pipeline. Of course, Joe Biden himself had promised on camera that he would do it and then Biden officials publicly celebrated after it happened. So every rational person knew the truth.* Обещания самого президента Байдена взорвать Северный поток, реакция его администрации на этот инцидент и гиперболизированное утверждение *So every rational person knew the truth* являются весомыми аргументами для эксплицитного обвинения администрации во лжи, а также в причастности к этому событию. На лексическом уровне модальное наречие *of course*, выражающее высокую степень уверенности, и ЛЕ с отрицательной семантикой (*blew up, falsehood*) также позволяют определить задействованный речевой ход как эксплицитный.

Тактика обвинения является ведущей дискредитирующей тактикой (33 %), реализованной автономным способом. К речевым ходам, актуализирующим данную тактику, принадлежат эксплицитное аргументированное обвинение, эксплицитное неаргументированное обвинение,

имплицитное аргументированное обвинение и имплицитное неаргументированное обвинение. Самым частотным речевым ходом является эксплицитное аргументированное обвинение, составляющее 40,4 %, за ним следуют имплицитное неаргументированное (28,8 %), эксплицитное неаргументированное обвинение (19,7 %) и наименее распространенным является РХ «имплицитное аргументированное обвинение» (11,2 %). Зафиксированы случаи реализации комбинированных речевых ходов (13 % от общего количества случаев реализации тактики обвинения 387). Из них первенство принадлежит подгруппе «эксплицитное аргументированное обвинение» + «эксплицитное неаргументированное обвинение».

Для эксплицитных речевых ходов типичными языковыми маркерами являются лексические единицы с пейоративной семантикой. Речевой ход «эксплицитное неаргументированное обвинение» имеет свою отличительную от других речевых ходов дискредитирующих тактик организацию на уровне синтаксиса: формы повелительного наклонения. Языковым маркером для имплицитного неаргументированного обвинения является прием «несобственно-прямая речь», который используется в форме приказов, угроз и лозунгов для передачи предполагаемых мыслей представителей администрации Д. Байдена.

## **2.2. Тактика оскорбления**

Дискредитирующая тактика оскорбления реализуется в речи Такера Карлсона через уничижительные и оскорбительные высказывания, касающиеся интеллекта, приверженности определенным взглядам, возраста, манеры общения, поступков, а также нравственных, профессиональных и физических качеств лиц, входящих в кабинет администрации 46-го президента США Джо Байдена, включая самого главу аппарата Белого дома.

В ходе анализа установлено, что общее количество оскорбительных контекстов составляет 174 случая, что соответствует 14,7 % от общего количества автономных тактик, реализующих РПСД (1 181 случай). По сравнению с лидирующей тактикой обвинения, тактика оскорбления имеет на 55 % меньше случаев реализации.

В репертуаре тележурналиста Такера Карлсона не обнаружено случаев нанесения оскорблений эксплицитно, то есть посредством лексем, имеющих в словарях пометы «*vulgar*», «*obscene*», «*taboo*», использование которых в публичном пространстве противоречит принятым в обществе нормам общения.

Таким образом, тактика оскорбления представлена ее единственным речевым ходом – «имплицитное оскорбление», который реализуется лексическими единицами со средней и слабой степенью инвективности согласно шкале степени инвективности (см. Таблицу 1 – Шкала степени инвективности в п. 1.5.1.2). К специфическим средствам реализации этого речевого хода принадлежат ЛЕ со словарными пометами «*informal*», «*disapproval*», «*offensive*», «*slang*», «*derogatory*» и «*euphemism*»/«*euph.*» в англоязычной лексикографии.

### 2.2.1. Речевой ход «имплицитное оскорбление»

Речевой ход «имплицитное оскорбление» осуществляется формуле:

$$\text{OD is I,} \quad (5)$$

где OD – объект дискредитации, то есть индивидуальный или коллективный инвектум;

I (англ. *invective*) – лексические единицы, характеризующиеся средней и слабой степенью инвективности, относящиеся к частеречному классу имен прилагательных и имен существительных.

Репертуар имплицитных оскорблений Т. Карлсона включает:

а) лексические единицы средней степени инвективности: *arrogant*, (*disapproval*, *offensive*), *bootlicker* (*informal*), *buffoonery* (*informal*, *disapproval*),

*clueless (informal, disapproval), dirtball (slang, derogatory), dolt (informal, disapproval), dumb (offensive), fascist, semi-facist (disapproval), flaky (informal, disapproval), frivolous (disapproval), incompetent (disapproval), lunatic (informal, disapproval), mediocre (disapproval), megalomaniac (disapproval), nuts (offensive), petty (disapproval), pompous (disapproval), superciliousness (disapproval), crazy (informal, disapproval), creep (informal, disapproval), cuckoo (informal, disapproval), nauseating (disapproval), guy (informal) и др.;*

б) ЛЕ слабой степени инвективности, маскирующие оскорбительность высказывания, – эвфемизмы («*euphemism*»/«*euph.*»): *ableism – insensitivity towards lame or injured people; airhead – a person of limited intelligence or ability; eccentric – severely ill mentally; funny – mad; gay – homosexual; jerk – a stupid or ineffective person; limited – idle, stupid, or incompetent; goof – a stupid person, whence many uses to do with unsophistication and incompetence; muggy – stupid; mentally impaired – a state of arrested or incomplete development of mind, which includes significant impairment of intelligence and social functioning; mental hospital – a hospital for mentally incompetent or unbalanced person; poorly – very seriously ill; progressive – opposed to conventional methods or manners; simple – of small intelligence; slow – stupid; unglued – mentally ill; unplugged – mentally ill; unwired – mentally unbalanced и др.*

Рассмотрим случаи реализации РХ «имплицитное оскорбление» на конкретных примерах, в которых инвектумом становятся отдельные представители администрации президента Джо Байдена, такие как вице-президент Камала Харрис, министр финансов Джанет Йеллен, заместитель председателя ФРС Лаэль Брейнард, государственный секретарь Энтони Блинкен, сам президент США и многие другие.

Карлсон часто использует слово *moron* (помета «*offensive, disapproval*») в своих комментариях, манифестирующих презрение и пренебрежение к ключевым фигурам Белого дома: (40) *It's not painful for the rest of the world to watch Tony Blinken, who is a **moron**, talk about how terrible America is.*

Побуквенная передача «*spelling*» этой ЛЕ и ее троекратный повтор подчеркивают презрительное отношение ведущего к Лаэль Брейнард, усиливая пейоративный эффект. (41) *Just a pause for one second. Anyone who writes that way is a **moron**, M-O-R-O-N, moron.*

Синтаксическими особенностями рассматриваемого речевого хода являются простые и сложносочиненные предложения, а также вопросительные конструкции: (42) *It means **dumb, incompetent, dishonest** people are in charge.* (43) *These people are unwell. They're **crazy**.* (44) *Biden was too **slow** to be threatening to anyone.* (45) *Aren't they **funny**?* (46) *How did it happen that **mentally impaired** people are in charge?* (47) *How can we expect sensible solutions from the people in power if they're just **airheads**?* (48) *When was the last time you heard someone from the U.S. government admit that the president was completely **clueless**?*

Фразу (49) *well, she's an **ableist*** также можно трактовать как имплицитное оскорбление, направленное на вице-президента, реализованное с помощью эвфемизма, который обозначает осуждающее и предвзятое отношение к людям с ограниченными возможностями.

Комментируя заявление президента США о введении экономических санкций против России, автор резко критикует как его, так и республиканских сенаторов, которые одобряют эту политику. Оскорбительная лексема *buffoon* (*disapproval*) эксплицирует мнение журналиста, что люди у власти не понимают серьезности ситуации и ее последствий для страны: (50) ***These people are such buffoons and all the Republican senators nodding in agreement.***

Гиперболизированное выражение с этим же словом адресовано и членам Министерства информации Джо Байдена, ставя под сомнение их компетентность и профессионализм: (51) *The good news is **everyone involved in Joe Biden's new Ministry of Information is a buffoon.***

В одном из интервью вице-президент Камала Харрис сравнила протестующих, которые собрались на митинге 6 января в Капитолии США, с террористами, совершившими атаки 11 сентября. Реакция Такера Карлсона на

такое заявление была следующей: (52) *What the hell are you talking about, you freaking lunatic?* Экспрессивно-семантически окрашенный риторический вопрос, содержащий ЛЕ средней степени инвективности *lunatic* (*informal, disapproval*), фразу *what the hell* и лексему *freaking* (эвфемизм для нецензурного слова *f\*cking*), позволяет не только реализовать оскорбительную интенцию автора, но и выразить чувство крайнего негодования и возмущения.

Рассуждая на тему профессиональной непригодности Д. Байдена как лидера государства, что очевидно и для его однопартийцев, автор программы приходит к следующему заключению: (53) *Thankfully, this same group is also stupid. Stupidity is their one redeeming quality. They're certainly ruthless enough. But thank God they can't do that because they're too limited by their own bigotry and their tiny intellects. How dumb are these people?* Негативная оценочность формируется в данном контексте за счет повышенной концентрации ЛЕ средней и слабой степени инвективности и выразительных средств: эпитета *tiny*, эвфемизма *limited* (*idle, stupid, or incompetent*), однокоренных слов *stupid, stupidity*, ЛЕ *ruthless* (*disapproval*), *bigotry* (*disapproval*) и слова *dumb* (*offensive*) в составе риторического вопроса.

(54) *They know how limited they are, which is why they become so hysterical in the face of physical reality, because it's a reminder of their limits.* В данном случае автор посредством ЛЕ *hysterical* (*informal*) в рамках антропоморфной метафоры *in the face of physical reality* и эвфемизма *limited*, который дублируется в форме существительного *limits*, объективирует негативную оценку профессиональной деятельности правящей администрации, намекая на их интеллектуальную слабость, некомпетентность и отсутствие инициативы.

В высказывании (55) *Joe Biden is technically one of the slowest creeps in America* Т. Карлсон публично наносит оскорбление президенту Байдену, задействовав номинацию *creep* (*informal, disapproval*) с образным эпитетом *slow* (*euph.*) в превосходной степени.

Таким образом, тактика оскорбления в рамках глобальной РПСД администрации Д. Байдена проявляется в публичном выражении пренебрежительного мнения и уничижительных оценок. Для данной тактики установлен один речевой ход – «имплицитное оскорбление», реализуемый двумя группами инвектив: первой – сниженные лексические единицы с пейоративной окраской (средняя степень инвективности), и второй – эвфемизмы (слабая степень инвективности), не имеющие «прозрачных инвектированных лексических признаков» [Кусов, 2004, с. 20]. Факт нанесения имплицитного оскорбления верифицируется на основании наличия или отсутствия соответствующих стилистических помет в словарях.

Тактика оскорбления актуализируется РХ «имплицитное оскорбление», что свидетельствует о том, что тележурналист Карлсон избегает прямых и открытых оскорблений, нежелательных в публичном пространстве. Уничижительные высказывания, направленные на дискредитацию администрации Д. Байдена, содержат ЛЕ средней (сниженные ЛЕ) и слабой степени инвективности (эвфемизмы, заменяющие оскорбления более нейтральными формулировками), которые маркируют РХ «имплицитное оскорбление». Привлекаемые универсальные выразительные средства (метафоры, эпитеты, повторы, риторические вопросы), не подлежат шкалированию по степени инвективности, поскольку факт нанесения оскорбления следует устанавливать именно по наличию имеющихся оскорбительных слов и выражений, что, однако, не исключает очевидного свойства указанных экспрессивных средств и приемов наращивать дискредитирующий эффект в целом.

### **2.3. Тактика насмешки**

В речи ведущего Такера Карлсона автономная дискредитирующая тактика насмешки имеет широкий диапазон своих проявлений в форме колких

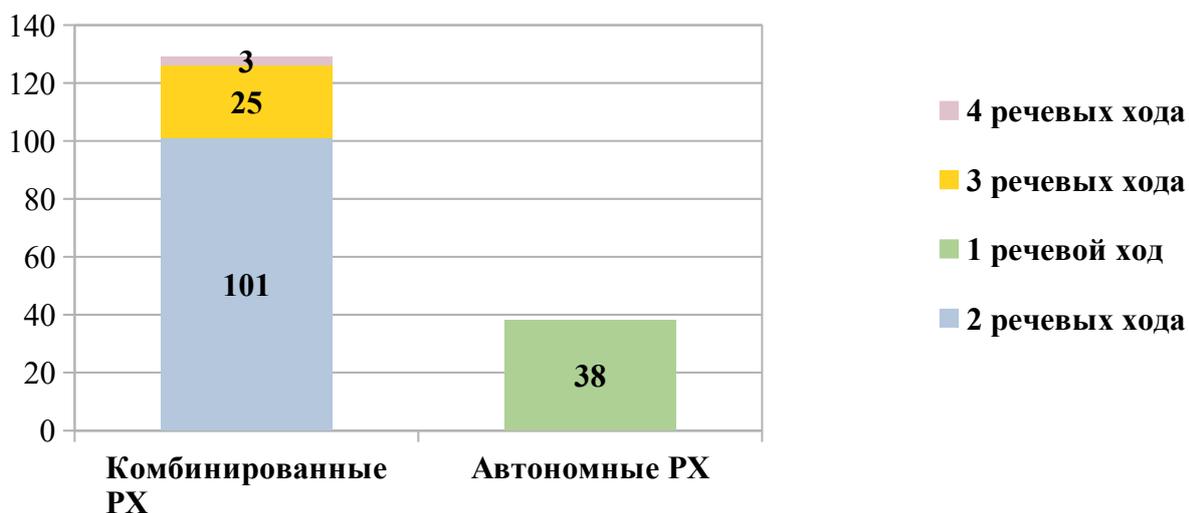
и презрительных комментариев, циничных замечаний, направленных на членов администрации Д. Байдена.

Тактика насмешки находит текстовое воплощение в свойственных только ей речевых ходах. Речевые ходы, конституирующие тактику насмешки, выделяются на основании формы выражения: 1) эксплицитная насмешка; 2) имплицитная насмешка.

В ходе проведенного исследования выявлено 167 контекстов, дискредитирующих администрацию действующего президента Соединенных Штатов Америки, в которых применялась тактика насмешки.

Согласно полученным данным, в пределах одного контекста количество речевых ходов, актуализирующих анализируемую тактику, колеблется от 1 до 4 (см. Рисунок 4 – Речевые ходы тактики насмешки, Приложение А). Наибольшее количество случаев приходится на два речевых хода, составив 60,5 % от общего количества. Далее по убывающей следует один речевой ход, три и четыре речевых хода.

1. Два речевых хода: 101 случай (60,5 %); 202 речевых хода.
2. Один речевой ход: 38 случаев (22,8 %); 38 речевых ходов.
3. Три речевых хода: 25 случаев (15 %); 75 речевых ходов.
4. Четыре речевых хода: 3 случая (1,8 %); 12 речевых ходов.



**Рисунок 4 – Речевые ходы тактики насмешки**

Таким образом, из общего количества случаев актуализации тактики насмешки (167 случаев) в 129 тактика реализована комбинированными речевыми ходами. В оставшихся 38 контекстах тактика реализуется посредством одного речевого хода – «имплицитная насмешка», то есть 38 речевых ходов. Общее число речевых ходов, актуализирующих тактику насмешки, составляет 327, из которых 291 являются комбинированными (см. Приложение А). При этом на «имплицитную насмешку» приходится 180 речевых ходов, то есть около 55 % от общего количества, в то время как на «эксплицитную насмешку» – 147 речевых ходов, что составляет 45 % от общего числа.

### **2.3.1. Речевой ход «эксплицитная насмешка»**

Эксплицитная насмешка проявляется в весьма агрессивной форме и характеризуется явным намерением СД сформировать негативный имидж ОД, причиняя ему репутационный ущерб. Речевой ход «эксплицитная насмешка» вызывает лишь минимальный комический эффект, поскольку противоречие между формой (сказанным) и содержанием (подразумеваемым) либо отсутствует, либо сведено к минимуму. Основной целью данных речевых

ходов, представленных в форме критических и язвительных комментариев, а также саркастических замечаний и выводов, является выражение критики и презрительного отношения. Такие высказывания содержат исключительно пейоративные оценки дискредитируемого объекта и могут восприниматься как оскорбительные для их адресатов (ОД).

(56) *Joe Biden is **the weakest, most unpopular** leader of our lifetime. He's also the **most destructive**. That is the view of the overwhelming majority of American voters.* (57) *Now, we've assumed that Kamala Harris was **historically unpopular because she's historically fake**.* (58) *Joe Biden is **the most unpopular president** that the United States has had in a very long time. Voters **dislike** Kamala Harris even more. This is as beloved as the Biden administration is going to get.* В этих фрагментах эксплицитная насмешка служит инструментом для явной демонстрации негативного отношения к президенту Джо Байдену и его вице-президенту Камале Харрис. Речевые ходы оформлены в виде утверждений о низком уровне популярности Байдена с использованием прилагательных с пейоративной семантикой, таких как *fake*, а также *unpopular*, *weak*, *destructive* в превосходной степени. Эти же слова используются в составе таких нелогичных соединений, как оксюморон *historically unpopular*, *historically fake*. Колкое замечание *This is as beloved as the Biden administration is going to get* подчеркивает безысходность ситуации, в которой находится администрация.

(59) *For Joe Biden the past few months amounted to **the greatest political disaster of his life**. In his case that's not a small place to be. **This is a man with three failed presidential campaigns** on his resume, but this year has been different. We don't mean to overstate it, but you **can pick your humiliating ashes and sackcloth world-historic defeat, Stalingrad, Corregidor, Gallipoli** and that is pretty much where Joe Biden is right now politically.* Автор ток-шоу открыто критикует и высмеивает некомпетентность и прежние неудачи Джо Байдена (ЛЕ *fail*), прибегая и к образным средствам. Метафора *the greatest political disaster of his life* символизирует серьезные проблемы Байдена на посту президента,

проявляющиеся в утрате влияния, снижении доверия электората и уменьшении поддержки со стороны средств массовой информации. Метафора *humiliating ashes and sackcloth world-historic defeat*, а также исторические аллюзии на значимые военные сражения, такие как битва за Коррехидор, Галлиполийское сражение и Сталинградская битва, создают образ столкновения президента с реальностью и символизируют завершение его политической карьеры.

(60) *A very tough week of setbacks, the country is, that is CNN's assessment. If it sounds mild to you, you could consider the source. CNN criticizing a sitting Democratic president? That's like the College of Cardinals attacking the pope. It's a violation of ecclesiastical authority. You never see it. And when it happens it means something. MSNBC went even further than that. One of the contributors decided to tell the channel's viewers something they had never heard before. Joe Biden is old. Really, really old. Possibly too old to govern a nation of 335 million people.*

В примере (60) ЛЕ *frustrated, criticizing, attacking, violation*, демонстрирующие семантическую близость в контексте выражения недовольства и конфликта, акцентируют внимание на имеющихся отрицательных настроениях в отношении действующего президента. Сравнение *like the College of Cardinals attacking the pope* указывает на общий уровень недовольства политикой Байдена и высокую степень его непопулярности как среди рядовых граждан, так и среди его сторонников. Повтор эпитета *old* акцентирует одну из главных причин непопулярности президента – его неспособность эффективно справляться с возложенными на него обязанностями из-за преклонного возраста.

### 2.3.2. Речевой ход «имплицитная насмешка»

РХ «имплицитная насмешка» менее уничижителен по своей форме выражения, чем РХ «эксплицитная насмешка». Такие речевые ходы демонстрируют большую степень «дружелюбия» к объекту дискредитации. Здесь сама дискредитирующая составляющая отходит на второй план, уступая

цель расположить к себе зрителей, вызвать их улыбку и смех, манипулируя их сознанием и восприятием реальности: то, что смешно и нелепо, по мнению журналиста, должно стать смешным и нелепым в глазах его аудитории. То, что делает такие ходы дискредитирующими, так это сам объект насмешки; именно его присутствие делает изображаемые события абсурдными или нелепыми, при этом не важно, изображен ли он в реальной или воображаемой ситуации.

(61) *Now Biden is the safest man in the world. Hundreds of federal employees spend their entire lives making certain that no harm comes to Joe Biden. When you're the president, your personal doctor is never more than a few steps away. An ambulance follows you the minute you leave the house. You can have any treatment you want at any time you want. As many vaccines as you care to take. Nobody in history has received more attentive medical care than Joe Biden is getting right now. He's the last person on Earth who should be worried about COVID-19, and yet he's terrified.* Насмешка в данном контексте адресована президенту США Джо Байдену и его реакциям на пандемию COVID-19. Ведущий высмеивает нелепое и нелогичное поведение президента, который, несмотря на наличие высочайшего уровня защиты и медицинского обслуживания, продолжает испытывать страх, как будто находится под постоянной угрозой.

На первый взгляд, имплицитная форма выражения насмешки может представляться безобидной для имиджа политика: (62) *Kamala Harris is a star, a major historical figure, indeed she's god. And if you say that enough, you tend to believe it. That's where our media find themselves.* Ироническая характеристика К. Харрис проявляется в высокой степени идеализации, которая достигается путем наделения ее чрезмерно положительными оценками и мифологическим статусом. По мнению ведущего, идеальный образ любого политика может быть сформирован благодаря «эффекту повторения» в средствах массовой информации.

В ответ на критику действующего президента, высказанную известным американским бизнесменом Донни Дойчем в одном из интервью на канале

*MSNBC*, Такер Карлсон произносит несколько фраз, насыщенных разнообразными средствами выразительности: (63) *You are telling us that Joe Biden doesn't "seem to have his hand firmly on the wheel". Really? You sure we're talking about the same president here? Wasn't this the guy not so long ago was challenging strangers to push up contests at town halls. He single-handedly rescued Nelson Mandela from the hell of Robben Island. Now you are saying that man, that chiseled monument to decisive masculinity may be losing his grip?* Во-первых, следует отметить, что идиоматическое выражение *to have his hand firmly on the wheel*, обозначающее человека, уверенно контролирующего ситуацию, контрастирует с другой идиомой *lose his grip*, что переводится на русский язык как «потерять контроль» или «утратить хватку». Во-вторых, посредством гипофоры, состоящей из двух вопросов, Такер выражает свои сомнения в правильности такой негативной оценки именно Джо Байдену. В ответной части гипофоры ведущий наигранно оспаривает точку зрения Дойча, упоминая такие приукрашенные и/или нереальные достижения и заслуги Байдена, как участие в спортивных соревнованиях и «собственноручное спасение» Нельсона Манделы (аллюзия). Завершает свою речь Карлсон риторическим вопросом, адресованным Д. Дойчу, который содержит метафору *chiseled monument to decisive masculinity*. Это усиливает комический эффект, который, в целом, достигается за счет контраста между образом «мужественного героя» и фактической ситуацией.

Иными словами, имплицитная насмешка является более утонченным способом дискредитации и требует от аудитории не только повышенной внимательности, но и определенных знаний, позволяющих корректно расшифровывать подтекст и улавливать буквальную суть высказываний.

Одним из таких примеров является аллюзия на бывшего иракского министра информации Мохаммеда Саида аль-Сахафу, который прославился своими абсурдными и явно ложными заявлениями о ситуации в стране, в результате чего получил прозвище «Baghdad Bob»: (64) *The administration*

*assures us that the vaccines work perfectly. Peter Doocy of Fox News asked that question in the White House briefing today. Here's how the Biden administration's own Baghdad Bob responded.* Такая отсылка позволяет отразить идею, что администрация правящего президента Америки проявляет аналогичное поведение, отказываясь признавать реальность и продолжая убеждать общественность в чем-то явно противоречивом и ложном. В данном случае Т. Карлсон иронично критикует пресс-секретаря за ее официальные заявления, указывая на несоответствие между уверениями в эффективности вакцин от COVID-19 и настойчивым требованием со стороны администрации продолжать носить маски.

Дискредитируемое лицо может быть наделено различными комическими признаками или характеристиками, либо ему приписываются утрированные свойства или свойства, которые заведомо отсутствуют. Основой таких речевых ходов выступает ирония, поэтому они имеют скорее издевательский характер, чем уничижительный [Карасик, 2011]. (65) *She's a first in so many ways. She celebrated Kwanzaa before it was even invented and of course, now that Oprah is retired, Kamala Harris is America's main source of life affirming aphorisms that don't actually mean anything. Watch this montage, which we have lovingly collected. Ask yourself how anyone who stand in the way of this woman becoming president United States.* В представленном контексте, направленном на критику и высмеивание Камалы Харрис, РХ «имплицитная насмешка» реализуется через максимальную концентрацию средств выразительности. Прежде всего, антифразис выражается во фразе *She's a first in so many ways*, которая контрастирует с гиперболизированным и ироничным утверждением о том, что она могла отмечать культурный праздник Кванзаа, который, на самом деле, не мог существовать в определенный момент времени. Далее, в утверждении о том, что Харрис становится «главным источником жизнеутверждающих афоризмов», создается контраст между ожидаемым уровнем выступлений политика и действительным положением дел – *aphorisms that don't actually*

*mean anything* (ирония). Сарказм проявляется в вопросе, адресованном аудитории (*how anyone who stand in the way of this woman becoming president United States*). Используя образ медийной иконы Опры Уинфри (аллюзия), подчеркивается абсурдность политических амбиций вице-президента. В завершение контекста ведущий иронично информирует зрителя о том, что его ждет подборка фрагментов с высказываниями Камалы Харрис, которую *we have lovingly collected*.

Для создания отрицательного имиджа, подчеркивающего недостатки политиков, риторический ход «имплицитная насмешка» может быть реализован и с использованием универсальных выразительных средств. Приведем пример применения эксплицитного сравнения, которое позволяет экстраполировать на администрацию Байдена, представляющую Демократическую партию, следующие отрицательные человеческие черты и поведенческие характеристики: жадность, одержимость, корысть и чрезмерная настойчивость в достижении личных целей: (66) *Say what you will about **elected Democrats**, but they know where the power is. **They're like truffle pigs for power**. No matter how thick the forest is, they will find it.*

Рассмотрим реакцию Такера Карлсона на заявление Камалы Харрис, в котором она проводит параллель между событиями 6 января и двумя исторически значимыми трагедиями для американцев: атака на Перл-Харбор и теракт 11 сентября: (67) *But first to today's reaction, we begin with Kamala Harris, though never a master of subtlety, you will not be surprised that in her speech today, she bypassed the subtlety. In fact, Harris compared the events of January 6th to Pearl Harbor and then to 911. Did she really say that? You ask? Oh, yes, she did.* Первая фраза содержит явный ироничный подтекст, касающийся неспособности Камалы Харрис адекватно выражать ее мысли так, чтобы они были правильно восприняты в соответствующем контексте. Реплика *you will not be surprised* акцентирует внимание на предсказуемом характере ее выступлений, для которых свойственны излишняя прямолинейность и

непоследовательность. Гипофора, состоящая из двух риторических вопросов, передает глубокое недоумение ведущего по поводу подобного сравнения, а последующий ответ (*oh, yes, she did*) служит подтверждением абсурдности слов вице-президента.

### 2.3.3. Комбинированные речевые ходы тактики насмешки

Проведенный анализ комбинированных речевых ходов, реализующих тактику насмешки, позволил выделить три основные группы комбинированных речевых ходов:

1. **Двухкомпонентная группа** включает одну подгруппу: РХ «имплицитная насмешка» + РХ «эксплицитная насмешка» – 101 случай, 202 речевых хода.

2. **Трехкомпонентная группа** (25 случаев, 75 речевых ходов), представленная двумя подгруппами:

2.1. РХ «имплицитная насмешка» + 2 РХ «эксплицитная насмешка» – 18 случаев, что составляет 56 речевых ходов;

2.2. РХ «эксплицитная насмешка» + 2 РХ «имплицитная насмешка» – 7 случаев, 21 речевой ход.

3. **Четырехкомпонентная группа** включает одну подгруппу: 3 РХ «имплицитная насмешка» + РХ «эксплицитная насмешка» – 3 случая, что соответствует 12 речевым ходам.

Количество комбинированных речевых ходов составило 291, из которых число РХ «эксплицитная насмешка» составило 147, а РХ «имплицитная насмешка» – 142 (см. Таблицу А.3 – Комбинированные речевые ходы автономных тактик в Приложении А).

Рассмотрим каждую группу ходов на конкретном языковом материале.

Двухкомпонентная группа речевых ходов наиболее востребована в речи Такера Карлсона: (68) *The point is, if you're not even certain how to pronounce your own first name, you're likely **senile**, but here's the thing. Kamala Harris is only*

57 years old. She's 22 years **younger** than Joe Biden, young enough to be his daughter, which is to say, young enough to shower with him and too young for most kinds of dementia. So, of course, she's probably medically in her right mind, and yet, despite that fact, here's how **Karmela** Harris actually speaks. Ведущий потешается над регулярным объектом своих насмешек – Камалой Харрис, в этот раз, указывая на неспособность правильно произнести свое собственное имя (РХ «эксплицитная насмешка»). Возрастное сравнение с президентом и фраза «слишком молода для большинства типов деменции» имеют саркастический подтекст и ставят под сомнение ее адекватность (РХ «имплицитная насмешка»). Ключевым средством выразительности здесь выступает игра слов (**Karmela** вместо *Kamala*). Такер Карлсон регулярно обращается к данному приему для высмеивания и понижения статуса вице-президента: (69) *Got any ideas on that, **Karmala** Harris?* (70) *That's the natural process, or so we have always assumed, but recently we've noticed something that changed our view, and that something is called Kamala Harris. Or is it **Karmela**?*

Ниже приведен пример, иллюстрирующий реализацию 2 РХ «эксплицитная насмешка» в сочетании с РХ «имплицитная насмешка» (трехкомпонентная группа комбинированных речевых ходов): (71) *So, we **make fun** of Joe Biden all the time, but even **senile old**, Joe Biden can muster more than that. So once again, how do we explain this? Well, in effect, Democrats are challenging the core premise of Charles Darwin. They're devolving. Our surgeon general just uploaded a picture of himself enjoying an ice cream cone without any ice cream in it. Really?* Эксплицитная насмешка над президентом Байденом актуализируется в первом предложении с использованием подвида синонимического повтора – плеоназма (*senile old*) и идиомы *make fun*. Второй речевой ход предваряет вопросительная часть гипофоры, в ответной части которой последует поочередная реализация эксплицитной и имплицитной насмешки. Фраза *They're devolving* и апелляция к дарвиновской теории (аллюзия) призваны открыто высмеять интеллектуальный регресс среди

ключевых фигур Демократической партии и подвергнуть критике их действия, демонстрирующие отсутствие здравого смысла и профессионализма. Далее автор потешается над снимком в соцсетях Вайка Х. Мурти, который в настоящее время занимает должность 21-го генерального хирурга США.

Во фрагментах (72)–(74) объектом насмешки выступает старший медицинский советник президента США, доктор Тони Фаучи. Для более четкого восприятия данного контекста, репрезентирующего четырехкомпонентную группу, он разделен на несколько частей, каждая из которых соответствует определенному речевому ходу. РХ «имплицитная насмешка»: (72) *Tony Fauci is back in the news. One thing few people know about Fauci, when he says he knows medicine, he's definitely right. He's been around for a long time. Tony Fauci graduated from medical school almost sixty years ago. He's 81. That means he's three years older than the average life expectancy of an American man. It means he's 16 years past the age at which the average physician in this country retires.* Ироничная фраза о том, что Тони Фаучи знает медицину, представляется Т. Карлсоном как некое голословное утверждение со стороны самого Фаучи. Сопоставляя его возраст со средней продолжительностью жизни и традиционным возрастом выхода на пенсию врачей в США, поднимается вопрос о целесообразности его длительного пребывания на занимаемой должности. РХ «эксплицитная насмешка» + РХ «имплицитная насмешка»: (73) *We're not calling Tony Fauci old, but at this point, he's probably not buying any long-term municipal bonds.* Лексема *old* напрямую указывает на преклонный возраст Тони Фаучи, а упоминание о возможности покупки им долгосрочных муниципальных облигаций создает комичный эффект. РХ «имплицитная насмешка»: (74) *Tony Fauci is one of the longest-serving employees in the entire federal government. He's almost certainly the highest-paid. Why is that? Because Tony Fauci is that good. The term "national treasure" comes to mind. Decent people understand that. Drive through any neighborhood with high concentrations of college-educated professionals with desperately unhappy personal lives and you will*

*see the yard signs shrines erected in Fauci's honor. "Thank you, Dr. Fauci!" they read, capped with a perky little exclamation point with a heart at the bottom, "Thank you for being you." And you can actually understand their gratitude. Fauci is the man who got us through the pandemic as the coronavirus wafted from a Chinese military biolab in Wuhan and settled over the United States. Tony Fauci was the man Americans look to for guidance. He was our Sherpa, our diminutive spirit guide.*

Заключительный фрагмент наполнен колкими и насмешливыми высказываниями, ироничность которых проявляется в описании явно преувеличенного поклонения Фаучи со стороны американцев, выраженного в лозунгах *Thank you, Dr. Fauci!* и *Thank you for being you*. Сатирическое изображение Фаучи в роли «проводника» в период пандемии (аллюзия на *Sherpa*, метафора *got us through the pandemic*, оксюморон *our diminutive spirit guide*) указывает на абсурдность подобной идеализации и подчеркивает диссонанс между истинным отношением к нему американцев и образом, созданным администрацией и СМИ (*national treasure, good, highest paid*).

Таким образом, форма насмешки лежит в основе двух речевых ходов данной тактики: «имплицитная насмешка» и «эксплицитная насмешка». Стоит отметить, что по общему количеству речевых ходов «имплицитная насмешка» превышает «эксплицитную насмешку» на 22 %. Однако в комбинированных речевых ходах их соотношение практически равно 1:1. Эксплицитная насмешка направлена на прямое выражение негативного отношения к политическим деятелям, указывая на некомпетентность и абсурдность их действий, что актуализируется, прежде всего, средствами лексического уровня с пейоративной семантикой, маркирующими данный речевой ход. Поскольку имплицитная насмешка ориентирована на создание комического эффекта, то ее языковыми маркерами определены собственные средства создания комического, включая различные виды иронии, игру слов и оксюморон. При этом, для обоих речевых ходов характерно наличие вопросительных и восклицательных конструкций, а также использование ситуативных средств

создания юмора и сатиры, таких как эпитет, гипербола, метафора и повтор и многих других. Комбинированные речевые ходы показывают, что наиболее часто встречается парная актуализация эксплицитной и имплицитной насмешки (двухкомпонентная группа), что усиливает и комический и дискредитирующий эффект.

#### 2.4. Тактика негативного прогнозирования

Тактика негативного прогнозирования представляет собой одну из тактик, формирующих репертуар дискредитирующих тактик ведущего ток-шоу *Tucker Carlson Tonight*. Цель данной тактики заключается в формировании у аудитории представлений о ненадежности и неэффективности администрации президента США Д. Байдена, а также в демонстрации угроз, которые исходят от нее, что способствует созданию атмосферы пессимизма и чувства безысходности.

Исходя из того, что в основе тактики негативного прогнозирования лежит обвинительная интенция ведущего, целесообразно адаптировать соответствующие семантические варианты тактики обвинения и их формулы к двум основным сценариям реализации тактики негативного прогнозирования.

##### **OD + NA** (6)

– это сценарий № 1 с предполагаемыми негативными действиями правительства, которые могут быть ошибочными, неправомерными, неблагоприятными или неэффективными.

##### **(OD + NA) => NC** (7)

– это сценарий № 2 включает анализ потенциальных рисков, проблем, а также катастрофических последствий, которые могут возникнуть в результате определенных действий и решений государственных деятелей. Атрибуция вины объекту дискредитации в таких случаях чаще является имплицитной.

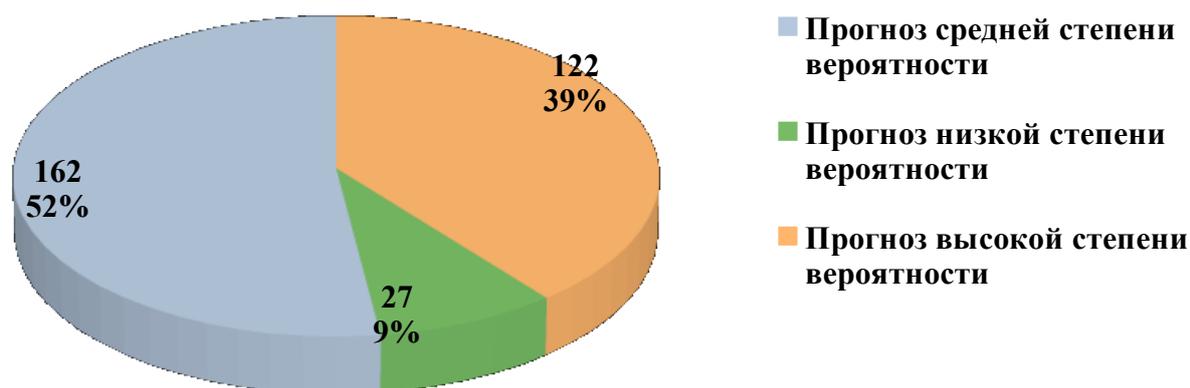
Кроме того, обнаружены случаи реализации негативных прогнозов, которые не соответствуют выделенным сценариям № 1 и № 2. Такие случаи

актуализируются либо риторическими вопросами, либо гипотезой. Мы условно называем эти контексты «прогнозами», поскольку ведущий не обозначает конкретные негативные последствия, оставляя аудитории пространство для их интерпретации в рамках заданной степени вероятности их наступления.

Моделируемые сценарии, отражающие исключительно субъективное мнение и восприятие ведущего, могут принимать форму детерминированных, вероятностных, а также воображаемых, нереальных прогнозов. Возможность осуществления прогноза напрямую зависит от его грамматической «упаковки», то есть от синтаксических и морфологических средств его представления; именно такие средства и выступают в роли языковых маркеров тактики негативного прогнозирования (см. Таблицу 2 – Шкала степени вероятности негативного прогноза в п. 1.5.1.4. ). Эти маркеры позволили выделить речевые ходы тактики негативного прогнозирования среди других речевых тактик и ходов, дискредитирующих администрацию президента США Д. Байдена.

Так, тактика негативного прогнозирования актуализируется тремя речевыми ходами, которые выделяются по степени вероятности наступления негативных прогнозов, озвучиваемых Т. Карлсоном: 1) прогноз высокой степени вероятности, 2) прогноз средней степени вероятности, 3) прогноз низкой степени вероятности. Для краткости речевые ходы, составляющие содержание тактики негативного прогнозирования, именуется «прогнозами», подразумевая под этим именно негативные прогнозы.

В диаграмме ниже приведены результаты статистического анализа речевых ходов, актуализирующих автономную тактику негативного прогнозирования (см. Рисунок 5 – Речевые ходы тактики негативного прогнозирования).



*Рисунок 5 – Речевые ходы тактики негативного прогнозирования*

Из 217 случаев в 47 контекстах зафиксировано парное комбинирование речевых ходов (94 хода) данной тактики, что привело к увеличению общего количества речевых ходов (311). Наибольшее распространение среди речевых ходов получил «прогноз средней степени вероятности», который был зафиксирован в 162 случаях и составляет 52,05 % от общего числа речевых ходов. Следующим по частотности реализации является РХ «прогноз высокой степени вероятности», обнаруженный в 122 случаях, что эквивалентно 39,2 %. Наименее репрезентативным оказался РХ «прогноз низкой степени вероятности», реализованный лишь в 27 случаях (см. Приложение А).

Рассмотрим каждый речевой ход и соответствующие им языковые маркеры отдельно.

#### **2.4.1. Речевой ход «прогноз высокой степени вероятности»**

При реализации речевого хода «прогноз высокой степени вероятности» оценочные установки ведущего относительно описываемых ситуаций и событий в аспекте вероятности их наступления актуализируются с помощью временной формы Future Simple и условных предложений нулевого типа (Zero Conditional), а также конструкций *to be about to*, *to be bound*. В данных суждениях вероятность наступления негативных экономических прогнозов,

социальных последствий и изменений в международной политике оценивается Такером Карлсоном как высокая и очень высокая, и составляет 100 %.

Речевой ход выстраивается по сценарию № 1 в соответствии с формулой (6): (OD) + NA, где объект обвинения не указан, но очевиден, а NA – глаголы со значением «агрессивные действия» *hunt down, destroy, ban, hound* используемые в форме Future Simple, свидетельствуют о том, что предполагаемые действия обязательно произойдут в будущем. (75) *So, you can bet that none of these destroyers **will** be hunted down like animals, like the protesters on January 6 have been for over three years. Their lives **won't** be destroyed. Their families **won't** be hounded. They **won't** be banned from Airbnb and yet, of course, what they did is far more destructive to our society than anything you saw in Washington in January of 2021. Their behavior is encouraged.* Ведущий выражает критику в адрес государственных структур за использование двойных стандартов, проводя сравнение между реакцией властей на действия участников протестов 6 января, которые подверглись уголовному преследованию, и на действия участников массовых беспорядков в Чикаго. По мнению Карлсона, меры наказания в отношении последних не будут столь серьезными и радикальными.

Неизбежность воплощения негативных прогнозов для граждан США часто передается с помощью заголовков передачи Такера Карлсона, который поднимает вопросы, вызывающие беспокойство у жителей относительно стабильности их жизни в будущем. В этом случае прогнозы могут развиваться по обоим выявленным сценариям:

Сценарий № 1, формула OD + NA: (76) *The Biden admin's new rule **will** punish people with high credit scores.* (77) *Our leaders can't fully vouch for the vaccines we've been told to take, and **won't** say that they'll get life back to normal.*

Сценарий № 2, формула (OD + NA) => NC: (78) *Biden's economy **will** mean no electricity or small businesses, but Amazon may pay you more.* (79) *Why are thousands of federal troops still in Washington?* (80) *Americans have been trained to*

*hate Putin, and will suffer because of it. (81) Even Biden admitted that energy prices are about to go up.*

Далее ведущий предлагает аудитории самостоятельно оценить потенциальные риски и угрозы, а также смоделировать сценарии возможного развития событий в будущем с использованием риторических вопросов. В таких случаях предлагаются определенные предпосылки для формирования именно негативного прогноза высокой степени вероятности. Например: (82) *The question is, what effect will this current suspension of our Bill of Rights have on American society over time? What kind of country will your grandkids live in?* В данном примере Карлсон наводит зрителей на мысль о вероятном ограничении свободы слова, что приведет к увеличению контроля со стороны государства, и как следствие традиционное восприятие ценностей демократии и справедливости у будущих поколений значительно изменится (Future Simple).

Аналогичным образом автор побуждает аудиторию рассмотреть и долгосрочные последствия социальных и экономических проблем, задавая вопрос: (83) *Meanwhile, the costs mount – the real ones like measurable bankruptcies, addiction, suicides. So what will the country look like when it's over?* Здесь «необратимость грядущих негативных последствий» [Шейгал 2000, с. 296] вызывает чувство тревоги и неопределенности относительно будущего. Такой способ косвенной дискредитации позволяет выявить виновников, побуждая граждан США к размышлению о необходимых действиях, которые могут быть предприняты для предотвращения дальнейшего ухудшения ситуации в стране (ЛЕ с пейоративной семантикой *bankruptcies, addiction, suicides*).

Довольно часто используется в речи ведущего Zero Conditional для выстраивания прогнозов по формуле (7): (OD + NA) => NC, которые неминуемо произойдут при соблюдении определенных условиях. Например, одним из таких условий является обязательная вакцинация для работников крупных компаний с целью повышения безопасности на рабочем месте и

борьбы с COVID-19. Отказ граждан от этой навязываемой меры чреват серьезными для них последствиями, о чем предупреждает сам президент Байден: (84) *Our patience is wearing thin.* Реакция Карлсона оформлена в виде предостережений для такой категории граждан: *If you want to take an untested experimental mRNA shot from a company that has bought immunity from Congress against future lawsuits, you are a selfish Neanderthal. Worse, you're a **killer**. You're literally – literally – **killing** your own neighbors. The only good news is you **will** soon **die** yourself because you deserve it. That's what Joe Biden said.* Данный прогноз включает ЛЕ с семой «смерть»: *killer, killing, die* и аллюзию на *Neanderthal*, которые служат средствами, отражающими крайне негативное восприятие со стороны властей тех, кто отказывается от вакцинации.

Данный речевой ход включает и случаи моделирования гиперболизированных прогнозов, оформленных с использованием Zero Conditional, которые иллюстрируют конкретные риски и опасность для обычных граждан США (сценарий № 2, формула  $(OD + NA) \Rightarrow NC$ ). (85) *In other words if you are worried about catching the virus by gathering in a big crowd in Chinatown that means you are a white supremacist.* (86) *In other words, if you're falsely accused of racism and you don't like it, that's evidence you're racist, especially if you're a janitor.* (87) *Ask whatever questions you want, as long as they're not relevant questions, and you don't insist on answers to them. Those at the rules. Break the rules and you're a bad person.* (88) *The COVID vaccine is morally good, period. Don't dare say anything else. So if your neighbor drops dead after getting the shot, keep it to yourself. Facts like that are not allowed on Facebook nor on Twitter.* (89) *Now, if you're skeptical about any of this, our advice is keep it to yourself, because free inquiry is dead and unauthorized questions are hate speech* (90) *If you're opposed to men in dresses twerking in front of kids, you're intimidating librarians. If you pause before you say castrate children, you're targeting trans kids. And of course, if you're not with his program, you don't believe in democracy. You're promoting authoritarianism.* Карлсон информирует аудиторию о том, что

при невыполнении определенных условий с высокой долей вероятности последуют определенные последствия, например, в виде предвзятого отношения со стороны государства, а также ограничений гражданских прав, включая свободу слова. Это подтверждается наличием имен существительных: *supremacist, racist, authoritarianism*, словосочетаний: *irrelevant questions, unauthorised questions, bad person, hate speech*, а также глаголов: *accuse, intimidate, target, castrate* с интегральной семой «агрессия». Такие прогнозы-предостережения, помимо своей основной дискредитирующей функции, также служат и способом демонстрации заботы о своих зрителях, принадлежащих к группе «свои».

Основываясь на предыдущем опыте, когда граждане пострадали (ЛЕ *hurt*) от поспешных решений властей и внедрения радикальных мер во время массовой вакцинации против COVID-19, Такер сообщает, что подобные ситуации непременно повторятся в скором будущем (конструкция *to be bound to*): (91) *Vaccines are complicated medicines, and as with any drug, it can take a long time to get it precisely right. The dosage, for example. And this is not the first time people have been hurt during a vaccination campaign. That is bound to happen.*

В следующем фрагменте автор выражает крайнюю озабоченность состоянием безопасности в США, акцентируя внимание на реальных последствиях – массовый отток «нормальных», «продуктивных» граждан из крупных городов. (92) *That's a public street. That's not a parking lot in a rural area. That's Los Angeles. You can't live in a country like that. No normal person can live in a chaotic, dangerous country like that and so the normal, productive people will leave. They absolutely will leave, and not just Los Angeles, not just Chicago, all over the country, in the cities controlled by the Democratic Party.* В качестве довода о том, что преступность становится системной проблемой, Карлсон приводит недавний инцидент в Нью-Йорке: *In New York, a man with 11 prior arrests just bludgeoned a female police officer with a bottle in the middle of the day. You're seeing the attack on your screen right now.* Прогноз развивается по сценарию № 2:

(OD + NA) => NC, а ЛЕ *bludgeon, attack, chaotic* и *dangerous* служат для эмоционального нагнетания тревожности и опасности.

#### 2.4.2. Речевой ход «прогноз средней степени вероятности»

Дискредитирующие негативные прогнозы средней степени вероятности выражены с помощью условных предложений первого типа (First Conditional), модальных глаголов *could* и *might*, а также конструкций *to be likely to* и *to be going to*. Вероятность наступления таких прогнозов оценивается условно в 50 %.

Известно, что ведущий Т. Карлсон является ярким противником поддержки Украины в конфликте с Россией, о чем он неоднократно высказывался в своем ток-шоу. Основным аргументом для него как патриота своей родины является убеждение, что данная ситуация приведет к исключительно негативным последствиям для США. Рассмотрим прогноз, выраженный в форме First conditional, предвещающий о скором снижении влияния Соединенных Штатов на международной арене, в том числе, и благодаря сотрудничеству между Россией и Китаем: (93) *But the war we are fighting in Ukraine is not against Russia alone, but also against Russia's newest ally, the People's Republic of China. What Donald Trump predicted has happened, and in the worst way. If the war in Ukraine continues, we will lose no matter how it ends. The world order is being reshuffled as we watch, and by the time it's over, the U.S. will no longer be at the top of the deck. That is very obvious to the rest of the world.* Несмотря на то что связь между негативным действием (вовлечение США в военный конфликт) и ответственным субъектом (администрацией президента) – как за само действие, так и за его последствия – хоть и является опосредованной, она тем не менее очевидна.

При конструировании образов «темного будущего» [Руженцева, 2004, с. 133] обвинительная интенция ведущего становится более выраженной, акцентируя внимание исключительно на негативных аспектах деятельности ОД

в будущем: нарушения, злоупотребления властью: (94) *So if they **can** justify a riot on the basis of public health, what **can't** they justify?* В данном примере прогноз по формуле OD + NA, представлен в форме риторического вопроса и содержит эксплицитный намек на потенциальную угрозу ограничения гражданских прав и свобод, поскольку любые действия правительства, включая насилие, могут быть оправданы, если они отвечают его интересам.

(95) *The leading candidate from the other party doesn't get to talk or you send him to prison? Where are the august historians are always telling us about, you know, the architecture of our democracy, our democratic norms? Is that a democratic norm, **silencing** the other party's main presidential candidate on pain of going to jail? They like the power, and they're **going to** continue to exercise **it until somebody stops them.*** В вопросительной части гипотезы Т. Карлсон апеллирует к традиционным принципам демократического общества, а также приводит в пример ситуацию уголовного преследования бывшего президента США Дональда Трампа, что служит основой для формирования негативного прогноза по сценарию № 1, представленного в ответной части гипотезы. Данный прогноз указывает на вероятность повторения аналогичных действий (First Conditional), которые проиллюстрированы следующими лексемами: *jail, prison, silencing.*

(96) *So, whatever the motive here is, the effect is absolutely predictable. As with Afghanistan and Ukraine and COVID and pick nine other **disasters** when what we're watching right now finally ends, **the U.S. is likely to be weaker and China is likely to be stronger.*** Упоминание о последствиях кризисов: военные конфликты в Афганистане и Украине, пандемия COVID-19, служит важной аналогией и предупреждением о потенциальных последствиях нынешней напряженной геополитической ситуации между Соединенными Штатами и Китаем, которая усугубилась после визита Нэнси Пелоси на Тайвань. Исход этих событий, как утверждает ведущий, будет крайне негативным для Америки, которая окажется в значительно более уязвимом положении. Сам негативный прогноз

выстраивается по сценарию № 2 с помощью конструкции *to be likely to* и стилистического контраста – антонимии (*stronger – weaker*).

(97) *A lot of people are **dying** in St. Louis, but not at the hands of police. What's happening there? The **murder** rate there has skyrocketed. **You're** now more **likely to be shot to death** in St. Louis than you are in Guatemala City. A place that has been famous for decades for being **violent**. But St. Louis is now more **violent**. So maybe it's our country that needs attention these days.* Текущая удручающая обстановка в Сент-Луисе в сопоставлении с Гватемалой, которая является одним из наиболее известных по уровню насилия городов Латинской Америки, предвещает реальные риски для местных жителей и приезжающих в этот город. Местоименное обращение *you*, адресованное каждому зрителю передачи, и ЛЕ *dying, murder, violent, shot, death*, объединенные семой «смерть», создают ощущение реальной угрозы. Заключительное предложение данного фрагмента *So maybe it's our country that needs attention these days* позволяет ведущему натолкнуть аудиторию на выводы о бездействии властей, что и является следствием высокого уровня преступности в городах Америки (сценарий № 2).

### 2.4.3. Речевой ход «прогноз низкой степени вероятности»

Когда СД рассматривает действия и события как маловероятные, которые могут произойти или не произойти даже при соблюдении обозначенных условий, средством таких прогнозов являются условные предложения второго типа (Second Conditional) и формы нереального прошедшего времени (Unreal Past). В таких случаях речь идет о реализации речевого хода «прогноз низкой степени вероятности».

Такие речевые ходы моделируют маловероятные, воображаемые ситуации, в которых действия ОД оцениваются как отрицательные, противоречащие нормам нравственности и морали, основам правопорядка (сценарий № 1, формула OD + NA). Кроме того, они представляют собой

гипотетические прогнозы, которые несут риски и угрозы для жителей страны (сценарий № 2, формула (OD + NA) => NC).

(98) *Similar trends are now underway in Georgia, North Carolina and many other states. Mass immigration increases the power of the Democratic Party, period. If two hundred thousand immigrants from Poland showed up at our southern border tomorrow, Kamala Harris wouldn't promise them health care. Why? Simple: Poles tend to vote Republican. That's the difference. Democrats would deport those migrants immediately.* Негативное прогнозирование согласуется со сценарием № 1, где присутствуют два объекта обвинения – Демократическая партия и непосредственные ее представители – Д. Байден, К. Харрис. Приписываемое им негативное действие заключается в том, что поддержка массовой иммиграции обусловлена исключительно политическими выгодами, которые они получают от новых избирателей. Прогноз представлен как маловероятный (Second Conditional), но приведенный пример увеличения влияния демократов в таких штатах, как Джорджия и Северная Каролина, делает этот прогноз более реалистичным.

(99) *Let's say you lived in a big American city and you decided to loudly and publicly attack Joe Biden's policies, on immigration or COVID or transgender athletes. If you kept talking like that, you would likely be silenced by Biden's allies in Silicon Valley. If you kept it up, you might very well have to hire armed bodyguards. That's common in the U.S.* В данном фрагменте негативное прогнозирование соответствует сценарию № 2: фраза *let's say* в комбинации с глаголами *live* и *decide* в форме Past Simple вводит гипотетическую ситуацию, приглашающую аудиторию рассмотреть конкретный случай, а именно возможные последствия публичной критики политики администрации Байдена. В условных предложениях второго типа в условных частях содержатся глаголы *keep* и фразовый глагол *keep up* с общей семой «продолжение», а основные части включают модальные глаголы *would* и *might* в сочетании с инфинитивом,

чтобы обозначить предполагаемые последствия, которые могут варьироваться от ограничения прав на свободу слова до угроз физической безопасности.

(100) *Donald Trump understood this very clearly: “Russia will never be our closest ally,” he said. “But if Russia ever becomes China’s ally, we’re in deep trouble.” The combination of natural resources, military and economic power – and sheer population – would make the Russian-Chinese alliance the most powerful force in the world. The United States would soon be dethroned, we’d be taking orders.* Такер Калсон разделяет точку зрения Дональда Трампа, согласно которой альянс между Россией и Китаем представляет собой значительную угрозу для Соединенных Штатов. Гипотетический прогноз, основанный на модальном глаголе *would*, выстраивается в соответствии со сценарием № 2 и сигнализирует о вероятных последствиях: утрата США статуса мирового лидера (ЛЕ *dethrone*), вынужденное подчинение другим странам (фразеологизм *take orders*).

#### **2.4.4. Комбинированные речевые ходы тактики негативного прогнозирования**

В соответствии с проведенным анализом 47 контекстов (94 речевых хода), дискредитирующих администрацию Байдена, в которых тактика негативного прогнозирования реализуется посредством двух речевых ходов, выделена одна группа комбинированных речевых ходов, состоящая из двух подгрупп:

##### **1. Двухкомпонентная группа:**

1.1. РХ «прогноз средней степени вероятности» + РХ «прогноз высокой степени вероятности» – 41 случай, что соответствует 82 речевым ходам;

1.2. РХ «прогноз средней степени вероятности» + РХ «прогноз низкой степени вероятности» – 6 случаев, что составляет 12 речевых ходов (см. Таблицу А.3 – Комбинированные речевые ходы автономных тактик в Приложении А).

Рассмотрим наименее распространенную подгруппу, включающую РХ «прогноз средней степени вероятности» и РХ «прогноз низкой степени вероятности», каждый из которых соотносится со сценарием № 2. (101) *Is it possible these same techniques **might be** used someday against someplace or somebody that you care about? **What if** one morning you woke up and they decided that you're Vladimir Putin and you must be erased?* Речь идет о том, что санкционные меры, подобные тем, что применяются к России, могут быть применены и к любому жителю США, что вполне возможно, с точки зрения ведущего, о чем свидетельствует модальный глагол *might*. Следующий прогноз менее категоричен и выражен с помощью конструкции *what if* с применением простого прошедшего времени (Past Simple) и глагола *erase*, употребленного метафорически. Здесь присутствует политическая аллюзия к президенту России, который у коллективного Запада ассоциируется с образом «врага». Несмотря на вымышленный характер такого прогнозируемого сценария, возможность возникновения подобной ситуации может вызывать у зрителей передачи реальные опасения.

Ведущий вновь обращается к своей аудитории по теме поддержки Украины со стороны США с помощью гипофоры: (102) *Well, **will** joining a conflict in Eastern Europe **fix** any of that?* Предоставление военных, финансовых и гуманитарных ресурсов может усугубить внутренние экономические трудности в США. *Of course not. It'll make it worse. If the neocons aren't restrained, and soon, Americans are going to be a lot poorer.* Такер Карлсон убежден в правильности личных рассуждений о рисках для экономики США, что подтверждается Future Simple для выражения прогнозов высокой степени вероятности и наречием *of course* в сочетании с отрицательной частицей *not*. Негативные последствия для благосостояния граждан Америки вполне реальные, но не predetermined (First Conditional для РХ «прогноз средней степени вероятности», развивающемуся по сценарию № 2). В условной части обозначен объект обвинения – *neocons* (сокращение от *neoconservative*), то есть

представители администрации президента, которые стремятся к более активной внешней политике.

Таким образом, содержательное наполнение тактики негативного прогнозирования в программе Т. Карлсона представлено тремя речевыми ходами: прогнозом высокой степени вероятности, прогнозом средней степени вероятности и прогнозом низкой степени вероятности. Случаи реализации комбинированных речевых ходов (47) составляют 21,61 % (или около 1/5) от общего числа (217). Доминирующим речевым ходом, включая случаи реализации комбинированных речевых ходов, является «прогноз средней степени вероятности». Языковые маркеры для РХ «прогноз высокой степени вероятности» включают Future Simple, Zero Conditional, выражения *to be about to* и *to be bound*. Модальные глаголы *could*, *might*, конструкции *to be likely to*, *to be going to*, а также First Conditional являются типичными для прогноза средней степени вероятности. РХ «прогноз низкой степени вероятности» отличается использованием Second Conditional и формами, относящимися к Unreal Past. Широкая семантика негативных прогнозов объективируется с помощью различных слов и выражений, которые передают идею неблагоприятных исходов или предупреждают о возможных негативных действиях объекта дискредитации. Эти лексемы, варьирующиеся от нейтральных до пейоративных, обладают общими семами: «агрессия», «запрет», «кризис», «наказание», «опасность», «разрушение», «смерть», «спад».

## 2.5. Тактика обманутого ожидания

Тактика обманутого ожидания, выявленная в 237 контекстах, занимает третье место по числу случаев среди автономных дискредитирующих тактик, составляя 20,05 % от общего числа (1 181), уступая лишь тактикам обвинений и негативного прогнозирования.

Дискредитация администрации президента Д. Байдена посредством тактики обманутого ожидания базируется на несоответствии между действиями

и решениями администрации и теми ожиданиями и предположениями, которые имеются у граждан Соединенных Штатов относительно развития событий в стране. Демонстрируя случаи такого несоответствия, Такер Карлсон стремится вызвать недовольство и недоверие среди граждан. Следовательно, аудитория ток-шоу получает информацию об истинных намерениях властей, а также о фактах, свидетельствующих о нарушении конституционных и правовых норм, что и служит основой для обвинений и критики.

Дискредитирующая тактика обманутого ожидания строится на контрасте «ожидание vs. факт», который складывается в формулу:

$$D = (E_{\text{positive vs. F}_{\text{negative}}}) + OD, \quad (8)$$

где  $E_{\text{positive}}$  (англ. *expectation*) – ожидание аудитории, которое выстраивается с расчетом на наступление каких-либо положительных и желательных для нее событий, действий, обстоятельств;

$F_{\text{negative}}$  (англ. *fact*) – реальная, фактическая ситуация, которая описывается как нежелательная, неблагоприятная, сложная, опасная и т. д.;

D (фр. *discrediter*) – это дискредитация, успешность которой возможна в тех случаях, когда существование ситуации типа F препятствует существованию ситуации E, вина за что вменяется OD (англ. *the object being discredited*) – объекту дискредитации, описываемому как виновник истинного положения дел, источник разочарования, несбывшихся надежд и ожиданий.

Ситуации F и E могут менять свое местоположение в тексте, однако они неизменно находятся в оппозиции по отношению друг к другу, что находит выражение в различных текстовых вариантах:

Вариант № 1. Противопоставление действительности не оправдавшимся надеждам и ожиданиям с помощью сочетания *in fact*, глагола *turn* в форме настоящего или прошедшего времени, наречия *instead*, либо союзов *but*, *while*, *whereas*:

$$E_{\text{positive}} \textit{ in fact/turns(-ed) out/instead/but/while/whereas } F_{\text{negative}} \quad (8.1)$$

$$\text{ИЛИ } F_{\text{negative}} \textit{ in fact/turns(-ed) out/instead/but/while/whereas } E_{\text{positive}}$$

Вариант № 2. Посредством союза *though*, предлога *despite* утверждается, что некая негативная реальность имеет место быть вопреки имеющимся предположениям и ожиданиям:

$$F_{\text{negative}} \textit{ though/despite } E_{\text{positive}} \quad (8.2)$$

$$\text{ИЛИ } E_{\text{positive}} \textit{ though/despite } F_{\text{negative}}.$$

Вариант № 3. Контрастирующие ситуации объединены без соединительных элементов:

$$E_{\text{positive}}/F_{\text{negative}} \quad (8.3)$$

$$\text{ИЛИ } F_{\text{negative}}/E_{\text{positive}}.$$

В рамках тактики обманутого ожидания, основанной на контрасте между ожиданиями и фактической реальностью, важно разграничить два типа ожиданий: эксплицитные и имплицитные. На этом основании выделяются два речевых хода: а) имплицитное ожидание vs. факт, б) эксплицитное ожидание vs. факт.

Согласно проведенному количественному анализу речевой ход «имплицитное ожидание vs. факт» зафиксирован в 48 случаях, что составляет 16 % от общего числа наблюдений в 237 случаев, в то время как речевой ход «эксплицитное ожидание vs. факт» представлен в 189 случаях (48 %). Таким образом, речевой ход «эксплицитное ожидание vs. факт» превосходит по количеству случаев реализации «имплицитное ожидание vs. факт» примерно в четыре раза (см. Таблицу А.2 – Речевые ходы автономных тактик РПСД в Приложении А). случаев реализации двух речевых ходов в рамках одного контекста не зафиксировано.

### 2.5.1. Речевой ход «имплицитное ожидание vs. факт»

(103) *So what's growing and thriving in this country under Joe Biden? Well, weed dispensaries are. They're popping up everywhere. And the Biden administration is encouraging this. That's the Biden economy. Weed dispensaries backed by private equity. Cannabis sales have exploded in this country, going from*

*\$12 billion to more than \$30 billion a year. We're building a lot of weed dispensaries. It's not exactly what we were promised.* В данном фрагменте речевой ход реализуется с помощью гипофоры, которая структурно состоит из одного вопросительного предложения и семи утвердительных предложений: шесть содержат описание реальной ситуации в США, а в седьмом выражено ожидание. В данном случае ожидания выражены имплицитно и охватывают такие аспекты, как экономическое процветание, улучшение жилищных условий и создание новых рабочих мест. Именно эти цели изложены президентом Байденом в его инаугурационной речи: *PRESIDENT BIDEN: Much to restore. Much to heal. Much to build.* Т. Карлсон выделяет такие «улучшения», произошедшие в стране за два года президентства Байдена: рост объема продаж марихуаны, открытие новых магазинов. Увеличивают экспрессивность этого высказывания следующие выразительные средства: синонимический повтор (*weed, cannabis*), глагол *explode*, употребленный в переносном смысле (метафора), фразовый глагол *pop up* (внезапно появляться или происходить, часто неожиданно), чтобы подчеркнуть резкий и неожиданный рост этих показателей. Также используется ЛЕ *encourage* для выражения имплицитной критики действий правительства. Стилистический контраст строится на противоречии между ожидаемым (со знаком «+») и реальным (со знаком «-») в соответствии с вариантом № 3 (без соединительных элементов), а само противоречие вводится фразой с усилительным наречием: *It's not exactly* (ирония).

### 2.5.2. Речевой ход «эксплицитное ожидание vs. факт»

(104) *Under normal circumstances, Byrd would have been fired immediately and charged with murder, which he clearly committed, but that's not what happened. After doing essentially no investigation into the shooting, Nancy Pelosi's congressional police force declared Byrd a national hero and the media strongly agreed.* М. Берд – офицер полиции, участвовавший в событиях в США 6 января

2021 года, убивший Эшли Бэббит во время так называемого «штурма» Капитолия. В приведенном примере мы наблюдаем резкое противопоставление между явно обозначенным в тексте общественным ожиданием (стандартные процессуальные действия в случае убийства человека) и реальностью (действия полицейского не повлекли за собой расследования). Посредством Third Conditional происходит реконструкция хода событий прошлого и вводится альтернативный ожидаемый сценарий развития этих событий, условие для которого обозначено фразой *under normal circumstances*. Используя союз *but* (вариант № 1), данное эксплицитное ожидание противопоставляется фактической действительности, а именно тому, что этот офицер был провозглашен «национальным героем». К выразительным средствам, актуализирующим этот речевой ход, также принадлежат средства выражения отрицания (*no, not*), а также слова, обозначающие преступную деятельность (*crime, murder, shooting*), и наречия (*immediately, clearly, essentially, strongly*), влияющие на общее восприятие описываемой ситуации: очевидное несоответствие между произошедшим событием (убийство) и реакцией на него (героизация).

В следующем контексте администрации президента предъявляется обвинение в нарушении закона о свободе информации (Freedom of Information Act), который позволяет полное или частичное обнародование информации и документов правительства США. На этом обвинении и строится РХ «эксплицитное ожидание vs. факт», который реализуется путем демонстрации противопоставления фактов (неправомерные действия) и ожиданий (права граждан). (105) *One of the main problems with the U.S. government is that **there's no way** to know exactly what it's doing because **you're not allowed to know**. More than a **billion** federal documents (a **billion!**) have been declared classified and that means they're **off limits** to you and **all other ordinary American citizens** who don't work for the government. **You're not allowed to see them, despite the fact they belong to you.*** Обманутое ожидание для группы

«свои» (*all other ordinary American citizens*) вводится выражением *the fact they belong to you* с предлогом *despite* (вариант № 2), демонстрирующим, что права граждан на доступ к информации ущемляются. Пассивная конструкция с отрицательной формой глагола *be* и смысловым глаголом *allow*, а также прилагательное *off-limits* выражают семантику запрета. Повторение числительного *billion* о количестве официальных документов создает ощущение безграничного контроля и власти группы «чужие», что вызывает мощный дискредитирующий эффект.

Анализ контекстов, в которых применена тактика обманутого ожидания, демонстрирует, что лексические средства чаще имеют пейоративную семантику, однако встречаются и контексты мелиоративного характера, например, с глаголами *encourage*, *celebrate*, *stimulate*, *enhance*. Используемые средства выразительности весьма разнообразны (например, повторы, метафоры). Стоит отметить, что для обоих речевых ходов тактики обманутого ожидания характерно использование стилистического контраста. Именно стилистический контраст выделяем как языковой маркер для речевых ходов «эксплицитное ожидание vs. факт» и «имплицитное ожидание vs. факт». При этом способ введения контраста (между реальным и ожидаемым) может реализовываться как с помощью соединительных элементов, так и без них.

### **Выводы по второй главе**

Речеповеденческая стратегия дискредитации реализуется пятью речевыми тактиками: обвинения, оскорбления, насмешки, обманутого ожидания и негативного прогнозирования. Доминирующей тактикой является тактика обвинения, второе место занимают тактики обманутого ожидания и негативного прогнозирования, третье – тактики оскорбления и насмешки.

Речевые ходы «эксплицитное ожидание vs. факт», «эксплицитное аргументированное обвинение» и «имплицитная насмешка» являются самыми

частотными. Реже всего актуализируется РХ «прогноз низкой степени вероятности». Комбинированные речевые ходы выявлены для трех дискредитирующих тактик: обвинения, насмешки и негативного прогнозирования.

По количественному составу задействованных речевых ходов выделены три группы: двухкомпонентная, трехкомпонентная и четырехкомпонентная. Первые две представлены двумя подгруппами. Самым частотным является речевой ход «имплицитная насмешка» + «эксплицитная насмешка».

Для реализации всех тактик РПСД на морфологическом уровне используются различные видовременные формы глагола изъявительного наклонения.

Все дискредитирующие тактики реализуются при помощи лексических средств с пейоративной семантикой, включая также сниженные лексические единицы, репрезентирующие тактику оскорбления.

Для объективации всех тактик РПСД задействованы следующие группы средств выразительности: а) средства создания образности; б) средства описания и выделения (умаления) признака; в) фразео-паремиологические средства; г) средства экспрессивного синтаксиса.

Для каждого речевого хода тактик РПСД установлены языковые маркеры: 1) ЛЕ с пейоративной семантикой, с долей «деликта» для РХ «эксплицитное аргументированное обвинение», «эксплицитное неаргументированное обвинение»; 2) ЛЕ с пейоративной семантикой, с долей «деликта» и формы повелительного наклонения – РХ «эксплицитное неаргументированное обвинение»; 3) ЛЕ имплицитной пейоративной оценки – РХ «имплицитное аргументированное обвинение»; 4) ЛЕ имплицитной пейоративной оценки и прием «несобственно-прямая речь» – РХ «имплицитное неаргументированное обвинение»; 5) ЛЕ со средней и слабой степенью инвективности – РХ «имплицитное оскорбление»; 6) выразительные средства с пейоративной семантикой (оскорбительные для объекта дискредитации) –

РХ «эксплицитная насмешка»; 7) ирония для РХ «имплицитная насмешка»; 8) маркеры футуральности и условные придаточные предложения для речевых ходов «прогноз высокой степени вероятности», «прогноз средней степени вероятности», «прогноз низкой степени вероятности»; 9) стилистический контраст для речевых ходов «имплицитное ожидание vs. факт» и «эксплицитное ожидание vs. факт».

## Глава 3. Комбинированные речевые тактики реализации речеповеденческой стратегии дискредитации в политическом ток-шоу

### 3.1. Классификация комбинированных тактик

В ходе анализа эмпирического материала установлено, что случаи реализации РПСД администрации Джо Байдена посредством комбинированных тактик (3 426) значительно превышают случаи применения автономных тактик (1 181). В состав комбинированных тактик входят автономные дискредитирующие тактики, обнаруженные в репертуаре ведущего Т. Карлсона: тактика обвинения, тактика оскорбления, тактика насмешки, тактика негативного прогнозирования и тактика обманутого ожидания.

Реализация комбинированных тактик обеспечивается теми же речевыми ходами (автономными и комбинированными), которые текстуализируются в соответствии с формулами, выведенными для автономных дискредитирующих тактик. Речевые ходы автономных и комбинированных тактик маркируются одним набором выразительных средств. Для удобства восприятия формулы и языковые маркеры сведены в Таблице 4 (более подробно языковые маркеры, выделенные для каждого речевого хода автономных тактик РПСД, представлены в Таблице Б.1 – Языковые маркеры тактик РПСД в Приложении Б).

**Таблица 4 – Структурные и языковые характеристики автономных тактик**

<b>Автономная тактика</b>	<b>Формула</b>	<b>Языковые маркеры</b>
Тактика обвинения	D + NA (+/- A) OD + NA => NC (+/- A) OD – PA (+/- A) OD – PA => NC (+/- A)	ЛЕ с пейоративной семантикой, с долей «деликта», ЛЕ имплицитной пейоративной оценки, формы повелительного наклонения, прием «несобственно-прямая речь».
Тактика оскорбления	OD is I	ЛЕ со средней и слабой степенью инвективности.

Автономная тактика	Формула	Языковые маркеры
Тактика негативного прогнозирования	OD + NA (OD + NA) => N)	Маркеры футуральности: Future Simple, Zero Conditional, First Conditional, Second Conditional, Unreal Past, <i>to be about to</i> , <i>to be bound</i> , <i>to be likely to</i> , <i>to be going to</i> , <i>could</i> , <i>might</i> .
Тактика обманутого ожидания	$D = (E_{\text{positive}} \text{ vs. } F_{\text{negative}}) + OD$ $E_{\text{positive}}$ instead/but $F_{\text{negative}}$ $F_{\text{negative}}$ though/despite $E_{\text{positive}}$ $E_{\text{positive}}/F_{\text{negative}}$	Стилистический контраст.
Тактика насмешки	–	ЛЕ с пейоративной семантикой (воспринимаемые как оскорбительные для ОД), ирония.

В политическом ток-шоу комбинированные тактики демонстрируют широкие возможности для дискредитации: изменяется как количество тактик, так и их состав в пределах одного дискредитирующего сообщения. На основании этого наблюдения обнаруженные в речи ведущего передачи *Tucker Carlson Tonight* комбинированные тактики систематизированы и распределены по группам в зависимости от их количества, а также по подгруппам в зависимости от состава (набора) тактик.

**Классификация комбинированных тактик РПСД** включает четыре (4) группы и девятнадцать (19) подгрупп:

**I. Двухкомпонентная группа** включает 9 подгрупп:

1. Тактика насмешки + тактика негативного прогнозирования;
2. Тактика насмешки + тактика обманутого ожидания;
3. Тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания;
4. Тактика обвинения + тактика насмешки;
5. Тактика обвинения + тактика негативного прогнозирования;
6. Тактика обвинения + тактика обманутого ожидания;
7. Тактика обвинения + тактика оскорбления;
8. Тактика оскорбления + тактика насмешки;
9. Тактика оскорбления + тактика обманутого ожидания.

**II. Трехкомпонентная группа** состоит из 5 подгрупп:

1. Тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика насмешки;
2. Тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика обманутого ожидания;
3. Тактика обвинения + тактика насмешки + тактика негативного прогнозирования;
4. Тактика обвинения + тактика насмешки + тактика обманутого ожидания;
5. Тактика обвинения + тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания;

**III. Четырехкомпонентная группа** представлена 4 подгруппами:

1. Тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика насмешки + тактика негативного прогнозирования;
2. Тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика насмешки + тактика обманутого ожидания;
3. Тактика обвинения + тактика насмешки + тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания;
4. Тактика оскорбления + тактика насмешки + тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания.

**IV. Пятикомпонентная группа** включает 1 подгруппу комбинированных тактик:

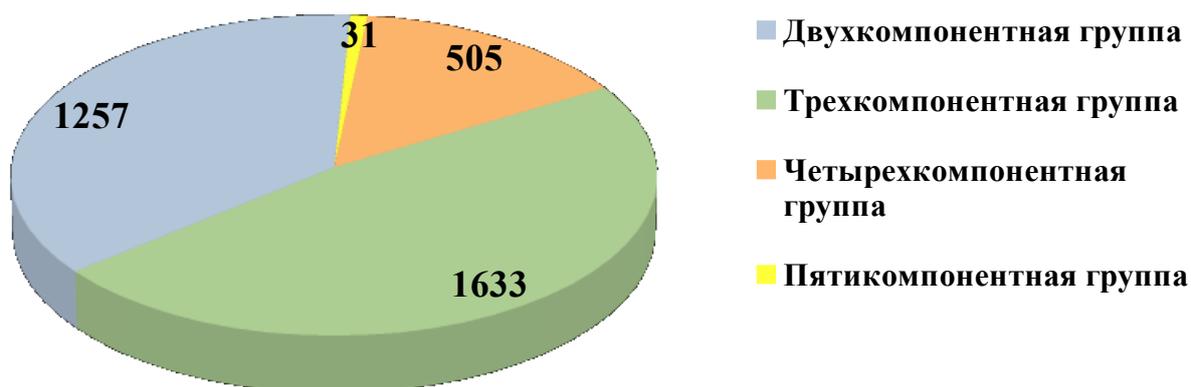
1. Тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика насмешки + тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания.

В Таблице 5 представлен количественный анализ комбинированных тактик, актуализирующих РПСД в речи Т. Карлсона.

**Таблица 5 – Количественный анализ комбинированных тактик РПСД**

<b>Группа комбинированных тактик</b>	<b>Кол-во</b>	<b>%</b>
<b>Двухкомпонентная группа</b>	<b>1 257</b>	<b>36,7</b>
Тактика обвинения + тактика обманутого ожидания	462	13,5
Тактика обвинения + тактика негативного прогнозирования	278	8,1
Тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания	197	5,7
Тактика обвинения + тактика насмешки	105	3,1
Тактика оскорбления + тактика насмешки	72	2,1
Тактика насмешки + тактика обманутого ожидания	48	1,4
Тактика обвинения + тактика оскорбления	41	1,2
Тактика оскорбления + тактика обманутого ожидания	35	1
Тактика насмешки + тактика негативного прогнозирования	19	0,6
<b>Трехкомпонентная группа</b>	<b>1 633</b>	<b>47,7</b>
Тактика обвинения + тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания	603	17,6
Тактика обвинения + тактика насмешки + тактика обманутого ожидания	427	12,5
Тактика обвинения + тактика насмешки + тактика негативного прогнозирования	342	10
Тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика насмешки	185	5,4
Тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика обманутого ожидания	76	2,2
<b>Четырехкомпонентная группа</b>	<b>505</b>	<b>14,7</b>
Тактика обвинения + тактика насмешки + тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания	287	8,4
Тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика насмешки + тактика обманутого ожидания	132	3,9
Тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика насмешки + тактика негативного прогнозирования	63	1,8
Тактика оскорбления + тактика насмешки + тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания	23	0,7
<b>Пятикомпонентная группа</b>	<b>31</b>	<b>0,9</b>
Тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика насмешки + тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания	31	0,9
<b>Итого</b>	<b>3 426</b>	<b>100</b>

Частотность случаев реализации групп комбинированных тактик РПСД с процентным соотношением в исследовательском корпусе отдельно выведена в диаграмме (см. Рисунок 6 – Количественный анализ групп комбинированных тактик РПСД).



*Рисунок 6 – Количественный анализ групп комбинированных тактик РПСД*

Рассмотрим каждую группу комбинированных тактик отдельно, начиная с парного комбинирования и заканчивая максимально возможной комбинацией из пяти дискредитирующих тактик. Порядок рассмотрения подгрупп обусловлен частотностью реализации каждой из них в пределах конкретной группы: от наиболее часто встречающихся случаев к наименее распространенным.

### **3.1.1. Двухкомпонентная группа комбинированных тактик**

Двухкомпонентная группа комбинированных тактик является наиболее репрезентативной по количеству подгрупп (9). Данная группа занимает вторую позицию по числу случаев реализации (1 257), что составляет 36,7 % от общего числа комбинированных тактик.

#### **3.1.1.1. Тактика обвинения + тактика обманутого ожидания**

Такая комбинация дискредитирующих речевых тактик действует как на эмоциональном, так и на рациональном уровне восприятия. Манипулятивное воздействие на сознание массового адресата при использовании тактики обманутого ожидания усиливается на фоне предъявления обвинений объекту

дискредитации, актуализированных выразительными средствами эксплицитной или имплицитной пейоративной оценки.

Контекст (106) направлен на дискредитацию президента Д. Байдена посредством эксплицитных и имплицитных по форме выражения речевых ходов: (106) *There are a lot of ways to pull out of Afghanistan. Biden chose a path that designed to inflict maximum damage to the interests of the United States. He did that. Kind of no debating it, but he is not ashamed of it. He wasn't ashamed of it then. He's not ashamed of it now. Tonight, Biden gave a speech boasting that he's killed an al Qaeda figure in Afghanistan.* РХ «эксплицитное аргументированное ожидание» соответствует формуле (2):  $OD + NA \Rightarrow NC (+ A)$ : объект обвинения назван референтным именем, совершенное действие  $NA$ , выраженное глаголом *do* в Past Simple и метафорой *chose a path*, обретает негативную характеристику посредством определительного придаточного предложения с ЛЕ *damage* с семей «разрушение». Эта часть предложения и есть негативные последствия  $NC$ , а именно ущерб интересам Соединенных Штатов. Безапелляционность обвинительной речи обеспечивается фразой *Kind of no debating it*. РХ «имплицитное ожидание vs. факт», выраженный вариантом № 1  $E_{positive}$  but  $F_{negative}$ , передает идею о том, что глава аппарата Белого дома не признает своей ответственности за вывод войск США из Афганистана. Здесь ситуация  $F_{negative}$  представлена архитектурной анафорой *He wasn't ashamed of it*.

В нижеприведенном контексте Т. Карслон подвергает критике Белый дом в фокусе их отношения к гражданам Соединенных Штатов в связи с митингами января 2021 года. При реализации РХ «эксплицитное ожидание vs. факт» задействован и РХ «эксплицитное аргументированное обвинение». Комбинацию этих ходов представим в виде обобщенной формулы:  $D = (E_{positive} + OD - PA (+ A = instead F_{negative}))$ . Ситуация  $E_{positive}$  отражает основополагающий принцип демократического устройства: лидеры избираются для того, чтобы представлять интересы и желания граждан. Это реализуется

главным образом предикативной конструкцией *to be supposed to* с семантикой долженствования. Далее ведущий приглашает свою аудиторию (*You would think...*) к совместному размышлению о том, что на самом деле произошло в тот день, и предлагает рассмотреть возможные варианты действия властей в условиях демократии. Компонент РА в РХ «эксплицитное аргументированное обвинение» реализован с помощью глагола *think* с нейтральной семантикой и гиперболой (*No one in Washington has thought of this*). Для аргументации этого обвинения используется ситуация  $F_{\text{negative}}$ , введенная наречием *instead*, которая отражает мысль о том, что власти воспринимают проявления недовольства граждан как результат «промывки мозгов» со стороны различных теорий заговора. Повышению прагматической эффективности высказывания способствуют аллюзия *Qanon*, гипербола и ирония. (107) *This is very strange behavior for a democracy. In a democracy, leaders are supposed to rule with the consent of the governed. You would think that might have occurred to some people on Capitol Hill. If we're this afraid of American voters, maybe something's wrong. Maybe we're not doing a very good job. Maybe we ought to shut up for a second and listen to the complaints of the people whose lives we control. Maybe then we wouldn't need razor wire around the Capitol. No one in Washington has thought of this. Instead, they've convinced themselves that the only Americans who have a problem with the way things are currently going must have been brainwashed by Qanon.*

(108) *Permanent Washington suddenly felt more threatened by its own voters, by American voters, than by any foreign adversary. Donald Trump, to them, seemed more dangerous than ISIS. They panicked, and in their panic, our leaders decided to turn the American legal system as well as the American intel agencies and if necessary the U.S. Army, against their political opponents. In doing this, they abandoned the ancient principle of equality under the law and they replaced it with what is effectively a loyalty oath. Opponents of the regime became enemies of the state. That's a huge change and you're seeing the results of that change tonight.*

Тактики обвинения и обманутого ожидания, актуализированные через эксплицитные речевые ходы, привлекают внимание к серьезным изменениям (повтор слова *change*) в политической обстановке США: власти используют государственные структуры (*American legal system, American intel agencies, U.S. Army*) для подавления граждан, в том числе и своих политических оппонентов, что ставит под угрозу фундаментальные демократические ценности. Ведущий использует существительное *regime*, которое обычно применяется для описания авторитарных или тоталитарных правительств, выходящих за рамки демократических норм. Лексические единицы с интегральной семой «опасность» (*threaten, dangerous, adversary, opponents, enemies, panicked, panic*) и политическая аллюзия на ИГИЛ (террористическая организация, известная своими жестокими методами) подчеркивают усиливающуюся поляризацию между властями и гражданами США.

### 3.1.1.2. Тактика обвинения + тактика негативного прогнозирования

Критика объекта дискредитации в совершаемых (формы настоящего времени) и совершенных (формы прошедшего времени) негативных действиях, а также в невыполнении положительных действий в тех же временных ракурсах зачастую сопровождается негативными сценариями (маркеры футуральности).

В следующем примере поводом для критики администрации президента Байдена является не только законопроект по реформированию Верховного суда, но и деятельность Белого дома в целом. (109) *Brazen hypocrisy is starting to bore us. Yes, they're liars with no principles who will say anything for power. Now, in real life, the bill we are talking about may not pass. But the sad thing is, it doesn't matter whether or not it does, because the damage has already been done. People who are paid to care about the country have proven they don't. They'd wreck the place as long as they got to control it.* Дискредитация осуществляется посредством тактик обвинения и негативного прогнозирования, которые чередуются и переплетаются (OD + NA => NC (+ A)). В качестве аргумента для

РХ «эксплицитное аргументированное обвинение» (ЛЕ *hypocrisy, liar*) служит РХ «прогноз высокой степени вероятности» (Future Simple). Во втором случае эксплицитное обвинение (ЛЕ с семой «разрушение» *damage, wreck*) аргументируется прогнозом низкой степени вероятности (Second Conditional). Фраза *Brazen hypocrisy is starting to bore us* способствует эмоциональному нагнетанию и отражает высокую степень разочарования граждан в отношении власти США. В данном случае используется прием интимизации: местоимение *us*, указывающее на принадлежность к группе «свои», способствует развитию идеи, что люди перестали ожидать положительных изменений, искренности и честности со стороны властей, поскольку лицемерие и ложь стали нормой и обыденностью.

Карлсон вновь обвиняет администрацию президента во лжи, обращаясь к теме «Северного потока»:

(110) *TUCKER CARLSON: Is it possible that the more ludicrous the lie they tell you, the fewer questions they can tolerate about it, the less dissent they can put up with because they fear the whole edifice might crumble if they allow one person to ask one reasonable question. It's possible that's what's happening. Remember when Joe Biden told us about Nord Stream? He's going to blow it up. Do you remember that? You're not allowed to remember it, but we remember it. And we saved the tape.*

*PRESIDENT JOE BIDEN: If Russia invades, that means tanks or troops crossing the border of Ukraine, again, then there will be no longer a Nord Stream tube.* Средствами привлечения внимания зрителей к обсуждаемой теме выступают гипофора, анафора (*it is possible*) и троекратный повтор глагола *remember*. Первое озвученное обвинение в адрес Белого дома во лжи и абсурдности его заявлений, имплицитное по своей форме предъявления (РХ «имплицитное аргументированное обвинение»), актуализируется сравнительным оборотом *the more ... the less/the fewer*, синонимичными парами (*tolerate, put up with*), ЛЕ *lie* с семой «деликт», а также метафорой *the whole*

*edifice might crumble*. РХ «прогноз средней степени вероятности», выраженный конструкцией *to be going to* в сочетании с фразовым глаголом *blow up* с семантикой «разрушение», и приведенная цитата слов президента позволяют обосновать обвинительную речь ведущего. Пассивная конструкция *You're not allowed* с семой «запрет» в сочетании с инфинитивом *to remember* и обстоятельственное придаточное предложение условия *if they allow one person to ask one reasonable question* составляют РХ «имплицитное неаргументированное обвинение», суть которого заключается в намеке на нарушение властями Американской Конвенции о правах человека, согласно которой «каждый человек имеет право на свободу мысли и выражения» [Американская Конвенция о Правах Человека: Электронный ресурс].

### 3.1.1.3. Тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания

Распространенным поводом для дискредитации властей становятся кардинальные социальные, политические изменения и вопросы безопасности в городах Америки, которые не соответствуют ожиданиям граждан о траектории развития страны. А прогнозы с разной степенью вероятности наступления негативных событий и последствий подчеркивают это несоответствие. Чем выше степень вероятности наступления моделируемых прогнозов, тем выше и степень эмоционального нагнетания (диапазон языковых маркеров от *Zero Conditional* и *Future Simple* до *Unreal Past*).

(111) ***Once we acknowledge something as normal, whether it's children being castrated in the name of trans rights or women being murdered by rapists who should have been in prison but weren't because equity, once we accept that as normal, we are stuck with it forever. It will never change except to get worse.*** Приведенный фрагмент представляет собой яркий пример одновременной реализации двух дискредитирующих тактик: негативного прогнозирования и обманутого ожидания, актуализированных речевыми ходами «прогноз средней

степени вероятности», «прогноз высокой степени вероятности» и «эксплицитное ожидание vs. факт», при этом последние два хода накладываются друг на друга. Речевой ход «прогноз высокой степени вероятности», маркированный как Zero Conditional, указывает на прямую связь между принятием таких вопиющих случаев, как убийства женщин или изменение пола несовершеннолетним в качестве некой нормы, и неизбежным последствием – ухудшением этой ситуации. Посредством Future Simple реализован речевой ход «прогноз средней степени вероятности», где прилагательное в сравнительной степени *worse* усиливает пейорацию. Апелляция к чувству страха населения по поводу их благополучного настоящего и безопасного будущего осуществляется такими ЛЕ, как *murder, castrate, rapist*. Эмоциональному нагнетанию способствуют и анафора в сочетании с эпифорой (*once, as normal*) и гиперболизация озвучиваемых прогнозов с помощью наречий *never, forever*. Модальный глагол *should* с перфектной формой инфинитива расценивается как эксплицитное ожидание от властных структур того, что люди, совершившие преступления, должны быть приговорены к тюремному заключению (*should have been in prison*), что не соответствует действительности (вариант № 1: E<sub>positive</sub> but F<sub>negative</sub>). Таким образом, Т. Карлсон критикует администрацию Байдена за активное продвижение концепции «равенства», которая становится инструментом манипулятивного воздействия на массы, а также для оправдания правонарушений.

(112) *So if you actually cared about making the country safer and keeping people from getting murdered, you would target handguns in big cities. That's where the murders are. That's where the violence is. But the Biden administration is doing the opposite of this, the mirror image of this. The Biden administration is letting big city criminals go. People who use guns for violence are walking out of jail. And instead, the Biden administration is using the full force of government to disarm peaceful voters in zip codes that voted for Donald Trump.* Эксплицитное

ожидание актуализируется прогнозом низкой степени вероятности, то есть как гипотетическая, нереальная ситуация (Second Conditional), в которой власти принимают меры для обеспечения безопасности. Эти ожидания контрастируют с фактической опасной ситуацией ( $F_{negative}$ ), выраженной с помощью и наречия *instead*, и союза *but*. Источником повышения выразительности обнаружена анафора *That's where*. Такая комбинация дискредитирующих тактик используется не только для критики и демонстрации недовольства действиями администрации Байдена, но и для того, чтобы вызвать эмоциональную реакцию у аудитории, манипулируя ее ожиданиями и страхами, связанными с собственной безопасностью (ЛЕ с семой «преступление» *murder, handguns, guns, jail, violence, force*).

#### 3.1.1.4. Тактика обвинения + тактика насмешки

Аргументативная часть предъявляемых обвинений весьма часто содержит либо ироничные, либо саркастические оценки, либо лексемы с пейоративной семантикой, которые всегда оскорбительны и уничижительны для дискредитируемого лица.

(113) *2020 was the year you will remember when we learned that White people are bad and systemic racism is responsible for everything that has gone wrong in the world. And yet, 2020 was also the year the Democrats nominated an elderly White man from a slave state who'd once eulogized a **Klan** recruiter. So the anti-White party picked the White guy.* Корреляция тактик обвинения (РХ «эксплицитное аргументированное обвинение») и насмешки (РХ «имплицитная насмешка» и РХ «эксплицитная насмешка») служит для экспликации явных противоречий в политической риторике и действиях Демократической партии. С помощью ряда выразительных средств автор стремится усилить дискредитирующий эффект, подчеркивая отрицательные качества и действия описываемых лиц. Здесь гипербола *racism is responsible for everything that has gone wrong in the world* является одним из средств создания

комического эффекта и подчеркивает абсурдность проводимой администрацией президента Байдена, а также всей Демократической партией, антирасистской политики. Аллюзия на Ку-клукс-клан, организацию с экстремистской идеологией, включая расизм и антисемитизм, дополнительно акцентирует внимание на противоречиях, связанных с кандидатом от демократов. Эмоциональность всего дискредитирующего высказывания усиливается многократным повторением эпитета *white* и ЛЕ *elderly* (РХ «эксплицитная насмешка») применительно к Джо Байдену, а также риторическим вопросом.

Заголовок передачи от 9 марта 2023 года гласит: “*We knew there was a reason leaders hid the January 6 tapes*”. Первым способом разоблачения властей относительно событий 6 января 2021 года служат речевые ходы: «имплицитное аргументированное обвинение», «имплицитная насмешка», имплицитность которых детерминируется тем, что рассуждение ведется в отвлеченной от объектов критики форме. Такер Карлсон начинает с развернутого описания двух групп людей: «*honest*» и «*liars*», поляризация между которыми осуществляется с помощью слов, имеющих оценочную семантику, мелиоративную для первой группы и пейоративную для второй. Так, группе «*honest*» приписываются исключительно положительные характеристики и типичные поведенческие сценарии, такие как *tell the truth, calm, admit mistakes*, тогда как группе «*liars*» придаются исключительно отрицательные черты и модели поведения, такие как *false, hysteria, hide, fragile, weak, wave hands around*. По мнению ведущего, такой «портрет» позволят выявить обман. В данном отрывке, содержащем большое количество средств повтора и контраста, преобладают однотипные синтаксические построения, включая простые и сложносочиненные предложения. (114) *One of the hallmarks of people who are telling the truth, in case you were wondering how to tell the difference, is that people who are telling the truth are calm. You don't wave their hands around and make wild accusations. They don't need to do that. It's enough to say what they know and if honest people turn out to be wrong about something they have claimed,*

*they'll admit it. They don't double down on false. They made a mistake and that's okay. Liars behave differently. Liars are touchy, sometimes to the point of hysteria. They're hiding something. That's the whole point of lying and they're worried you're going to find out what it is. Liars are fragile because over time, lying makes you weak and afraid and has the same effect on countries by the way. We're living through one of those clarifying moments. Actually, we're thankful for it, where we're learning **exactly who the liars are.** Рассмотренный абзац выступает в качестве своеобразного пролога для РХ «эксплицитное аргументированное обвинение», который реализуется в соответствии с формулой OD + NA (+ A), где компонент NA – это лексемы *untrue, lie, to lie*, а A – слово *prove*, указывающее на видеозапись событий 6 января. *On Monday, we showed you unreleased videotape from January 6. It **proved**, that tape **proved**, that three of **the most important claims our leaders have made about that day were untrue.** Their claims were **lies.** We were not shocked to discover that. **They were lying to us obviously.** That's why you **hide things.****

### 3.1.1.5. Тактика оскорбления + тактика насмешки

Комбинация тактик оскорбления и насмешки является мощным инструментом для унижения объекта дискредитации, выставляя его в непривлекательном свете для зрителей. Это достигается за счет использования грубых, уничижительных слов, а также высказываний с пейоративной семантикой, содержащих элементы иронии и сарказма.

(115) *FETTERMAN: I hope that it could lead to a conversation that would free close to 1,200 people of a legacy that never makes sense that encompasses victims' input, encompasses their conduct and behavior in prison and it takes a look at the resources that are wasted on them.*

*TUCKER CARLSON: **Even Joe Biden wouldn't say that. It's too stupid.** So, it's hard to avoid the conclusion in the Democratic Party, **at least at the leadership level, they're getting dumber and dumber.*** Комментируя заявление

Д. Феттэрмана, Такер высмеивает и оскорбляет президента США. РХ «имплицитная насмешка» осуществляется путем сравнения Байдена с Феттэрманом: сочетание *would* с инфинитивом *say* передает значение повторяемости действий в прошлом, эмфатическое наречие *even* и ЛЕ *stupid*, выражающая пейоративную оценку. Такая аналогия индуцирует идею о том, что и выступления президента чаще оказываются провальными, а в его заявлениях отсутствуют логика и здравый смысл. Крайне негативное отношение к политику и оценка его интеллектуальных способностей выражается также путем внедрения ЛЕ средней степени инвективности *dumb* с пометой «*offensive*» в сравнительной степени и ее повтором (РХ «имплицитное оскорбление»).

В примере (116) объектом дискредитации является Алехандро Майоркас, занимающий пост министра Министерства внутренней безопасности США. (116) *What a dirtball that guy is. "I can't share my recommendation, but here was my recommendation."* РХ «имплицитное оскорбление» актуализируется согласно OD is I. Инвектива представлена двумя существительными, характеризующимися средней степенью инвективности: *dirtball u guy (slang; derogatory, informal)*, экспрессивное значение которых усиливается при употреблении в эмфатической конструкции. Тактика насмешки, представленная РХ «имплицитная насмешка», воплощена в тексте посредством имитации слов А. Майоркаса (передразнивание).

### 3.1.1.6. Тактика насмешки + тактика обманутого ожидания

При таком парном комбинировании характерна последовательная реализация тактик. Однако, имплицитные и эксплицитные речевые ходы тактики насмешки обнаруживаются как в ситуациях E<sub>positive</sub>, так и в F<sub>negative</sub>.

(117) *Joe Biden showed up at a construction site in Illinois last Thursday to explain what a **terrific job** he's been doing. **Actually, Joe Biden is a great president. He's totally aware of what's happening. He's completely on top of things. Joe Biden***

*is awesome. And to prove it. Biden talked at length about the COVID vaccine. His greatest achievement, he said. Now, strangely, Biden didn't say a lot about the vaccine itself. Instead, Biden spent virtually his entire speech attacking any American who hasn't yet gotten the shot. As you watch it, ask yourself, has any president in our history ever talked about millions of American citizens like this?* В контексте (117) способом выражения критики в адрес Байдена становится ирония, которая реализована через эпитеты *great* и *awesome*, фразы *terrific job*, синонимический повтор наречий со значением высшей степени интенсивности – *totally* и *completely*, а также анафору (РХ «имплицитная насмешка»). Тактика обманутого ожидания актуализируется РХ «имплицитное ожидание vs. факт», который основан на обвинении президента Байдена в агрессивной риторике в отношении американцев, не привившихся от COVID-19, и умолчании, а даже сокрытии подробной информации о вакцине и последствиях ее применения. Контрастирующие ситуации «имплицитное ожидание» и «факт» разделены наречием *instead*. В качестве дополнительного элемента через риторический вопрос вводится новое имплицитное ожидание, которое выражает мысль о том, что такой авторитарный стиль общения президента со своими гражданами не является нормой.

(118) *At Friday's White House press briefing, one reporter asked an interesting question: Why is Joe Biden on television demanding a boycott of an American state while not demanding a boycott of China? After all, the Biden administration just declared that China was committing genocide against ethnic minorities. Joe Biden's grumpy little flack wasn't happy about that question.* Такер Карлсон критикует администрацию президента, подчеркивая неадекватность требований бойкота определенных штатов в контексте серьезных обвинений против Китая, что осуществляется посредством РХ «эксплицитное ожидание vs. факт» (формула  $F_{\text{negative}} \text{ while } E_{\text{positive}}$ ), который принимает форму риторического вопроса. Презрительное отношение ведущего по отношению к пресс-секретарю

Джен Псаки, находит отражение в его выборе слов, таких как эпитеты *grumpy* и *little* (РХ «эксплицитная насмешка»).

### 3.1.1.7. Тактика обвинения + тактика оскорбления

Комбинация данных дискредитирующих речевых тактик не имеет фиксированной последовательности текстового развертывания: РХ «имплицитное оскорбление» может предшествовать речевым ходам тактики обвинения, либо реализовываться внутри них, либо разворачиваться после них.

(119) *Millions of American schoolchildren have not been educated for a year because the CDC turned century-old German theories about tuberculosis into a kind of modern, state-enforced religious faith. It's enough to make you feel sick. Yes, **our authorities are just that mediocre.*** В данном контексте Такер Карлсон выражает глубокое недовольство действиями властей в отношении ответных мер на COVID-19 в сфере образования. Тактика обвинения актуализируется посредством РХ «имплицитное аргументированное обвинение», аргументом которого является утверждение ведущего о том, что власти использовали устаревшие методы борьбы с пандемией. Фраза *It's enough to make you feel sick* подчеркивает крайнюю степень возмущения и фиксирует внимание аудитории на сообщаемой информации. РХ «имплицитное оскорбление» соответствует формуле OD is I, где OD – это администрация президента (*our authorities*), а I – ЛЕ средней степени инвективности *mediocre*, которая маркируется в словарях стилистической пометой «*disapproval*». Использование наречия *just* и слова *yes* в начале предложения создает эффект очевидности и предопределяет восприятие аудиторией этого как непреложный факт.

(120) *DR. ANTHONY FAUCI: I join my fellow representatives in thanking the World Health Organization for its role in leading the global public health response to this pandemic. And as such, I am honored to announce that the United States will remain a member of the World Health Organization.*

*TUCKER CARLSON: What a malignant buffoon he is! So you are still waiting for your stimulus check. The W.H.O.'s not waiting for the money, they're*

getting it. But it's not just W.H.O. According to «The Daily Caller», the lab in Wuhan where this pandemic likely started, the Wuhan Institute of Virology, will continue to receive American taxpayer funding for the next several years. It is hard to believe that is real. It is. **Tony Fauci himself has supported research at that lab.** It is enough to blow your mind. Цель комментария – оскорбление, резкое осуждение и обвинение Э. Фаучи. Доктор Энтони Фаучи обвиняется в таком немислимом действии (метафора *blow your mind*), как финансирование и поддержка исследований в лаборатории в Ухане, которая предположительно и является источником пандемии COVID-19. Обе тактики актуализированы имплицитными речевыми ходами. Имплицитное оскорбление наносится при помощи лексемы средней степени инвективности *buffoon* с образным эпитетом *malignant* в эмфатической конструкции. Поскольку речевой ход тактики обвинения содержит ЛЕ с нейтральной семантикой, не обозначающей «деликт», а пейорация извлекается из окружающего контекста и аргументативной части (слов самого Фаучи), он является имплицитным аргументированным обвинением.

### 3.1.1.8. Тактика оскорбления + тактика обманутого ожидания

Сочетание тактик представим в виде обобщенной формулы:

$$D = (E_{\text{positive}} \text{ vs. } F_{\text{negative}} + OD \text{ is } I), \quad (9)$$

в которой лексические единицы средней и слабой степени инвективности всегда задействованы при актуализации негативной, неблагоприятной ситуации, соответствующей действительности.

(121) *Wouldn't a **functional** society elevate people to positions of leadership who are **the wisest, the smartest, the sanest, who have the greatest degree of foresight and emotional self-control?** Yes, it would. **They would not intentionally put people in positions of authority who were *incompetent*. They would not allow John Fetterman to write railroad safety legislation from his bed in the psych ward. That is *insane*.*** Представленный дискредитирующий фрагмент основан на

тактике обманутого ожидания, которая выстраивается по варианту № 3, когда контрастирующие ситуации объединены бессоюзно: E<sub>positive</sub>/F<sub>negative</sub>. Ситуация «негативный факт», представлена как нереальная и воображаемая с помощью глагола *would*, в том числе и в анафорическом употреблении. Здесь же задействованы ЛЕ средней степени инвективности: *insane, incompetent (disapproval)*, свидетельствующие о реализации речевого хода «имплицитное оскорбление». РХ «эксплицитное ожидание vs. факт» строится на контрасте представления об «идеальном» представителе власти и наглядном примере неспособности Д. Фаттемана выполнять свои служебные обязанности. Средством выразительности, вводящим такое несоответствие, является антитеза (антонимичная пара *sanest/insane*). Структурно контекст состоит из одного риторического вопроса, который выражает четкое ожидание, что во властных структурах должны находиться люди, обладающие конкретными характеристиками, и четырех предложений, содержащих ответ на него (гипофора). Такое построение служит инструментом для стимулирования аудитории к осмысленному анализу текущей ситуации не только в конкретном контексте, но и в более широком масштабе, вызывая сомнения в адекватности и рациональности назначения должностных лиц на ключевые посты в государственных структурах США и подрывая тем самым доверие к администрации правящего президента.

### **3.1.1.9. Тактика насмешки + тактика негативного прогнозирования**

При моделировании любого из возможных вариантов негативных прогнозов, привлечение легких насмешек, язвительных высказываний, элементов ехидства и сарказма Такер Карлсон помимо стремления развлечь своего зрителя, преследует и основную цель – возложить ответственность на объект дискредитации в свете описываемых прогнозов (реальных и гипотетических).

(122) *The one thing Karine Jean-Pierre can say with dead certainty is that Joe Biden is great. Joe Biden is energetic. He's fully in charge of his faculties. He's planning on running again in 2024, by which time all of suburban Chicago will have moved to Haiti in search of a higher standard of living.* В первом предложении имплицитная насмешка адресована, прежде всего, пресс-секретарю Белого дома Карин Жан-Пьер, и она выражена при помощи гиперболы в сочетании с метафорой (*the one thing Karine Jean-Pierre can say with dead certainty*). Объектом осмеяния становится и президент Байден, которого Жан-Пьер описывает с чрезмерным восторгом (*great, energetic, fully in charge of his faculties*), что создает ироничный контраст с реальной ситуацией и восприятием президента Байдена жителями страны. Далее ведущий моделирует такой нереальный и даже абсурдный сценарий для жителей пригородных районов города Чикаго – переезд в одну из беднейших стран Латинской Америки. Однако используемые Карлсоном Future Perfect и временной маркер *by which time* указывают на интенцию вызвать у аудитории ощущение неизбежности и убедить в серьезности текущей ситуации, что и указывает на РХ «прогноз высокой степени вероятности». Причины и условия такого события завуалированы во фразе *he's planning on running again*, а виновник последствий этих событий прямо обозначен в речи – это глава государства Джо Байден.

### **3.1.2. Трехкомпонентная группа комбинированных тактик**

Как следует из Таблицы 5, трехкомпонентная группа занимает второе место по количеству подгрупп комбинированных тактик (5) и первое место по количеству случаев реализации (1 633 случая, что составляет 47,7 %). В эту группу входят пять вышеупомянутых комбинаций из двухкомпонентной группы с одним добавочным элементом – автономной тактикой.

### 3.1.2.1. Тактика обвинения + тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания

(123) *It's hard not to conclude that because **no single American president could eliminate this many core civil liberties all by himself in a year and a half. Permanent Washington can raid the home of a former president. And then round up his personal attorneys and then steal their privileged communications. That's never been allowed. It is now. No single president did that. No single president could turn trespassing any public building into a felony and then arrest hundreds of people for it and send to solitary confinement in the DC jail. No single president could do that. No single president could redefine an entire opposition party as Nazis and then proceed as if that were perfectly normal. That couldn't happen. No president could do that.*** Этот фрагмент демонстрирует один из распространенных способов подрыва репутации Белого дома с помощью тактики обвинения, комбинированной с тактиками негативного прогнозирования и обманутого ожидания. По сути «стержнем» всего дискредитирующего контекста является РХ «имплицитное аргументированное обвинение», актуализированный ЛЕ *felony, jail, confinement, steal, raid, trespass, arrest* с семантическим компонентом «нарушение закона», метафорой *eliminate civil liberties* и исторической аллюзией *Nazis*. Администрация Байдена косвенно обвиняется в применении «антидемократических» полномочий в борьбе против своих политических оппонентов. В качестве аргументированной критики таких действий привлекается РХ «эксплицитное ожидание vs. факт», где с помощью модального глагола *can* ситуация  $F_{negative}$ , интерпретируемая Т. Карлсоном как теоретически возможная (РХ «прогноз средней степени вероятности»), а  $E_{positive}$  выражается посредством отрицания ранее невозможных и неприемлемых действий со стороны властей. Крайняя степень возмущения выражается архитектурной анафорой *no single president could*. Контраст между ожидаемым и реальным выражен бессоюзно при помощи фразы *It is now*.

(124) *The people in charge unleash **chaos** in our cities, but if you dare to protect yourself or your family from that **chaos**, you wind up in **handcuffs**. What is this? Well, the name of this system of governance is anarcho-tyranny.* В приведенном примере Такер Карлсон возлагает ответственность за нарушение общественного порядка и рост преступности в городах Америки на администрацию действующего президента, обозначая ее как *people in charge*, что является одним из способов обозначения администрации Байдена в речи ведущего. РХ «эксплицитное неагрументированное обвинение» разворачивается по формуле  $OD + NA \Rightarrow NC (-A)$ , где элементы NA и NC выражены одной ЛЕ *chaos* с семой «разрушение». Далее реализуется тактика негативного прогнозирования: степень вероятности наступления таких последствий, как преследование со стороны властей за попытку защититься в случае необходимости, оценивается Т. Карлсоном как очень высокая (Zero Conditional – РХ «прогноз высокой степени вероятности»). Такое фактическое положение дел в современной Америке журналист определяет как *anarcho-tyranny*, что кардинальным образом отличается от ожиданий граждан, а именно свободного демократического общества, где соблюдаются права человека и даются гарантии безопасности (РХ «имплицитное ожидание»). ЛЕ *handcuffs, chaos* и модальный глагол *dare* акцентируют внимание на существующих рисках и угрозах.

(125) *Biden has, since the day he took office, **politicized and weakened the United States military** systematically to the **point we are not going to win a war against China**. Firing Navy SEALs because **they won't get the vaccine**, the healthiest people in the world and **thee're fired because they won't get the vaccine** and then just to make totally clear what the **point** is and the **point**, of course, is **humiliation and degradation, the destruction** of centuries old military traditions, let's have drag shows at military bases, which they are now doing.* В данном примере Т. Карлсон использует дискредитирующие тактики негативного прогнозирования, обманутого ожидания и насмешки для аргументации своих

обвинений в адрес президента США касательно проводимой политики в отношении вооруженных сил США. Первый речевой ход представляет собой «эксплицитное аргументированное обвинение», содержание которого структурировано согласно формуле: OD + NA => NC (+ A), где NA – глаголы *politicize* и *weaken*, которые представляют собой действия, недопустимые и безусловно порицаемые в правовом государстве. Негативные последствия этих действий выступают одновременно и как аргумент для озвученного обвинения, и как негативный прогноз средней степени вероятности (конструкция *to be going to*), согласно которому действия администрации приведут к ослаблению военной мощи страны и неспособности противостоять угрозам, исходящим от других государств, например, от Китая. Высказывания об увольнении военнослужащих, отказавшихся от прививки, и о разрушении старых военных традиций США (ЛЕ с семой «разрушение» *humiliation, degradation, destruction*), а также ироничный призыв, выраженный формой повелительного наклонения *let's*, пригласить дрег-артистов на военные базы, становятся содержательной основой РХ «имплицитное ожидание vs. факт». Целям акцентирования эмоциональной напряженности служат множественные повторы как отдельных слов, например, *point*, так и целых фраз, таких как *they won't get the vaccine*.

Контекст (126) направлен на критику президента и Ллойда Остина, первого чернокожего министра обороны США в связи с его назначением, что расценивается ведущим как символический жест, который может иметь негативные последствия для страны. (126) *Joe Biden has put a man called Lloyd Austin in charge of the Pentagon. Biden **plucked** Austin from the cynical world of private equity, **but you're not supposed to notice that. You're supposed to notice only that Lloyd Austin is Black.** The real headline, **however**, is that Lloyd Austin is the second defense secretary in a row to have been on the payroll of Raytheon, the massive defense contractor. If you saw something like this happen in a Central American country, you would call it **corruption**, and you would be right. **For centuries**, our military has been self-consciously non-partisan. **In a democracy**, it*

*has to be that way. No country can survive if its armed forces become the tool of a specific political party. We know that because it happens all the time, all over the world, and the consequences are always horrifying. It has never happened here. However, Lloyd Austin is openly political. In his first days on the job, Austin made the entire armed services submit to a kind of political purity test. Anyone with views that he found "extreme" had to leave.* Лексемы с пейоративной семантикой: *pluck, cynical, corruption, horrifying* воплощают РХ «эксплицитное аргументированное обвинение» на лексическом уровне. На уровне синтаксиса обнаруживаются условные предложения первого и второго типа, актуализирующие негативные прогнозы средней и низкой степени вероятности, которые, что в свою очередь, способствуют поддержанию объективности предъявляемых обвинений. Этой же цели подчинена и тактика обманутого ожидания, реализованная РХ «эксплицитное ожидание vs. факт» (вариант № 1  $E_{\text{positive}}$  however  $F_{\text{negative}}$ ). Ситуация  $E_{\text{positive}}$  отражает многовековую традицию, согласно которой военные должны оставаться непартийными для обеспечения стабильности американской демократии. При реализации этого речевого хода задействованы выразительные средства: инверсия (постановка частицы отрицательного значения *no* в начале предложения) и гипербола (преувеличение частотности описываемых событий посредством наречий *always, never*). Поводом для обвинения новому министру обороны служит его предвзятое отношение к сотрудникам министерства, основанное на таком критерии, как «экстремальность политических взглядов». РХ «эксплицитное аргументированное обвинение» вербализуется при помощи модальной конструкции *have to* с глаголом *make* с общим семантическим компонентом «действие против воли и желания», гиперболы, реализованной посредством неопределенного местоимения *anyone*, и метафоры *political purity test*, которая используется для описания проверки политических взглядов.

### 3.1.2.2. Тактика обвинения + тактика насмешки + тактика обманутого ожидания

(127) *Now, we're not alleging a conspiracy here, but we did notice that the four biggest banks, Wells Fargo, Bank of America, JPMorgan Chase, are doing well. And we also noticed the White House appears to be trying to induce runs on regional banks? They seem to be trying to take away your confidence in those banks. Here's Karine Jean-Pierre, the White House press secretary, not someone ever accused of having an original thought, but she's a vessel for the plans of others. Now, she doesn't say a word about the fundamentals of the market or the security of your money in banks. Instead, she talks about the one thing that matters to her, which is the racial identity of the people in charge of our finance system.* В дискредитирующем Белый дом контексте, который структурирован гипофорой, актуализируются тактики обвинения, насмешки и обманутого ожидания, каждая из которых воплощена разными речевыми ходами. РХ «эксплицитное неаргументированное обвинение» основан на идее о том, что администрация Д. Байдена стремится к снижению уровня доверия населения к региональным банкам, что отражено в метафоре *take away your confidence*. На синтаксическом уровне этот речевой ход выражен сложным подлежащим (Complex Subject) в сочетании с глаголами *seem* и *appear*. На лексическом уровне зафиксированы глаголы *try* с семой «усилие» и *induce* с семой «воздействие». По сути, весь следующий нарратив является ироническим, а мишенью насмешек Т. Карслона становится Карин Жан-Пьер, занимающая должность пресс-секретаря Белого дома с мая 2022 года. Средствами выразительности, актуализирующими тактику насмешки и выражающими крайне пейоративную оценку, служат: комбинация из иронии и гиперболы (*ever accused of having an original thought*), метафора (*she's a vessel for the plans of others*) и контраст (*not..., but*). ИмPLICITное ожидание, выраженное гиперболой (*she doesn't say a word*), вступает в противоречие (наречие *instead*) с реальной ситуацией, которая также содержит гиперболу (*she talks about the one thing*). Тактика обманутого

ожидания базируется на обвинении администрации в игнорировании критически важных вопросов, касающихся финансовой стабильности и безопасности граждан.

Далее объектом критики и насмешек становятся и президент Байден, и все члены его администрации (*his staff*). В примере (128) ирония, являясь средством негативной оценки президента, достигает наибольшей концентрации и образной силы в сочетании с окказиональным сравнением *like certain species of marsupials* (РХ «имплицитная насмешка»), гиперболой *one big thing* после модального выражения *to be to*, ЛЕ *embarrassing* (РХ «эксплицитная насмешка»), аллюзией на Холокост (РХ «имплицитное аргументированное обвинение»), а также фразами *shakes hands with thin air* и *can't do that*, подчеркивающими осуждение ведущим неадекватного поведения президента. Сотрудники аппарата президента также подвергаются критической оценке посредством фразы, в основе которой лежит зооморфная метафора *they don't want to be relegated to lame duck status*, а также двоекратного повтора фразы *no matter*, указывающей на несоответствие действий и заявлений администрации президента истинному положению дел, а именно на отсутствие реальной поддержки кандидатуры Байдена со стороны его сторонников (РХ «имплицитное ожидание vs. факт»). (128) *Like certain species of marsupials, Joe Biden's task was to do one big thing. In his case, change the country forever and then disappear. We've reached the disappearing part right about now. Democrats would like Joe Biden gone soon. He's no longer useful to them. He's just embarrassing. He shakes hands with thin air. He compliments the Holocaust on state trips to Israel. Can't do that. So, not surprisingly, almost 70 % of Democratic voters don't want Joe Biden to run again. So, you can be certain that he won't. No matter what his staff is claiming now, they don't want to be relegated to lame duck status, so they're pretending otherwise, but no matter what they say, you will never hear another word from Joe Biden after January of 2025, assuming he makes it that long.* Средством «включения» зрителей в ход авторских рассуждений служит

наречие *so*, а увеличению экспрессии способствуют отрицательная частица *no* и личное местоимение *he* в анафорическом употреблении.

### 3.1.2.3. Тактика обвинения + тактика насмешки + тактика негативного прогнозирования

(129) *We're not sure how Joe Biden calculated that we can afford to take in another two million people, but then, he's not really a numbers guy. Joe Biden is all heart, closer to a religious leader than an accountant. That's why, in his first address from the Oval Office, he unveiled a bust of Cesar Chavez, the famed left-wing labor leader who led the grape-pickers' union in California in the 60s and 70s. No one in Central America believes Joe Biden really has any idea who Cesar Chavez was. All they know is that amnesty has been announced. So, of course, they're coming. Why wouldn't they?* В первом предложении выражается явное недоверие к решениям администрации по иммиграционной политике и сомнение в аналитических способностях президента Джо Байдена. Аргументом для такой критики (РХ «имплицитное аргументированное обвинение») выступают и статистические данные (*two million people*), и ироничное сравнение с религиозным лидером, основанное на противопоставлении (РХ «имплицитная насмешка»). Дальнейшие рассуждения касаются темы чрезмерного почтения к Сесару Чавесу, американскому правозащитнику и борцу за социальные права трудящихся и мигрантов. Посредством этой аллюзии в сочетании с гиперболой актуализируется эксплицитная насмешка: *Joe Biden really has any idea who Cesar Chavez was*, то есть сам президент Байден не осознает значимость такого жеста. Риторический вопрос *Why wouldn't they?* выражает имплицитное утверждение о массовой нелегальной миграции жителей Центральной Америки в США, что Такер расценивает как негативный прогноз для своей страны и сограждан (РХ «прогноз низкой степени вероятности» выражен Second Conditional).

(130) *You think you've got a tough job? Imagine being Joe Biden's handlers. You spend all day trying to keep the guy away from hot mics. That's not easy. Biden feels about microphones the way golden retrievers feel about casseroles. Leave one on a low table and he pounces on it and that's not good for anyone. Biden could declare war on Russia or tell Israeli officials to keep alive the honor of the Holocaust, both of which, by the way, he's actually done.* Дискредитирующий контекст начинается с ироничного вопроса, адресованного зрителю, реакция на который осуществляется самим ведущим (гипофора). Ответная часть гипофоры, состоящая из пяти предложений, содержит как эксплицитное неаргументированное обвинение, так и эксплицитную и имплицитную насмешку, а также негативный прогноз низкой степени вероятности. Перечисленные способы дискредитации соответствуют одноименным речевым ходам. Такер высмеивает президента США, проводя аналогию между его манерой публичных выступлений и поведением собак с помощью ЛЕ: *handler*, *retriever* и *pounce*. Каждая из данных ЛЕ обладает интегральной семой «животное» (РХ «эксплицитная насмешка»), что создает иронический эффект. Выразительность иронии повышается в сочетании с анафорами *That's not easy ... that's not good*, указывая на неадекватное поведение президента во время пресс-конференций. В качестве примера таких прецедентов ведущий рассматривает возможные действия Джо Байдена, которые могут привести к серьезным международным последствиям. Наличие ЛЕ *war*, аллюзии на *Holocaust* и модального глагола *could* указывает на реализацию негативного прогноза, характеризующегося низкой степенью вероятности. Однако, с помощью наречия *actually* и глагола *do* в Present Perfect автор утверждает, что эти действия уже совершены президентом США (РХ «эксплицитное неаргументированное обвинение»).

### 3.1.2.4. Тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика насмешки

(131) *Following this? Wheels are officially coming off, but **woah** what sleazeballs these guys are! “We told Joe Biden to keep 2,500 troops in the country. We demanded it. On the other hand, because we are bound by the ancient and sacred rules of confidentiality, we can’t tell you what we told the president because that would be wrong”. **These people so thoroughly deserve each other.** It is wonderful to see them **rat each other out**, which is exactly what they proceeded to do for the entirety of the hearing. Gen. McKenzie explained that, despite the fact he personally oversaw the disaster in Afghanistan, he really had nothing to do with it. **It was all demented grandpa, pulling the strings from the White House.*** Данный фрагмент представляет собой комментарий Такера Карлсона о слушании в Конгрессе, которое касается вывода американских войск из Афганистана и последствий этого события. В нем приводятся резкие оценки действий фигурантов, среди которых генерал Кеннет Маккензи, сенатор Том Коттон и министр обороны Ллойд Остин, представляющий администрацию президента и сам президент Д. Байден. Риторический вопрос, обращенный к зрителям, фокусирует внимание не только на серьезности рассматриваемой проблемы, но и на тех, кто несет за нее ответственность. Экспрессия создается следующими выразительными средствами: существительные *sleazeballs, guys* («slang», «informal»), фразовый глагол *rat out* («disapproving»), междометие *woah* с семантикой удивления, метафора *wheels are officially coming off*, эмоционально-эмфатическое восклицание и передача слов объектов критики в искаженном виде (РХ «имплицитная насмешка»). Тактика насмешки обнаружена в саркастических высказываниях: *These people so thoroughly deserve each other* и *It is wonderful to see them rat each other out* (ирония). Создание комического эффекта также достигается употреблением фразы *demented grandpa* (РХ «имплицитная насмешка»), которая в эмфатической конструкции *it was all* с использованием идиомы *pull the strings* отсылает зрителей к президенту

Д. Байдену (аллюзия), который и становится объектом обвинения (РХ «имплицитное неаргументированное обвинение»).

(132) *Just today, Harris and her husband made a point of kissing each other in front of photographers while wearing masks. They did this despite the fact they're married, that they live together, that they were standing outside at the time and despite the fact that they both have been vaccinated. A number of crude jokes come to mind, but for once we'll pass. It is the crudest kind of propaganda, designed by the cynical for the benefit of a population. It's not just Kamala Harris. Everyone is in on it, even the corporate comedians. Comic buffoons even do what we assume is an unpaid ad for Moderna.* Журналист критикует и высмеивает К. Харрис относительно ее поведения и ее мужа на публике. Жест, такой как поцелуй в маске, воспринимается как вид грубой пропаганды, продвигаемой группой «чужие» (субстантивное прилагательное с пейоративной семантикой *the cynical*) для манипулирования сознанием адресата. Синонимичный повтор (*comic, comedians*) вербализует «имплицитную насмешку», в то время как лексема *buffoon* используется для выражения РХ «имплицитного оскорбления». Аллюзия к *Moderna* (компания по разработке вакцины против COVID-19) служит средством выражения имплицитного неаргументированного обвинения.

### 3.1.2.5. Тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика обманутого ожидания

(133) *What's amazing is that even as this crisis appeared on the horizon, the Biden administration seemed totally unprepared for it. They turned out to be even more incompetent than they look. As of Monday night, there are no more beds in border facilities. We have long passed the point of not enough.* Центральной в данном контексте является критика администрации президента США по поводу обострения миграционной ситуации, когда количество прибывающих мигрантов значительно превысило возможности пограничных учреждений для их размещения. Тактика обвинения реализуется РХ «имплицитное

аргументированное обвинение», который вербализуется с помощью глагола *seem* со сложным подлежащим и причастием *unprepared* в сочетании с наречием, обозначающим высшую степень интенсивности, – *totally*, а также существительным *crisis* с семантикой «опасность». Тактики оскорбления (ЛЕ *incompetent* с пометой «*disapproval*») и обманутого ожидания (глагол *turn out*) выступают средствами аргументации для указанного обвинения. Интенсификаторами дискредитирующего эффекта являются повтор (наречие *even*), частицы отрицательного значения *no* и *not*, а также эмфатическая конструкция (*What's amazing is ...*).

В примере (134) дискредитация правительства достигается путем реализации тактик оскорбления и насмешки. Основное внимание уделяется двум персонажам: Тому Николсону, специалисту в области международных отношений и национальной безопасности, и Виктории Нуланд, занимающей должность заместителя государственного секретаря по политическим делам. (134) *Nichols seems to spend most of his life arguing with other people on Twitter. He's never achieved anything at all that we're aware of, but then virtually none of them have achieved anything. Biden's chief Ukraine strategist, Victoria Nuland – you would not hire her to plan spring break. She couldn't do it. She doesn't have the skills. Now, these very same people, these demonstrably incompetent people, say they plan to rebuild a better world. All right, that seems ambitious. How about starting with Baltimore before moving on to total global transformation? Should't we fix the biggest city in Maryland first?* Николсон подвергается нападкам со стороны журналиста через гиперболизированные высказывания с глаголом *achieve* с мелиоративной семантикой в сочетании с отрицательным наречием *never* и местоимением *none* (ирония). Все его достижения сводятся к спорам в социальных сетях, что выражается в сложном подлежащем с глаголом *seem*. Нуланд критикуется за отсутствие профессионализма и компетентности посредством гипотетических выводов о том, что она не способна организовать короткий отпуск (глаголы *would* и *could*). В обоих случаях выделяется

РХ «имплицитная насмешка». Имплицитное оскорбление, адресованное обоим политикам, выражено ЛЕ *incompetent* («*disapproval*») с усилительным наречием *demonstrably*. Дискредитация поддерживается средствами повтора (*these people* – группа «чужие») и фразой *very same*, создающей саркастический эффект. Тактика обманутого ожидания реализована риторическими вопросами, направленными в адрес этих людей: *How about starting with Baltimore before moving on to total global transformation? Shouldn't we fix the biggest city in Maryland first?* Эксплицитное ожидание, сформулированное в побудительной форме (*how about, shouldn't*), подчеркивает первоочередную необходимость сосредоточиться на проблемах в городе Балтиморе.

### 3.1.3. Четырехкомпонентная группа комбинированных тактик

Количество случаев реализации четырехкомпонентной группы, состоящей из 4 подгрупп, составляет 505 (14,7 %).

#### 3.1.3.1. Тактика обвинения + тактика насмешки + тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания

(135) *For now, the White House just wants us to shut up and celebrate because henceforth every official Joe Biden hires will be a **first**, not the **first** achievement, not the **first** in the class. No, better than that, much better – **first** in appearance, the **first** person who looks a certain way or sleeps with a certain kind of person, the **first** in identity. That's what matters. So, you can imagine it was with **deep and justifiable pride** that the administration announced that after a **grueling nationwide search**, they had finally located a gay White House communications director. **Hooray!** The news was announced by America's **first illiterate** White House press secretary.* Т. Карлсон критикует политику назначений должностных лиц в Белом доме, во-первых, посредством РХ «эксплицитное неаргументированное обвинение», генерируя идею, необходимую для понимания всего контекста, что любые действия администрации подлежат безоговорочному принятию со стороны широкой общественности (сложное дополнение с глаголом *want* с

семой «желание», глагол *shut up* с семой «запрет», дейктическое местоимение *us*, указывающее на принадлежность к группе «свои»). Во-вторых, используется РХ «прогноз высокой степени вероятности», который выражает 100 % уверенность ведущего в том, что такой способ назначения в администрации президента Байдена сохранится и в будущем (Future Simple). Далее актуализируются две речевые тактики: обманутого ожидания и насмешки. Ожидания, что профессиональные достижения и реальные компетенции являются необходимыми условиями в выборе представителей администрации, выражены эксплицитно (*the first achievement, the first in the class*). Фактическая ситуация, контрастирующая с этими ожиданиями, когда назначения могут осуществляться по иным критериям, актуализируется посредством тактики насмешки (РХ «имплицитная насмешка») с присущим ей средством выразительности – иронией (*No, **better** than that, much **better**. That's what matters*). В данном случае это разновидность иронии дисаирм, когда правильность действия опровергается «путем представления его в гротескном виде» [Кобенко, 2023, с. 74], в том числе и с помощью многократного повтора числительного в превосходной степени *first*, междометия с восклицательным знаком *Hooray!* и эпитетов *deep, justifiable* применительно к абстрактному существительному *pride*. В утрированной форме описывается и задача администрации *grueling nationwide search* (ирония) найти «правильного» кандидата на должность директора по коммуникациям Белого дома, чье «первенство» определяется внешним видом и половой идентичностью. И финальный саркастический комментарий *America's first illiterate White House press secretary* относится к Джен Псаки (РХ «эксплицитная насмешка»).

(136) *Old age is the pause that **God** gives us to reflect on what we've done and what we've left undone, and above all, to ponder where we might be going next. **But Joe Biden is not doing that.** In the final days of his 79th year, **Joe Biden is not asking questions about the fate of his soul. He's making pronouncements about yours, the soul of the nation, as he puts it. That's the topic of his primetime speech***

*tomorrow night. Don't expect to hear anything transcendent as he speaks. We haven't seen the transcript, but we can say with confidence that Biden will not say a word about the single greatest problem that our country faces.* Имплицитное ожидание ( $F_{\text{positive}}$ ), возникающее из размышлений ведущего о старости человека – о периоде жизни, когда человек оценивает свои достижения и ошибки, контрастирует с тем, чем озабочен действующий президент в его преклонном возрасте. При описании истинного положения дел ( $F_{\text{negative}}$ ) реализуются речевые ходы «имплицитное обвинение», «имплицитная насмешка» и «прогноз высокой степени вероятности». Посредством такого комбинирования Т. Карлсон, выражая скептицизм по поводу предстоящего обращения президента, обвиняет его в игнорировании серьезных и актуальных проблем, стоящих перед Америкой. Весь контекст является глубоко ироничным. Большой выразительной силой обладают метафоры *the soul of the nation* и *the fate of his soul*, прилагательное *transcendent*, литота в сочетании с гиперболой (*Biden will not say a word about the single greatest problem*), повтор (*Joe Biden is not*) и библейская аллюзия *God*. Также стоит отметить усилительное значение указательного местоимения *that*, подчеркивающего контраст между ожиданием и реальностью.

### 3.1.3.2. Тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика насмешки + тактика обманутого ожидания

(137) *The utter fraudulence of Tony Fauci is now obvious and widely acknowledged, but it was not always evident. In March of last year, we interviewed Fauci on this show. We treated him with respect and took his answers seriously. As Americans, we assumed that the man in charge of protecting the United States from COVID must be impressive and rational. We also assumed he was honest. But we were wrong. It soon became clear that Tony Fauci was just another sleazy federal bureaucrat – deeply political and often dishonest. More shockingly, we then learned that Fauci himself was implicated in the very pandemic he was charged with fighting.*

*Fauci supported the grotesque and dangerous experiments that appear to have made COVID possible. We arrived at these conclusions incrementally, spurred by evidence that accumulated over the course of a year. Thanks to a freedom of information request from BuzzFeed, we have thousands of emails to and from Tony Fauci, going back to the early winter of 2020. The emails prove that Fauci lied about this under oath.*

Такер Карлсон стремится публично дискредитировать ключевую фигуру в борьбе с пандемией COVID-19 – Тони Фаучи, апеллируя к несоответствию между первоначальными ожиданиями и последующими разоблачениями его действий и заявлений. Тактика обманутого ожидания актуализируется РХ «эксплицитное ожидание vs. факт», который соответствует формуле  $E_{\text{positive}}$  but  $F_{\text{negative}}$ . Ожидания ведущего выражаются с помощью глагола *assume*, модального глагола *must*, передающего высокую степень уверенности говорящего, а также ЛЕ с мелиоративной семантикой *impressive, rational, honest, respect*. Ситуация  $F_{\text{negative}}$  представлена высказываниями исключительно пейоративного характера. Критика и негативное отношение ведущего к Э. Фаучи актуализированны словами и фразами, обладающими экспрессивно-эмоциональным значением: *utter fraudulence, deeply political, dishonest* (РХ «эксплицитная насмешка»). При реализации следующего речевого хода (РХ «имплицитное оскорбление») использованы ЛЕ средней степени инвективности *sleazy* с пометой «*informal, disapproval*». Кроме того, Фаучи выдвигается серьезное обвинение в даче ложных показаний под присягой (*he lied about this under oath*), привлекая в качестве доказательства вины доктора материалы его электронной переписки, которые находятся в общественном доступе (РХ «эксплицитное аргументированное обвинение»). Таким образом, реальная ситуация оказалась такова, что вместо того чтобы защищать здоровье населения, Фаучи ввел страну в заблуждение и причинил вред своим согражданам. Истинность таких суждений поддерживается семантически родственными словами: *evidence, obvious, evident, clear, appear, prove, acknowledge*.

Следующий пример – эмоциональная реакция ведущего на выступление Джен Псаки: (138) *It's so unbelievable. Who wrote that? You got to wonder! Ugh, these people do have brass telling you, "Really, you should be worried about COVID." More people died under Biden than under Trump. You should worry about the economy. But instead, you worry about all this dumb stuff that we don't care about at all, except it's all we talk about.* В контексте явно прослеживается двойная адресация посредством дейктического местоимения *you*. Адресат-1 представляет собой коллективный объект дискредитации, включающий как президента, так и пресс-секретаря, а также администрацию Байдена в целом. Адресат-2 – это аудитория передачи, которую Карлсон вовлекает в ход своих критических рассуждений с помощью восклицательного предложения и междометия *ugh*, сигнализирующих о его недовольстве и даже гневе. Имплицитная насмешка, направленная на Джен Псаки, выражена прилагательным *unbelievable* и риторическим вопросом. Идиома *have brass* в сочетании с глаголом-интенсификатором *do* и фраза *these people*, маркирующая группу «чужих», являются средствами актуализации РХ «эксплицитное неаргументированное обвинение». Путем имитации слов Псаки реализуется РХ «имплицитная насмешка», а утверждение о высоком уровне смертности в США при нынешней администрации – РХ «эксплицитное неаргументированное обвинение» (ЛЕ *die* с семой «смерть»). В заключительных предложениях текстуализируются как эксплицитное оскорбление (ЛЕ *dumb* средней степени инвективности), так и эксплицитное ожидание, выраженное модальным глаголом *should*, контрастирующее с ситуацией  $F_{\text{negative}}$  при помощи наречия *instead* и союза *but*. В основе тактики негативного прогнозирования очередное обвинение правительства в игнорировании серьезных проблем в стране. Повышенный уровень экспрессивности достигается за счет многократных повторов (*should, worry*).

### 3.1.3.3. Тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика насмешки + тактика негативного прогнозирования

В одной из передач представлен фрагмент пресс-конференции, где один из вопросов пресс-секретарю Белого дома Карин Жан-Пьер затрагивал поездку спикера Палаты представителей Конгресса США Нэнси Пелоси на Тайвань 2 августа 2022 года:

(139) *DOOCY: An official who is associated with Chinese state media is suggesting that if Speaker Pelosi tries to go to Taiwan, her plane could be shot down. Does the president have a response to that?*

*JEAN-PIERRE: You know, I've been asked about this. I know you're specifically asking about the rhetoric we're hearing from China, but as it relates to the speaker's travels, it's something that we're just not going to speak to right now. That's a hypothetical.*

*TUCKER CARLSON: It doesn't seem like a big deal to put dumb people in positions of authority. Got it, until something terrible goes wrong, which inevitably happens when you're running the biggest country in the world. That's a hypothetical, says Karine Jean-Pierre. Even though, of course, it's the opposite of a hypothetical. There was nothing hypothetical about it. China has repeatedly threatened to shoot down the plane carrying America's speaker of the House. The Biden administration is provoking a hot war with China, which by itself would seem to be headline news, but why? It might make a kind of sense if Biden had been a China hawk over the course of his career, if he wasn't taking money from the Chinese government, which he has. He is a toady to China. Since the day Biden was elected, he has helped the Chinese government in ways that no American president has ever even contemplated. The administration helped cover up the origins of COVID even after it became very clear that this global pandemic, which wrecked the American economy, was created by the Chinese military, but we can't mention that because it's racist.* В первом предложении обнаруживается одновременная реализация двух речевых ходов: «имплицитная насмешка» и «имплицитное

аргументированное обвинение». Ни объект критики, ни объект насмешки в тексте не обозначены, при этом очевидно о каких лицах идет речь. Такер Карлсон критикует назначение некомпетентных людей на важные посты, обозначая их как *dumb*. Стремясь сделать свое обвинение в адрес администрации более убедительным, ведущий моделирует негативные последствия, что выражается в РХ «прогноз высокой степени вероятности» (Zero Conditional). Акцентируя внимание аудитории на угрозе военного конфликта с Китаем, ведущий воспроизводит часть выступления пресс-секретаря (передразнивание – РХ «имплицитная насмешка»): *That's a hypothetical, says Karine Jean-Pierre. Even though, of course, it's the opposite of a hypothetical. There was nothing hypothetical about it.* Троекратный повтор слова *hypothetical* отражает как озабоченность ведущего в свете напряженных отношений между США и Китаем, так и крайнюю степень недовольства и возмущения подобным неуместным заявлением Карин Жан-Пьер, а также критику таких потенциально опасных действий правительства. Таким образом, актуализирован РХ «имплицитное аргументированное обвинение», а объектами дискредитации выступают и пресс-секретарь, и правительство в целом. Предложение *China has repeatedly threatened to shoot down the plane carrying America's speaker of the House* содержит подтверждение, что опасения Карлсона и его обвинения небезосновательны (ЛЕ *threaten* и фразовый глагол *to shoot down* с семой «опасность»). РХ «эксплицитное аргументированное обвинение» актуализирован фразой *provoking a hot war*, эксплицирующей и семантику опасности, и семантику намеренности: *The Biden administration is provoking a hot war with China, which by itself would seem to be headline news, but why?* Обвинение Байдена в эскалации конфликта с Китаем выражено в форме гипотезы и обосновывается сложной комбинацией из пяти речевых ходов: РХ «прогноз низкой степени вероятности» + РХ «эксплицитное аргументированное обвинение» + РХ «эксплицитное неаргументированное обвинение» + РХ «имплицитное оскорбление». Предъявление президенту

обвинений в коррупционных связях с китайским правительством (РХ «эксплицитное аргументированное обвинение») оформляется посредством РХ «прогноз низкой степени вероятности». Ключевыми здесь являются такие выразительные средства, как номинация *hawk* (человек, который поддерживает использование силы и насилия вместо мирных или дипломатических решений), контраст *he wasn't taking money ... which he has* и Third Conditional. Предложение *He is a toady to China* – представляет собой типичный способ реализации РХ «имплицитное оскорбление» посредством ЛЕ средней степени инвективности (ЛЕ *toady* с пометой «*disapproving*») и непосредственного указания на инвектум. РХ «эксплицитное неаргументированное обвинение» реализован в отрывке: *Since the day Biden was elected, he has helped the Chinese government in ways that no American president has ever even contemplated. The administration helped cover up the origins of COVID even after it became very clear that this global pandemic, which wrecked the American economy, was created by the Chinese military.* Глагол *help* с положительной семантикой в Present Perfect, становится средством выражения пейоративной оценки в сочетании с ЛЕ *wreck*, фразовым глаголом *cover up* с отрицательной семантикой и гиперболой *no American president has ever even contemplated*. В заключение этого контекста Т. Карлсон обращается к теме свободы слова, обвиняя правительство в нарушении этого гражданского права граждан США. РХ «имплицитное аргументированное обвинение» представлен отрицательной формой модального глагола *can* с семантикой запрета, а обоснование вводится посредством РХ «имплицитная насмешка» – *we can't mention that because it's racist*. Т. Карлсон высмеивает нарочито-утрированную политику антирасизма, которая служит средством, как манипуляции, так и подавления граждан. В рассмотренном дискредитирующем нарративе, где дается крайне негативная оценка главе администрации, его реальным и предполагаемым действиям, наблюдается повышенное число речевых ходов, то есть количество речевых

ходов превышает количество тактик в рассматриваемой комбинации: общее число тактик равно четырем, общее число речевых ходов – девяти.

(140) *These people are too incompetent, too nasty, too selfish and too stupid to lead this country. And they know that. And they're worried about it. You've got to wonder about some of their other policies. If they couldn't be bothered to notice that every child in the United States of America was suffering from oxygen starvation, they didn't even notice.* Средствами экспликации субъективного отношения Такера Карлсона к членам администрации Байдена (*these people*) служат эпитеты, содержащие семантику отрицательной оценки в сочетании с наречием со значением высшей степени интенсивности *too*, выступающим в качестве усилителя ЛЕ *incompetent, stupid* (РХ «имплицитное оскорбление») и прилагательных *nasty, selfish* (РХ «эксплицитная насмешка»). Далее реализован РХ «имплицитное аргументированное обвинение», посредством которого зрителям внушается мысль, что правительство Байдена (адресат обвинения не назван конкретным референтным именем) не справляется со своими обязанностями, осознавая при этом этот факт, но продолжает занимать свои должности. Способом аргументирования этого обвинения служит РХ «прогноз низкой степени вероятности», который моделируется по сценарию № 1: OD + NA, где предполагаемыми негативными действиями является бездействие властей, когда жизнь и здоровье граждан могут оказаться под угрозой. Средствами эмоционального усиления этого дискредитирующего высказывания являются наречие *even*, служащего для выражения контраста и неожиданности описываемых событий, в сочетании с глаголом *notice*, гипербола *every child* и ЛЕ *suffer, starvation* с семантикой «страдание».

#### **3.1.3.4. Тактика оскорбления + тактика насмешки + тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания**

Т. Карлсон, комментируя высказывания Белого Дома о превосходстве белой расы, обращается к нескольким дискредитирующим тактикам: (141)

*White supremacy, blah, blah, blah, blah, blah. You can handle some dumb people at the helm and it's kind of amusing. They're fun to laugh at, but if things start going south, the dumb people have to leave and they should be replaced by the smart, wise people who have some idea of how to fix things.* Для выражения эмоционально-насыщенной характеристики действий администрации как неактуальных, абсурдных и бессмысленных используется эмфатическое повторение слова *blah* (РХ «имплицитная насмешка»). Далее в речи ведущего реализовано имплицитное оскорбление при помощи ЛЕ средней степени инвективности *dumb* (помета «*offensive*»), адресованное администрации президента, метафорически обозначенной как *people at the helm*. Тактика насмешки выражена эксплицитно словами с семой «смех»: *fun, laugh*. Критика администрации Джо Байдена в некомпетентности и неспособности эффективно справляться с серьезными проблемами выражается через потенциальную угрозу возникновения кризисной ситуации *if things start going south* (РХ «прогноз средней степени вероятности» выражен First Conditional), а семантически противоположные ЛЕ *dumb, smart/wise* и противительный союз *but* создают контраст между текущим состоянием дел и желаемым (РХ «эксплицитное ожидание vs. факт»).

### **3.1.4. Пятикомпонентная группа комбинированных тактик**

Пятикомпонентная группа, представленная 1 подгруппой, несмотря на незначительную частотность, демонстрирует уникальные случаи одновременной реализации всех дискредитирующих тактик (31 случай, 0,9 % от общего количества 3 426).

#### **3.1.4.1. Тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика насмешки + тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания**

Содержание следующего фрагмента направлено на демонизацию фигуры президента Байдена и его окружения за счет использования эмоционально насыщенных и провокационных утверждений, содержащих многочисленные

обвинения, оскорбления и насмешки в их адрес. (142) *Biden's main qualification is certainly soullessness. This is a man who showered with his own daughter, who smiles when he's mad. This man will say literally anything. If the Chinese military unleashed a deadly manufactured flu virus on the world, Joe Biden would blame you for it and actually, he did. People are dying of COVID, Joe Biden told us, because you have questions about an experimental mRNA shot that doesn't really work and whose long-term effects we can't know. You are the criminal here, not the Chinese government, because you're "unvaccinated". You must be punished. That was the message from the White House picked up and eagerly disseminated by Biden's equally soulless stooges.* РХ «эксплицитная насмешка» содержит резко негативные характеристики президента (ЛЕ *soullessness, mad*), в том числе и в нарочито преувеличенном виде с помощью слова *main* (гипербола). Предложение *This is a man who showered with his own daughter, who smiles when he's mad*, создающее шокирующий портрет человека с низкими моральными качествами, который использует улыбку как маску для сокрытия гнева и агрессии, настраивает зрителей на антипатию и неприязнь к президенту США. Посредством гиперболизированного прогноза высокой степени вероятности (Future Simple) о том, что президент скажет буквально все (*literally anything*) в собственных интересах, осуществляется РХ «имплицитное аргументированное обвинение», поскольку денотативное значение глагола *say* нейтрально, т. е. не является деликтом. Данное обвинение аргументируется РХ «прогноз низкой степени вероятности» (Second Conditional, ЛЕ *deadly, blame*). Однако, с помощью наречия *actually* и глагола *do* в Past Simple такой гипотетический негативный сценарий (№ 1: OD + NA), в котором граждане США подвергаются упреку в распространении COVID-19 со стороны властей, в итоге превращается в обвинение в адрес главы государства. В следующем предложении вводятся доводы, подтверждающие, что администрация Байдена скрывает природу возникновения пандемии COVID-19 и проявляет враждебность к своим гражданам (ЛЕ *criminal, punishment* с семой «преступление»), которые не

только отказываются от вакцинации, но и интересуются возможными побочными эффектами ее применения (РХ «имплицитное аргументированное обвинение»). Эффект обманутого ожидания достигается контрастом без соединительных элементов  $F_{\text{negative}}/E_{\text{positive}}$ , где ожидание подразумевает обвинение китайского государства в том, что оно допустило распространение пандемии (РХ «имплицитное ожидание vs. факт»). Комбинация из РХ «имплицитное оскорбление» (ЛЕ *stooge* с пометой «*disapproval*») и РХ «эксплицитная насмешка» (слово *soulless* с пейоративной семантикой) позволяет выразить критику и презрение к сотрудникам администрации Байдена, которые беспрекословно и бездумно выполняют чужие указания. Данная негативная оценка также распространяется на президента Байдена посредством наречия *equally* перед оценочным эпитетом *soulless* (повтор). Оппозиция «свои»/«чужие» подчеркивается анафорическим повтором указательного местоимения *this*, апеллирующим к президенту, и дейктического местоимения *you*, указывающим на зрителей передачи, в следующих друг за другом предложениях.

Наряду с Т. Николсом мишенью дискредитирующих высказываний Такера Карлсона становятся глава администрации США и В. Нуланд: (143) *Under the leadership of people like Tom Nichols and Victoria Nuland, neoliberal geniuses with grand plans, Baltimore has devolved into third world chaos. If you spend billions trying to make a place better, and it gets worse, you have an obligation to think about why. Maybe you're doing it wrong. Maybe you're not as powerful and clever as you thought you were. But none of this ever occurs to people like Tom Nichols and Victoria Nuland and for that matter, Joe Biden. The more discredited they are, the more self-confident they become. What is this? Well, it's called hubris. Hubris is the delusion that causes people to mistake themselves for God. They imagine they have power and wisdom and foresight they don't actually possess, that no human does. Hubris is a species of mental illness. These people are unwell. They're crazy and there's nothing more dangerous than that.* В данном

случае ярко проявляется тактика насмешки, актуализирующая презрительное, издевательское отношение к известным личностям, реализованная с помощью двух речевых ходов. В первом предложении РХ «имплицитная насмешка», представленная ироничной фразой *neoliberal geniuses with grand plans*, комбинируется с РХ «имплицитное обвинение», который реализован лексемой *devolve* с семантикой «разрушение». Обозначение негативных последствий действий/бездействия указанных лиц осуществляется на основе метафорического и метонимического переноса *third world chaos* – крупный американский город Балтимор отождествляется со странами третьего мира. Обращаясь непосредственно к объектам дискредитации (местоимение *you*), Такер призывает их задуматься о том, что их намерения и фактические результаты их действий явно не совпадают: *If you spend billions trying to make a place better, and it gets worse, you have an obligation to think about why. Maybe you're doing it wrong. Maybe you're not as powerful and clever as you thought you were.* Указанный фрагмент, содержащий и имплицитное обвинение, и насмешку, и негативный прогноз высокой степени вероятности (Zero Conditional), следует интерпретировать как эксплицитное ожидание. В качестве выражения несоответствия ожиданий реальной ситуации ( $E_{\text{positive}}$  but  $F_{\text{negative}}$ ) в адрес представителей администрации звучит очередное обвинение в гиперболизированной форме. Обвинению придают иронично-оскорбительный характер рассуждения Такера о природе поведения людей, страдающих от высокомерия и чрезмерного самолюбия: ЛЕ *hubris*, фраза *mental illness* и библейская аллюзия *God*, указывающие на РХ «имплицитная насмешка»; ЛЕ средней *crazy (informal, disapproval)* и слабой степени инвективности *unwell* (евфемизм) маркируют РХ «имплицитное оскорбление». На синтаксическом уровне наращиванию экспрессии способствуют сравнительные конструкции с прилагательным *more* и гипофора.

## Выводы по третьей главе

Классификация комбинированных тактик РПСД, используемых политическим журналистом Такером Карлсоном, состоит из четырех групп: двухкомпонентной, трехкомпонентной, четырехкомпонентной и пятикомпонентной. Наиболее репрезентативной группой является трехкомпонентная, второе место занимает двухкомпонентная группа. Четырехкомпонентная группа более чем в три раза меньше по количеству случаев, чем лидирующая. Наименьшую долю от общего числа случаев реализации комбинированных тактик составляет пятикомпонентная группа.

Двухкомпонентная группа демонстрирует максимальную вариативность комбинирования дискредитирующих тактик. Парное комбинирование обнаружено в девяти подгруппах, что делает эту группу самой многочисленной по количеству подгрупп в сравнении с другими. Чаще всего реализуются комбинации «тактика обвинения + тактика обманутого ожидания» и «тактика обвинения + тактика негативного прогнозирования». Среди пяти подгрупп трехкомпонентной группы самой распространенной является «тактика обвинения + тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания». Характерным признаком данной группы является наличие тактики обвинения в каждой из обнаруженных комбинаций. Исходя из набора тактик в четырехкомпонентной группе, установлено преобладание тактик обвинения и негативного прогнозирования, в том числе, и в самой частотной подгруппе «тактика обвинения + тактика насмешки + тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания». Комбинация всех дискредитирующих тактик (обвинения, оскорбления, насмешки, негативного прогнозирования и обманутого ожидания) составляет единственную подгруппу пятикомпонентной группы.

Частность реализации тактик обвинения и оскорбления в подгруппах комбинированных тактик свидетельствует о высокой эффективности и значимости тактики обвинения в процессе реализации РПСД посредством

комбинирования с другими тактиками, в то время тактика оскорбления является менее универсальной и играет вспомогательную роль. Тактики насмешки, обманутого ожидания и негативного прогнозирования во всех группах комбинированных тактик демонстрируют одинаковую частотность реализации.

При комбинировании дискредитирующих тактик присущие им речевые ходы также коррелируют и пересекаются. В комбинированных тактиках количество речевых ходов зачастую значительно превышает число речевых тактик.

Реализация речевых ходов комбинированных тактик осуществляется универсальными выразительными средствами: средствами создания образности, средствами описания и выделения (умаления) признака, фразеологические средствами и средствами экспрессивного синтаксиса.

Специфическими выразительными средствами, маркирующими речевые ходы, являются ЛЕ с пейоративной семантикой, с долей «деликта», ЛЕ со средней и слабой степенью инвективности, ирония, стилистический контраст, формы повелительного наклонения, прием «несобственно-прямая речь», маркеры футуральности и условные предложения.

## Заключение

Исследование РПСД на материале политического ток-шоу *Tucker Carlson Tonight* в соответствии с поставленной целью и намеченными задачами позволяет сделать следующие выводы:

1. Речеповеденческая стратегия дискредитации, объективируемая в речи при помощи речевых тактик, речевых ходов, универсальных и специфических выразительных средств (языковых маркеров), направлена на достижение глобальной коммуникативной цели – публично подвергнуть критике объект дискредитации, лишить его социального статуса, общественного уважения и доверия. Аналитический взгляд Т. Карлсона на недостатки, противоречия и непоследовательность в действиях администрации Д. Байдена и их риторике побуждает массового адресата к более глубокому анализу и рефлексии не только содержания передачи *Tucker Carlson Tonight*, но и транслируемой «однобокой» медийной повестки со стороны различных СМИ, и к сопротивлению как имеющемуся, так и дальнейшему информационному прессингу.

2. Репертуар Такера Карлсона, составляющий РПСД администрации Д. Байдена, включает автономные и комбинированные тактики, автономные и комбинированные речевые ходы и обширный арсенал выразительных средств. Классификация автономных тактик, актуализирующих РПСД, включает тактику обвинения, тактику оскорбления, тактику насмешки, тактику негативного прогнозирования и тактику обманутого ожидания. Классификация комбинированных дискредитирующих тактик, включающая комбинации из автономных тактик, состоит из четырех групп, исходя из количественного состава, и девятнадцати подгрупп, исходя из набора комбинируемых тактик. Комбинированные дискредитирующие тактики, используемые в речи Т. Карлсона, выявляются путем идентификации речевых ходов, реализующих автономные тактики с учетом их языковых маркеров и формул текстового

воплощения, если таковые имеются для автономных речевых тактик и их ходов.

3. Речевые ходы, вербализующие тактики РПСД, выделяются по следующим основаниям: 1) по форме выражения дискредитирующей интенции: эксплицитные и имплицитные речевые ходы для тактик обвинения и насмешки; 2) по наличию или отсутствию аргументов: аргументированные и неаргументированные речевые ходы, реализующие тактики обвинения и обманутого ожидания; 3) по степени вероятности наступления негативных событий: высокой, средней и низкой для речевых ходов, которые актуализируют тактику негативного прогнозирования. Больше разнообразие речевых ходов обнаружено для тактики обвинения, а тактика оскорбления отличается от прочих тем, что имеет единственный речевой ход – «имплицитное оскорбление». Тактики обвинения и обманутого ожидания тяготеют к эксплицитной форме выражения, тогда как при реализации тактик насмешки и оскорбления свойственно наличие импликатур. Тактика негативного прогнозирования чаще представлена РХ «прогноз средней степени вероятности». Отличительным показателем РХ «имплицитное обвинение» и речевых ходов тактики насмешки является то, что они не подлежат схематическому описанию. Для других случаев выведены варианты текстовой манифестации речевых ходов в виде формул, которые в совокупности с языковыми маркерами обуславливают их специфику и узнаваемость.

4. Языковые маркеры тактик РПСД и их речевых ходов различаются по их принадлежности к группе языковых средств. В качестве языковых маркеров для тактики обвинения и тактики оскорбления выделены ЛЕ с пейоративной семантикой с долей «деликта» и ЛЕ со средней и слабой степенью инвективности, тогда как для тактики обманутого ожидания и тактики насмешки – ирония и стилистический контраст. Для речевого хода «имплицитное неаргументированное обвинение» уникальным языковым маркером, служащим для увеличения экспрессивности, является прием

«несобственно-прямая речь». Речевые ходы тактики негативного прогнозирования и речевой ход «эксплицитное неаргументированное обвинение» отличаются на уровне синтаксиса и морфологии (маркеры футуральности, формы повелительного наклонения).

5. Согласно статистической обработке исследовательского корпуса, автономные тактики значительно уступают комбинированным. Автономная тактика обвинения является наиболее репрезентативной как по частоте актуализации, так и по максимальному количеству речевых ходов. Тактики негативного прогнозирования и обманутого ожидания, в основе которых лежит обвинительная иллокуция, занимают промежуточные позиции по количеству случаев реализации. Тактики оскорбления и насмешки схожи как по количественным показателям случаев реализации, так и по характеру воздействия на массового адресата, которое больше воздействует на эмоциональную сферу, чем на рациональную. При реализации РПСД автономными тактиками количество случаев автономных и комбинированных речевых ходов соотносятся в пропорции 2:1. Однако контексты, в которых дискредитация администрации президента Байдена осуществляется посредством комбинированных тактик, чаще содержат большее количество речевых ходов, чем само число тактик, которые они вербализуют. Такие случаи определяются как комбинированные речевые ходы, манифестирующие комбинированные тактики РПСД. Максимальное число групп и количество случаев реализации тактики насмешки посредством комбинированных речевых ходов позволяют говорить о широких комбинаторно-вариативных дискредитирующих возможностях этой тактики при относительно невысоком показателе случаев реализации этой тактики среди прочих. Лидирующей среди комбинированных тактик является трехкомпонентная группа как по количеству случаев реализации, так и по наличию наиболее частотной подгруппы среди всех рассмотренных случаев комбинированных тактик (тактика обвинения + тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания).

Подгруппы «тактика обвинения + тактика обманутого ожидания» и «тактика обвинения + тактика насмешки + тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания» лидируют по количеству в двухкомпонентной и четырехкомпонентной группе соответственно. Наименее репрезентативной стала комбинация «тактика насмешки + тактика обманутого ожидания». Частность реализации тактики обвинения в составе комбинированных групп подтверждает вывод о том, что обвинение представляет собой основной инструмент, используемый для подрыва репутации объекта дискредитации.

6. Функционально-прагматической особенностью реализации РПСД является способность ее конститuentов (речевых тактик, речевых ходов, выразительных средств) к речевому комбинированию. Максимальное число комбинированных речевых ходов равно четырем, а число комбинируемых автономных тактик равно пяти.

Исследование различных речеповеденческих кооперативных и конфронтационных стратегий в политической журналистике на основе разработанного алгоритма изучения речевых стратегий представляет перспективное научное направление, продолжающее настоящую работу. Одним из потенциальных направлений видится сравнительный анализ средств репрезентации конфронтационных и кооперативных речевых стратегий в различных сферах коммуникации и на материале разных языков, что позволит выявить универсальные и специфические черты средств объективации анализируемых стратегий.

## **Список сокращений и условных обозначений**

ЛЕ – лексическая единица

ОД – объект дискредитации

РПС – речеповеденческая стратегия

РПСД – речеповеденческая стратегия дискредитации

РХ – речевой ход

СД – субъект дискредитации

## Список литературы

1. Абакумова, Е. Б. Зарубежный опыт правового обеспечения защиты чести, достоинства и деловой репутации / Е. Б. Абакумова, А. В. Комиссаров, Д. Ю. Тарасов // Вестник Кемеровского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2021. – № 2 (18). – С. 148–154.
2. Авсеенко, Н. А. Американская традиция на российском телевидении: дис. ... канд. филол. наук / Авсеенко Наталья Анатольевна. – Москва, 2000. – 166 с.
3. Антюхова, Е. А. Особенности реализации конфронтационных коммуникативных стратегий в политическом дискурсе генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга / Е. А. Антюхова, Ю. А. Караулова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – № 3. – С. 120–123.
4. Арланова, Т. Л. Лексикографическое описание лексики с отрицательной эмоциональной оценкой в англо-русских словарях / Т. Л. Арланова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2024. – № 2. – С. 204–210.
5. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : учеб. для вузов / И. В. Арнольд. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва : Флинта; Наука, 2002. – 384 с.
6. Байкулова, А. Н. Персуазивные прогнозы и сценарии в массмедийном политическом дискурсе (функции и средства выражения) / А. Н. Байкулова / Медиалингвистика. 2017. – № 1 (16). – URL: <https://medialing.ru/persuazivnye-prognozy-i-scenarii-v-massmedijnom-politicheskom-diskurse-funkcii-i-sredstva-vyrazheniya/> (дата обращения: 21.12.2022).
7. Байкулова, А. Н. Прогноз как субжанр в печатных СМИ и их электронных версиях / А. Н. Байкулова // Жанры речи. – 2018. – № 4 (20). – С. 286–283.

8. Балакина, И. А. Лингвокультурный типаж в англоязычном креолизованном тексте как инструмент реализации стратегии дискредитации в политическом дискурсе / И. А. Балакина, Ю. В. Кузина // Политическая лингвистика. – 2023. – № 2 (98). – С. 38–47.

9. Баракина, С. Ю. Воспитательные возможности работы классного руководителя со школьными ожиданиями старшеклассников гимназий и лицеев : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Баракина Светлана Юрьевна. – Ульяновск, 2003. – 23 с.

10. Баранов А. Н. Унижение и оскорбление в дискурсивном измерении / А. Н. Баранов, Л. А. Ерохина // Политическая лингвистика. – 2020. – № 3 (81). – С. 162–170.

11. Баранова, К. В. Риторический анализ речевого поведения ведущих американских ток-шоу : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Баранова Ксения Владимировна. – Санкт-Петербург, 2006. – 22 с.

12. Бацевич, Ф. С. Введение в лингвистическую прагматику: (на укр.) / Ф. С. Бацевич. – Киев : Издательский центр «Академия», 2011. – 304 с.

13. Бодулева, А. Р. Дисфемизмы как средства выражения субъективной модальности для реализации манипулятивной цели автора массмедийного сообщения / А. Р. Бодулева, Г. В. Янгирова // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 6 (103). – С. 509–512.

14. Бодулева, А. Дисфемистическая замена как средство реализации стратегии дискредитации в англоязычных текстах средств массовой информации / А. Бодулева, Д. Ю. Дмитриева, А. Р. Рюкова // Russian Linguistic Bulletin. – 2022. – № 8 (36). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/disfemisticheskaya-zamena-kak-sredstvo-realizatsii-strategii-diskreditatsii-v-angloyazychnyh-tekstah-sredstv-massovoy-informatsii> (дата обращения: 03.07.2024).

15. Борис, А. М. Речевая стратегия самопрезентации в немецкоязычном имиджевом интернет-дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Борис

Анна Михайловна. – Архангельск, 2018. – 24 с.

16. Борисова, И. Н. Категория цели и аспекты текстового анализа / И. Н. Борисова // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : «АПОКРИФ», 1999. – С. 15–25.

17. Бринев, К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза / К. И. Бринев ; под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : АлтГПА, 2009. – 252 с.

18. Бурмакова, Е. А. Прямые тактики дискредитации администрации Д. Байдена и средства их реализации (на материале передачи *Tucker Carlson Tonight*) / Е. А. Бурмакова // Вестник ТГПУ. – 2023. – № 4 (228). – С. 84–91.

19. Бурмакова, Е. А. Комбинированные тактики, реализующие речеповеденческую стратегию дискредитации администрации Д. Байдена: на материале передачи *Tucker Carlson Tonight* / Е. А. Бурмакова, Н. В. Полякова // СибСкрипт. – 2024. – 26 (1). – С. 62–71.

20. Васильева, О. В. Виды профессиональной деятельности специалиста по международным отношениям / О. В. Васильева // Инновационная наука. – 2016. – № 2–4 (14). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-professionalnoy-deyatelnosti-spetsialista-po-mezhdunarodnym-otnosheniyam> (дата обращения: 03.04.2024).

21. Васильева, Э. П. Типология речевых актов порицания в стилизованной английской разговорной речи / Э. П. Васильева // Прагматика форм речевого общения: межвузовский сборник научных статей / под ред. А. И. Волокитиной. – Самара : Изд-во «Самарский ун-т», 2001. – С. 161–171.

22. Вдовина, Т. В. Дискурс-анализ: методологические основания и перспективы применения в социологических исследованиях : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Вдовина Татьяна Витальевна. – Москва, 2012. – 24 с.

23. Верещагин, Е. М. Речевые тактики «призыва к откровенности». Еще одна попытка проникнуть в идиоматику речевого поведения и русско-немецкий

контрастивный подход / Е. М. Верещагин, Р. Ратмайр, Т. Ройтер // Вопр. языкознания. – 1992. – № 6. – С. 82–93.

24. Верещагин, Е. М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров ; под ред. и послесл. Ю. С. Степанова. – Москва : Индрик, 2005. – 1037 с.

25. Влавацкая, М. В. Манипулятивные концепты и их репрезентация в официальных выступлениях Джо Байдена в 2022-2023 гг. / М. В. Влавацкая, О. Г. Поречная // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 6. – С. 1862–1868.

26. Власова, Е. В. Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко- и русскоязычных газет 30-х – 90-х гг. XX в.) : дис. ... канд. филол. наук / Власова Елена Вячеславовна. – Саратов, 2005. – 215 с.

27. Водоватова, Т. Е. Особенности реализации семантики обвинения в зависимости от социального контекста / Т. Е. Водоватова, К. Д. Немцева // Вестник Самарского муниципального института управления. – 2019. – № 4. – С. 107–112.

28. Воейкова, А. А. Средства реализации речевого манипулирования в политическом дискурсе (на примере выступления Д. Трампа у горы Рашмор) / А. А. Воейкова, Е. Г. Долгова, М. В. Минова // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-realizatsii-rechevogo-manipulirovaniya-v-politicheskom-diskurse-na-primere-vystuplenii-d-trampa-u-gory-rashmor> (дата обращения: 04.07.2024).

29. Вознесенская, Ю. В. Речевые стратегии конфликта в немецкой политической коммуникации (на материале парламентских дебатов в Бундестаге) : дис. ... канд. филол. наук / Вознесенская Юлия Владимировна. – Санкт-Петербург, 2010. – 186 с.

30. Волков, А. С. Просодические особенности реализаций ложных речевых актов (экспериментально-фонетическое исследование на материале

современного немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Волков Александр Сергеевич. – Нижний Новгород, 2014. – 23 с.

31. Волков, В. В. Основы филологии. Антропоцентризм, языковая личность и прагмастистика текста : курс лекций / В. В. Волков. – 2-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2014. – 148 с.

32. Волкова, Т. А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Волкова Татьяна Александровна. – Челябинск, 2007. – 24 с.

33. Воронцова, Т. А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход : дис. ... д-ра филол. наук / Воронцова Татьяна Александровна. – Москва, 2007. – 299 с.

34. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста / И. А. Стернин, Л. Г. Антонова, Д. Л. Карпов, М. В. Шаманова. – Ярославль : [б. и.], 2013. – 35 с.

35. Гавра, Д. П. Стратегия и тактики политизации спортивного события в медиaproстранстве / Д. П. Гавра, Л. В. Балахонская // Российская школа связей с общественностью. – 2023. – № 28. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-i-taktiki-politizatsii-sportivnogo-sobytiya-v-mediaprostranstve> (дата обращения: 06.02.2024).

36. Галимова, З. Ф. Тактики комплимента и похвалы в конструировании «положительного образа» женщины-собеседницы: на материале ток-шоу: автореф. дис. ... канд. фил. наук / Галимова Зульфия Фирдавиевна. – Ижевск, 2009. – 21 с.

37. Голев, А. В. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка (к постановке проблемы) / А. В. Голев // Актуальные проблемы русистики : материалы Междунар. науч. конф., посвященной 85-летию томской диалектолог. шк. и 125-летию Томского гос. ун-та (Томск, 21-23 окт. 2003 г.). –

Томск : Изд-во ТГУ, 2003. – Вып. 2, ч. 1. – URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v89.html> (дата обращения: 07.03.2023).

38. Голев, Н. Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема / Н. Д. Голев // Юрислингвистика. – 2000. – № 2. – С. 8–41.

39. Голев, Н. Д. Неполная юридизация лексики текста закона как лингвистическая и лингво-юридическая проблема / Н. Д. Голев, А. В. Иркова // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. – 2023. – № 86. – С. 5–17.

40. Голев, Н. Д. Юрислингвистическая экспертиза на стыке языка и права / Н. Д. Голев, О. Н. Матвеева // Сибирский филологический журнал. – 2003. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yurislingvisticheskaya-ekspertiza-na-styke-yazyka-i-prava> (дата обращения: 28.06.2023).

41. Головаш, Л. Б. Коммуникативные средства выражения стратегии уклонения от прямого ответа: на материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Головаш Лариса Борисовна. – Кемерово, 2008. – 18 с.

42. Горбачева, Е. Н. Обвинение как коммуникативный поступок в современной информационной войне (на материале англоязычного медийно-политического антироссийского дискурса) / Е. Н. Горбачева // Политическая лингвистика. – 2017. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obvinenie-kak-kommunikativnyu-postupok-v-sovremennoy-informatsionnoy-voynе-na-materiale-angloyazychnogo-mediyno-politicheskogo> (дата обращения: 03.12.2024).

43. Горелик, П. Л. Речевая агрессия как стратегическая коммуникация / П. Л. Горелик, М. М. Русакова, Л. В. Куценко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – № 4. – С. 1242–1246.

44. Горина, Е. В. Газета в аспекте речевого воздействия на личность : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Горина Евгения Владимировна. – Екатеринбург, 2004. – 24 с.

45. Горячева, Е. Н. Обвинение как коммуникативный поступок в современной информационной войне (на материале англоязычного медийно-

политического антироссийского дискурса) / Е. Н. Горячева // Политическая лингвистика. – 2017. – № 2 (62). – С. 27–33.

46. Григорьева, А. А. Интенциональные основания психологического воздействия в дискурсе : автореф. дис. ... канд. псих. наук / Григорьева Арина Андреевна. – Москва, 2012. – 25 с.

47. Громова, Н. С. Речевая агрессия в политической коммуникации: причины и последствия / Н. С. Громова // Политическая лингвистика. – 2019. – № 2 (74). – С. 150–155.

48. Гулакова, И. И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения : дис. ... канд. филол. наук / Гулакова Ирина Ивановна. – Орел, 2004. – 152 с.

49. Гуленко, П. В. Проблемы классификации современных телепередач: сущностные характеристики формата «ток-шоу» / П. В. Гуленко, Ю. И. Долгова // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия «Литературоведение. Журналистика». – 2016. – № 3. – С. 102–110.

50. Гунькова, Д. Е. Стратегия дискредитации как доминанта дискурсивной личности американского политического радиокomentатора / Д. Е. Гунькова // ДИСКУРС. – 2020. – Т. 6, № 6. – С. 113–125.

51. Гуревич, В. В. English Stylistics. Стилистика английского языка : учеб. пособие / В. В. Гуревич. – 3-е изд. – Москва : Флинта; Наука, 2008. – 72 с.

52. Давлетшина, Л. Р. Грубость как нарушение коммуникативной нормы : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Давлетшина Лейсан Рустамовна. – Уфа, 2012. – 22 с.

53. Данкова, Н. С. Стратегия прогнозирования как средство репрезентации судебной власти в СМИ (на материале российских и английских газет) / Н. С. Данкова, Т. В. Дубровская // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2016. – № 21 (242). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-prognozirovaniya-kak-sredstvo->

representatsii-sudebnoy-vlasti-v-smi-na-materiale-rossiyskih-i-angliyskih-gazet (дата обращения: 06.02.2024).

54. Дмитриев, О. А. От постправды к постреальности / О. А. Дмитриев, Д. Г. Евстафьев // Россия в глобальной политике. – 2024. – № 4. – С. 110–121.

55. Добросклонская, Т. Медиалингвистика: теория, методы, направления / Т. Добросклонская. – [б. м.] : [б. и.], 2020. – 180 с.

56. Донгак, С. Б. Прием обманутого ожидания в газетном дискурсе / С. Б. Донгак // Риторическая культура в современном обществе : тезисы 4 междунар. конф. по риторике. – Москва : [б. и.], 2000. – С. 61–63.

57. Доронина, С. В. «Насмешка» в зеркале обыденного метаязыкового сознания / С. В. Доронина // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Томск : ТГПУ, 2009. – С. 202–213.

58. Доронина, С. В. Инвективная функция насмешки и проблемы ее экспертной оценки / С. В. Доронина // Юрислингвистика. – 2002. – № 3. – С. 78–85.

59. Доронина, С. В. Концепт «насмешка» и проблема юрислингвистической квалификации приемов высмеивания / С. В. Доронина // Сборник научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения профессора Н. Д. Голева. – Барнаул : [б. и.], 2006. – С. 28–35.

60. Доронина, С. В. Неприличная форма высказывания: право, лингвистика, экспертная практика / С. В. Доронина // Юрислингвистика. – 2023. – № 28 (39). – С. 111–117.

61. Дубровская, Т. В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах / Т. В. Дубровская. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. – 272 с.

62. Дутова, Н. В. Мультиmodalный подход к изучению убеждения в жанре политического ток-шоу / Н. В. Дутова // Политическая лингвистика. – 2023. – № 5. – С. 76–83.

63. Дьякова, Е. Ю. Сопоставительный анализ стратегий и тактик аргументирования в британских и российских политических ток-шоу / Е. Ю. Дьякова, П. А. Каминская // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 3. – С. 100–105.

64. Егорова, Э. Н. Речевая агрессия и стратегия дискредитации (на примере анализа газетных публикаций) / Э. Н. Егорова // Язык и текст. – 2015. – № 3. – С. 69–75.

65. Елфимов, А. Ю. Роль паралингвистических средств общения в немецких ток-шоу / А. Ю. Елфимов // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2007. – № 1-II. – С. 269–275.

66. Жданова, Е. В. Взаимодействие речевых стратегий и психолингвистического типажа коммуникантов / Е. В. Жданова // Наука. Инновации. Технологии. – 2007. – № 53. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-rechevyh-strategiy-i-psiholingvisticheskogo-tipazha-kommunikantov> (дата обращения: 11.09.2023).

67. Журавлев, Д. М. Цифровая статистика как средство языкового манипулирования в СМИ / Д. М. Журавлев // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. – 2024. – № 1 (122). – С. 13–20.

68. Заворотичева, Н. С. Инвективы в современной разговорной речи: на материале пиренейского национального варианта испанского языка и американского национального варианта английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Заворотичева Наталья Сергеевна. – Москва, 2010. – 26 с.

69. Закурдаева, Н. В. Языковые индикаторы конфронтационной речевой стратегии дискредитации, используемой в повседневном супружеском дискурсе / Н. В. Закурдаева // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2023. – № 3. – С. 26–33.

70. Залегдинова, А. Р. Коммуникативные стратегии и тактики в дискурсивном пространстве ток-шоу (на материале русского и английского

языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Залегдинова Айгуль Рустамовна. – Казань, 2013. – 22 с.

71. Заложная, И. В. ИмPLICITная инвектива в современном русском языке: структурно-семантические и коммуникативно-прагматические характеристики : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Заложная Ирина Васильевна. – Ставрополь, 2011. – 23 с.

72. Земчихина, Л. С. Ирония: к проблеме определения / Л. С. Земчихина // Наука и школа. – 2018. – № 6. – С. 155–160.

73. Зиновьев, И. В. «Постправда» на телевидении как современный тренд / И. В. Зиновьев // Приоритеты массмедиа и ценности профессии журналиста : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 17–18 мая 2018 г. / МИН РФ, Уральский федеральный ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Департамент «Факультет журналистики» ; сост. О. Ф. Автохутдинова. – Екатеринбург : Уральский федеральный ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2018. – С. 96–99.

74. Зюбина, И. Актуализация конфронтации в политическом дискурсе / И. Зюбина // Юрислингвистика. – 2023. – № 27 (38). – С. 118–123.

75. Иваненко, Г. С. Текстовые тактики ухода от правовой ответственности при реализации стратегии дискредитации / Г. С. Иваненко // Вестник КГУ. – 2013. – № 4. – С. 134–137.

76. Иванова, С. В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии / С. В. Иванова // Политическая лингвистика. – 2008. – № 24. – С. 29–33.

77. Иванова, Ю. М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов : дис. ... канд. пед. наук / Иванова Юлия Михайловна. – Волгоград, 2003. – 137 с.

78. Ильичева, Ю. А. Речевое манипулирование в политическом тексте / Ю. А. Ильичева // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2013. – № 4. – С. 172–183.

79. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 5-е изд. – Москва : Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
80. Иссерс, О. С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / О. С. Иссерс. – Москва : Флинта ; Наука, 2009. – 224 с.
81. Иссерс, О. С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге / О. С. Иссерс // Русский язык в научном освещении. – Москва : Наука, 2009. – Вып. 18. – С. 92–104.
82. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста: памятка для судей, юристов, СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / под ред. проф. М. В. Горбаневского. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юридический Мир, 2006. – 112 с.
83. Канашина, С. В. Эффект обманутого ожидания в интернет-мемах как особая коммуникативная стратегия / С. В. Канашина // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – 2017. – № 10 (187). – С. 9–13.
84. Кано, И. А. Креативные и рецептивные аспекты жанра ток-шоу на современном российском телевидении : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кано Ирина Аркадьевна. – Москва, 2004. – 28 с.
85. Карасик, В. И. Концептуализация насмешки в языковом сознании / В. И. Карасик // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2011. – № 13. – С 119–128.
86. Карвер, Р. Свобода выражения мнений, законодательство о средствах массовой информации и диффамации : справочное и учеб. пособие для стран Европы / Р. Карвер. – 2016. – 74 с.
87. Карякин, А. В. Стратегемно-тактические способы реализации речевой агрессии в политическом дискурсе (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Карякин Александр Вячеславович. – Волгоград, 2010. – 19 с.

88. Катенева, И. Г. Механизмы и языковые средства манипуляции в текстах СМИ : дис. ... канд. филол. наук / Катенева Ирина Геннадьевна. – Новосибирск, 2010. – 250 с.
89. Катермина, В. В. Выражение агрессии посредством эмодзи (на материале интернет-комментариев) / В. В. Катермина, Б. Г. Вульфович // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. Гуманитарные науки. – 2024. – № 10 (891). – С. 68–74.
90. Катермина, В. В. Лингвопрагматика комментариев пользователей в политическом интернет-дискурсе / В. В. Катермина, Б. Г. Вульфович. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2022. – 170 с.
91. Кашенкова, И. С. Языковые средства речевого манипулирования в дискурсе современных немецкоязычных медиа / И. С. Кашенкова // Филологические науки в МГИМО. – 2023. – Т. 9, № 1. – С. 8–21.
92. Ким, М. Н. Технология создания журналистского произведения / М. Н. Ким. – Санкт-Петербург : Изд-во Михайлова В. А., 2001. – С. 320.
93. Киргизова, Н. П. Применение нелегитимных методов конкурентной борьбы в современной экономике / Н. П. Киргизова // StudNet. – 2022. – № 4. – С. 2777–2789.
94. Киселева, Л. А. Вопросы теории речевого воздействия / Л. А. Киселева. – Санкт-Петербург : Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. – 160 с.
95. Кобенко, Ю. В. Теоретические основы функциональной стилистики: учебник / Ю. В. Кобенко. – Томск : Изд-во ТПУ, 2023. – 296 с.
96. Кобенко, Ю. В. Язык и среда: опыт систематизации данных междисциплинарных исследований / Ю. В. Кобенко. – Томск : ТПУ, 2017. – 214 с.
97. Колтунова Е. А. О пределах применения в лингвоэкспертной практике понятия речевой стратегии дискредитации / Е. А. Колтунова, И. В. Жарков // Неофилология. – 2022. – № 30. – С. 218–227.

98. Комарова, Е. А. Стратегия и тактика демагогического речевого воздействия в художественной прозе Ф. М. Достоевского: «Село Степанчиково и его обитатели», «Бесы», «Братья Карамазовы» : дис. ... канд. филол. наук / Комарова Елена Анатольевна. – Санкт-Петербург, 2005. – 226 с.
99. Конькова, А. С. Ток-шоу как тип дискурса / А. С. Конькова // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. Гуманитарные науки. – 2015. – № 20 (731). – С. 221–230.
100. Копнина, Г. А. Речевые тактики и приемы дискредитации православия в современной информационно-психологической войне (на материале интернет-текстов) / Г. А. Копнина // Политическая лингвистика. – 2017. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-taktiki-i-priemy-diskreditatsii-pravoslavviya-v-sovremennoy-informatsionno-psihologicheskoy-voynena-materiale-internet> (дата обращения: 02.11.2023).
101. Коровушкин, В. П. Основы контрастивной социолектологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Коровушкин Валерий Пантелеймонович. – Пятигорск, 2005. – 48 с.
102. Королева, О. П. Прагматика инвективного общения в англоязычном социуме (на материале британского ареала) : автореф. дис. ...канд. филол. наук / Королева Ольга Петровна. – Нижний Новгород, 2002. – 22 с.
103. Коряковцев, А. В. Инвективность как функционально-семантическая категория русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Коряковцев Андрей Валерьевич. – Кемерово, 2009. – 26 с.
104. Коченгин, М. Ю. Функционально-семантические свойства американского дискурса ток-шоу : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Коченгин Михаил Юрьевич. – Ульяновск, 2005. – 22 с.
105. Кочергина, К. С. Стилистические пометы в толковых словарях современного русского языка: Сопоставительный анализ / К. С. Кочергина // Вопросы лексикографии. – 2017. – № 11. – С. 20–38.

106. Кошкарлова, Н. Н. Экспрессивно-оценочные номинации как средство экспликации оппозиции «Свой-чужие» в межкультурном политическом пространстве / Н. Н. Кошкарлова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2017. № 2 (24). – С. 134–138.

107. Крайнова, А. С. Методика обучения иностранных студентов толерантным формам речевого общения (на примере рече-поведенческих тактик согласия и несогласия) : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Крайнова Алла Сергеевна. – Санкт-Петербург, 2005. – 20 с.

108. Крячкова, А. П. Лингвопрагматические средства реализации вербальных атак на имидж политических партий Германии : дис. ... канд. филол. наук / Крячкова Александра Павловна. – Москва, 2019. – 170 с.

109. Кудрявцева, А. Ю. Речевые реализации стратегии доминирования в официальном полилоге: на материале ток-шоу: автореф. дис. ... канд. фил. наук / Кудрявцева Ася Юрьевна. – Санкт-Петербург, 2017. – 25 с.

110. Кузнецов, Г. В. Так работают журналисты ТВ / Г. В. Кузнецов. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 2004. – 224 с.

111. Кузьмина, Т. Н. Коммуникативная категория категоричности : прототипический и стратегический аспекты : дис. ... канд. филол. наук / Кузьмина Татьяна Николаевна. – Иркутск, 2018. – 164 с.

112. Кулабухов, Н. В. Интенсивность речевого воздействия в социально-политических дебатах : дис. ... канд. филол. наук / Кулабухов Никита Владимирович. – Калуга, 2018. – 24 с.

113. Куранова, Т. П. Функции языковой игры в медиаконтексте / Т. П. Куранова // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 4. – С. 272–276.

114. Кусов, Г. В. Диагностика квалифицирующего признака «Неприличная форма» в судебной лингвистической экспертизе / Г. В. Кусов // Культура и текст. – 2013. – № 1 (14). – С. 93–114.

115. Кусов, Г. В. Лингвопрагматические модели коммуникативной перверсии в рамках теории судебной лингвистической экспертизы / Г. В. Кусов // *Lingua mobilis*. – 2011. – № 3 (29). – С. 68–75.
116. Кусов, Г. В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кусов Геннадий Владимирович. – Волгоград, 2004. – 26 с.
117. Лавицкий, А. А. Глокализации коммуникативного взаимодействия: лингвоюридический аспект / А. А. Лавицкий // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. – 2024. – № 1. – С. 158–168.
118. Лаврентьева, Е. В. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Лаврентьева Елизавета Владимировна. – Новосибирск, 2006. – 22 с.
119. Ланских, А. В. Речевое поведение участников реалити-шоу: коммуникативные стратегии и тактики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2008. – 22 с.
120. Ларина, Е. Г. Лингвопрагматические особенности ток-шоу как жанра телевизионного дискурса (на материале американских телевизионных программ) : дис. ... канд. филол. наук / Ланских Анна Владимировна. Волгоград, 2004. – 171 с.
121. Ленец, А. В. Эффект обманутого ожидания с позиции прагмалингвистики (на примере журнальных заголовков) / А. В. Ленец, Е. И. Петрова // *Научная мысль Кавказа*. – 2009. – № 2 (58). – С. 114–118.
122. Ли Цынь. Речевые ходы реализации коммуникативной тактики уклонения от ответа / Ли Цынь // *Вестник Томского гос. пед. ун-та*. – 2018. – № 8 (197). – С. 34–38.
123. Лисихина, М. А. Опыт типологии макро-речевых актов дискредитации / М. А. Лисихина // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. – 2008. – № 80. – С. 219–225.

124. Лисова, С. Ю. Политические функции СМИ / С. Ю. Лисова // Вестник ИГЭУ. – 2011. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-funktsii-smi> (дата обращения: 12.08.2024).

125. Лисюткина, И. С. Динамика реализации стратегии дискредитации в медиадискурсе 1950–2019 гг. (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук / Лисюткина Ирина Сергеевна. – Саратов, 2021. – 247 с.

126. Лисюткина, И. С. О речевой тактике негативного прогнозирования, используемой в рамках стратегии дискредитации / И. С. Лисюткина // Гуманитарный научный вестник. – 2020. – № 6. – С. 200–205.

127. Лобанова, Т. Н. Языковые средства выражения коммуникативных стратегий в некооперативном дискурсе (на материале англоязычных ток-шоу) / Т. Н. Лобанова // Филология: научные исследования. – 2024. – № 1. – С. 138–146.

128. Лысякова, М. В. Ток-шоу как жанр телевизионной журналистики и лингвистический феномен / М. В. Лысякова, Э. Р. Н. Джукман // Современное пед. образование. – 2020. – № 1. – С. 116–121.

129. Магерарова, Ю. Ю. Правовые и лингвистические противоречия в трактовке понятия «оскорбление» / Ю. Ю. Магерарова // Научный диалог. – 2018. – № 7. – С. 92–102.

130. Малышева, Е. В. Манипулятивный потенциал человека, говорящего в медийном интернет-пространстве / Е. В. Малышева // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура : сб. науч. тр., Калининград, 15–17 мая 2023 г. – Калининград : Балтийский федер. ун-т им. Иммануила Канта, 2023. – С. 120–123.

131. Малышева, Е. В. Специфика речевых актов оскорбления в судебно-лингвистической экспертизе: интегративно-экспертный подход /

Е. В. Малышева // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журнал. – 2023. – № 73. – С. 165–177.

132. Миронова, П. О. Стратегия редукционизма в современном политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Миронова Полина Олеговна. – Екатеринбург, 2003. – 23 с.

133. Михалева, О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

134. Морева, А. Н. Коммуникативные стратегии и тактики в медиажанре литературной рецензии (на материале «Литературной газеты») : дис. ... канд. филол. наук / Морева Анастасия Николаевна. – Москва, 2016. – 280 с.

135. Мулькеева, В. О. Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Мулькеева Валерия Олеговна. – Санкт-Петербург, 2005. – 20 с.

136. Муфазалова, И. В. Стратегии дискредитации и самопрезентации в текстах англо- и русскоговорящих рэп-исполнителей / И. В. Муфазалова // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – 2021. – Т. 14, № 7. – С. 99–107.

137. Нейман, В.Н. Стратегии убеждения в предвыборном дискурсе политиков Российской Федерации и Чешской республики / В. Н. Нейман // МНИЖ. – 2022. – № 8 (122). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-ubezhdeniya-v-predvybornom-diskurse-politikov-rossiyskoy-federatsii-i-cheshskoy-respubliki> (дата обращения: 26.09.2024).

138. Никифорова, Э. Ш. Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса / Э. Ш. Никифорова // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2012. – № 17 (271). – С. 100–103.

139. Никифорова, Э. Ш. Стратегии коммуникативного воздействия в аргументативно-суггестивных текстах (на примере текстов судебного дискурса

английского, русского и казахского языков) : автореф. дис. ... канд. фил. наук / Никифорова Эльмира Шавкатовна. – Тюмень, 2013. – 21 с.

140. Новикова, Т. Ф. Приемы нейтрализации вербальной агрессии в составе средств речевого воздействия / Т. Ф. Новикова, П. Ю. Смирнов // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2018. – № 2. – С. 194–203.

141. Норман, Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций / Б. Ю. Норман. – Минск : [б. и.], 2009. – 183 с.

142. Паняхина, А. Н. Коммуникативные стратегии и тактики в жанре литературно-критической рецензии (на материале «Литературной газеты») / А. Н. Паняхина // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – № 11. – 2012. – С. 141–145.

143. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : дис. ... д-ра филол. наук / Паршина Ольга Николаевна. – Саратов, 2005. – 325 с.

144. Пачина, А. Н. Репрезентация феномена «Оскорбление словом» в медиатекстах: количественный, семантический и прагматический аспекты (на материалах СМИ, представленных в Национальном корпусе русского языка) / А. Н. Пачина, И. В. Пекарская // Язык и культура. – 2016. – № 2 (34). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-fenomena-oskorblenie-slovom-v-mediatekstah-kolichestvennyu-semanticheskii-i-pragmaticheskii-aspekty-na-materialah-smi> (дата обращения: 03.03.2022).

145. Певнева, И. В. Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогического дискурсов русской и американской лингвокультур : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Певнева Инна Владимировна. – Кемерово, 2008. – 23 с.

146. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: спорные тексты сми и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. – изд. 2-е,

перераб. и доп. / под ред. А. К. Симонова, М. В. Горбаневского. – Москва : Медя, 2004. – 328 с.

147. Попова, С. А. Ментальный сценарий «Насмешка» в русской языковой картине мира (в сопоставлении с английской) / С. А. Попова // Вестник ТГПУ. – 2016. – № 7 (172). – С. 51–57.

148. Почепцов, О. Г. Коммуникативные аспекты семантики / О. Г. Почепцов. – Киев : Вища школа, 1987. – 129 с.

149. Пригарина, Н. К. Аргументация судебной защитительной речи: риторическая модель : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Пригарина Наталья Константиновна. – Волгоград, 2010. – 35 с.

150. Радюк, А. В. Функционально-прагматические свойства кооперативных речевых стратегий и тактик в английском деловом дискурсе : автореф. дис... канд. филол. наук / Радюк Александра Владимировна. – Москва, 2013. – 26 с.

151. Рогожникова, Т. П. Политические тексты начала XX века: коммуникативно-дискурсивные особенности / Т. П. Рогожникова // Научный диалог. – 2019. – № 11. – С. 61–70.

152. Руженцева, Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе / Н. Б. Руженцева. – Екатеринбург : УрГПУ, 2004. – 294 с.

153. Рыжков, М. С. Речевые стратегии участников синхронного интернет-дискурса: на материале русско- и англоязычных чатов : автореферат дис. ... канд. филол. наук / Рыжков Михаил Сергеевич. – Елец, 2010. – 25 с.

154. Салимова, Г. Н. Вербальная инвективная лексика как вид коммуникативных табу / Г. Н. Салимова, Р. А. Газизов // Вестник Башкирск. ун-та. 2016. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalnaya-invektivnaya-leksika-kak-vid-kommunikativnyh-tabu> (дата обращения: 03.05.2024).

155. Салихов, А. Ю. Лингвопрагматические особенности дискурса ток-шоу : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Салихов Александр Юрьевич. –

Тюмень, 2016. – 28 с.

156. Саляев, В. А. «Неприличная форма выражения» как проблема лексикографии и лингвоэкспертологии / В. А. Саляев // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 3 (45). – С. 386–389.

157. Сапрыкина, Е. В. Способы репрезентации речевого действия «обвинение» в парламентском дискурсе: на материале парламентских дебатов бундестага ФРГ : дис. ... канд. филол. наук / Сапрыкина Елена Викторовна. – Уфа, 2007. – 184 с.

158. Саттарова, Р. В. Средства моделирования властных отношений в политическом дискурсе: на материале дискурса Д. Кэмерона : дис. ... канд. филол. наук / Саттарова Раксана Винеровна. – Уфа, 2019. – 274 с.

159. Седых, Э. В. Контраст в поэзии как один из типов выдвигания (на примере циклов стихотворений «Песни Неведения» и «Песни Познания» У. Блейка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Седых Элина Владимировна. – Санкт-Петербург, 1997. – 18 с.

160. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – Москва : Наука, 1986. – С. 170–194.

161. Сиворакша, М. А. Дискредитация как разновидность конфликтного общения / М. А. Сиворакша // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2007. – № 44. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskreditatsiya-kak-raznovidnost-konfliktnogo-obscheniya> (дата обращения: 21.07.2024).

162. Сиротин, Д. В. К вопросу о термине «Дискредитема» как о единице для анализа коммуникативной стратегии дискредитации / Д. В. Сиротин // Вестник ЧелГУ. – 2019. – № 1 (423). – С. 129–136.

163. Сковородников А. П. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты») / А. П. Сковородников, Э. А. Королькова // Политическая лингвистика. – 2015. – № 3-53. – С. 160–172.

164. Сковородников, А. П. Коммуникативные стратегии и тактики / А. П. Сковородников // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 229–230.

165. Степанова, Н. В. Лингвостилистические средства актуализации дискредитирующих тактик в жанре американских политических дебатов / Н. В. Степанова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – № 1. – С. 343–348.

166. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин – Воронеж : [б. и.], 2001. – 227 с.

167. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста / И. А. Стернин, Л. Г. Антонова, Д. Л. Карпов, М. В. Шаманова. – Ярославль : [б. и.], 2013. – 35 с.

168. Стилистика английского языка : учеб. пособие / А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст [и др.]. – Киев : Вища школа, 1984. – 236 с.

169. Стоянов, А. С. Структура ожиданий в диалектике потребностей: к устойчивости общества / А. С. Стоянов // Социология. – 2020. – № 5. – С. 195–221.

170. Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики : в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. – Москва : МГИМО Университет, 2015. – Т. 2. Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года. – 723 с.

171. Сусов, И. П. Лингвистическая прагматика / И. П. Сусов. – Москва : Восток-Запад, 2006. – 200 с.

172. Третьякова, В. С. Конфликт глазами лингвиста / В. С. Третьякова // Юрислингвистика. – 2000. – № 2. – С. 127–140.

173. Травкин, С. В. Языковые маркеры жанровой принадлежности текста (на материале романов фэнтези) : автореф. дис. канд. наук / Травкин Станислав Владимирович. – Москва, 2019. – 24 с.
174. Третьякова, В. С. Речевая конфликтология: проблемы, задачи, перспективы / В. С. Третьякова // Вестник ЧелГУ. – 2013. – № 1 (292). – С. 279–282.
175. Третьякова, В. С. Речевой конфликт и аспекты его изучения / В. С. Третьякова // Юрислингвистика. – 2004. – № 5. – С. 112–119.
176. Третьякова, В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Третьякова Вера Степановна. – Екатеринбург, 2003. – 36 с.
177. Трофимова, Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ / Н. А. Трофимова. – Санкт-Петербург : Изд-во ВВМ. – 2008. – 337 с.
178. Туралина, Н. А. Стихия слова, понимание и речевое воздействие / Н. А. Туралина // Наука. Искусство. Культура. – 2014. – № 3. – С. 103–107.
179. Тымбай, А. А. Кто победил? (лингвистический анализ президентских дебатов 2016 года в США) / А. А. Тымбай // Известия ВГПУ. – 2017. – № 2 (115). – С. 155–160.
180. Тютюнник, М. А. Речевое поведение лидера: на материале прощальной речи (в аспекте скрытой прагмалингвистики) / М. А. Тютюнник // Вестник ТГПУ. – 2018. – № 5 (194). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-povedenie-lidera-na-materiale-proschalnoy-rechi-v-aspekte-skrytoy-pragmalingvistiki> (дата обращения: 18.12.2022).
181. Тютюнова, О. Н. Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса: на материалах немецких и русских телевизионных передач : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тютюнова Олеся Николаевна. – Волгоград, 2008. – 27 с.

182. Уарова, О. В. Жанровые и языковые особенности ток-шоу Larry King Now / О. В. Уарова, Л. А. Рачковская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 12. – С. 273–276.

183. Умеренкова, А. В. Эффект обманутого ожидания в моделях восприятия речи / А. В. Умеренкова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 4. – С. 145–149.

184. Хабекирова, З. С. Стратегия дискредитации и приемы ее реализации в политическом дискурсе демократической оппозиции / З. С. Хабекирова // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2011. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-diskreditatsii-i-priemy-ee-realizatsii-v-politicheskom-diskurse-demokraticheskoy-oppozitsii> (дата обращения: 19.02.2023).

185. Хазиева, Р. Р. Дискурсивные стратегии и тактики, реализующие интенцию речевой агрессии в политическом дискурсе СМИ / Р. Р. Хазиева // Вестник ВЭГУ. – 2014. – № 2 (70). – С. 192–198.

186. Хлопотунов, Я. Ю. Конфронтационные коммуникативные стратегии в американском политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Хлопотунов Ярослав Юрьевич. – Москва, 2022. – URL: <https://mgimo.ru/upload/diss/2022/khlopotunov-diss.pdf> (дата обращения: 22.10.2023).

187. Хлопотунов, Я. Ю. Насмешка как тактика деструктивной речевой коммуникации в американском политическом дискурсе / Я. Ю. Хлопотунов // Дискурс профессиональной коммуникации. – 2019. – Т. 1, № 2. – С. 60–70.

188. Хлопотунов, Я. Ю. Языковые приемы реализации коммуникативной тактики обвинения в американском политическом дискурсе / Я. Ю. Хлопотунов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-priemy-realizatsii-kommunikativnoy-taktiki-obviniya-v-amerikanskom-politicheskom-diskurse> (дата обращения: 02.11.2023).

189. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. проф. М. В. Горбаневского. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Галерея, 2002. – 424 с.

190. Цуциева, М. Г. Актуализация языковой личности политика в современном немецком политическом дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Цуциева Мария Геннадьевна. – Санкт-Петербург, 2019. – 40 с.

191. Чебышев, Ф. А. Семантика ожидания и средства ее выражения в русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Чебышев Филипп Анатольевич. – Пермь, 2017. – 206 с.

192. Чепурная, А. И. Некооперативные стратегии в американском политическом диалогическом дискурсе (на примере жанра пресс-брифинга) / А. И. Чепурная // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. – 2022. – № 79. – С. 155–166.

193. Чернышова, Т. В. Типологические признаки речевого жанра дискредитации в медиадискурсе / Т. В. Чернышова // Филология и человек. – 2014. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologicheskie-priznaki-rechevogo-zhanra-diskreditatsii-v-mediadiskurse> (дата обращения: 05.07.2024).

194. Чеснокова, И. А. Дифференциальные и интегральные признаки открытых писем / И. А. Чеснокова // Вестник ТГПУ. – 2011. – № 6. – С. 100–103.

195. Чиняева, В. В. Механизмы формирования и интерпретация имплицитных смыслов в различных типах коммуникативных высказываний: на материале произведений У. Шекспира : дис. ... канд. филол. наук / Чиняева Виктория Владимировна. – Санкт-Петербург, 2015. – 198 с.

196. Шаховский, В. И. Стилистика английского языка : учеб. пособие / В. И. Шаховский. – Москва : Либроком, 2013. – 232 с.

197. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Шейгал Елена Иосифовна. – Волгоград, 2000. – 433 с.

198. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография / Е. В. Шелестюк. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : ФЛИНТА ; Наука, 2014. – 344 с.

199. Шипилова, Д. С. Лингвистические средства реализации коммуникативных стратегий в формировании виртуального имиджа американского политика: на материале предвыборного дискурса в социальной сети «Твиттер» : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Шипилова Диана Сергеевна. – Ростов-на-Дону, 2018. – 23 с.

200. Ширяев, Н. С. Коммуникативные стратегии самоидентификации североирландцев (на материале региональных аналитических блогов и новостных сайтов) / Н. С. Ширяев // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2016. – № 7 (389). – С. 175–180.

201. Щербинина, Ю. В. Вербальная агрессия / Ю. В. Щербинина. – Москва : УРСС, 2006. – 360 с.

202. Эйфельд, Е. А. Речевые стратегии и тактики в ежегодных выступлениях Ангелы Меркель / Е. А. Эйфельд // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2015. – № 2. – С. 95–101.

203. Якобсон, Р. О. Избранные произведения / Р. О. Якобсон. – Москва : Наука, 1985. – 320 с.

204. Яковлева, Е. В. Уголовная ответственность за оскорбление главы государства в зарубежных странах / Е. В. Яковлева // Закон и право. – 2021. – № 12. – С. 228–231.

205. Янь Цзинь. Жанрово-стилистические характеристики российских развлекательных телевизионных ток-шоу : автореф. дис. ... канд. фил. наук / Янь Цзинь. – Москва, 2023. – 22 с.

206. Ярославцева, А. Е. Репрезентация речевых стратегий и тактик в агитационном тексте : дис. ... канд. филол. наук / Ярославцева Анна Евгеньевна. – Томск, 2007. – 211 с.

207. Battistella, E. L. *Bad Language: Are Some Words Better Than Others?* / E. L. Battistella – Oxford : Oxford University Press. – 2005. – 260 p.
208. Bruun, H. *The Aesthetics of the Television Talk Show* / H. Bruun // *Nordicom Review*. – 2000. – P. 243–258.
209. Coffey, S. J. *Offensive items, and less offensive alternatives, in English monolingual learners' dictionaries* / S. J. Coffey. – 2010. – 12 p.
210. Conway, M. *Transgender Terror: An Analysis of Political Narratives in Tucker Carlson Tonight (2017-2022)* / M. Conway. – Lubbock, TX : Texas Tech University. – 2023. – 54 p.
211. Crawford, A. P. *Tucker Carlson: The Populist Paladin of Primetime* / A. P. Crawford // *The American Conservative*. – 2018. – URL: <https://www.theamericanconservative.com/tucker-carlson-the-populist-paladin-of-primetime/> (usage date: 19.01.2025).
212. *Cultural and Historical Factors Influencing the Verbalization of Aggression in English Journalistic Texts: A Comparative Analysis of Modern and Historical Texts* / V. Slipetska, Y. Ishchenko, N. Melnychuk [et al.] // *Amazonia Investiga*. – 2023. – Vol. 12, № 68. – P. 313–323.
213. Daraiseh, Y. *Tucker Carlson: A Qualitative Analysis of Rhetoric Employed by Tucker Carlson and the GOP* / Y. Daraiseh. – USA : Princeton University, 2023. – URL: <http://arks.princeton.edu/ark:/88435/dsp013n2042396> (usage date: 07.09.2024).
214. Fabian, M. *Stylistics: Theory and Practice. Part I : Academic Textbook* / M. Fabian. – Košice, 2021. – 99 p.
215. Fuentes, C. *Adversarial Attacks in Spanish Politics: Direct and Indirect Forms* / C. Fuentes // *The Language of Politics*. – 2023. – P. 31–51.
216. Haapala, S. *De-legitimation of the Black Lives Matter movement: a critical discourse analytic study of Tucker Carlson Tonight* / S. Haapala. – Oulu : University of Oulu, Faculty of Humanities, Bachelor's Thesis 2021. – URL: <https://oulurepo.oulu.fi/handle/10024/18077> (usage date: 07.01.2025).

217. Hijazo-Gascon, A. Interpreting Swearwords in Police Interviews and Perceived Offensiveness of Insults in the UK and Spain / A. Hijazo-Gascon, M. Gomez-Bedoya, L. Filipovic // *Applied Linguistics*. – 2024. – Vol. 45, № 4. – P. 718–737.

218. Houser, M. L. Are we violating their expectations? Instructor communication expectations of traditional and nontraditional students / M. L. Houser // *Communication Quarterly*. – 2005. – Vol. 53, № 2. – P. 213–228.

219. Ilie, C. Talk Shows. *Encyclopedia of Language & Linguistics* / C. Ilie. 2nd ed. – Oxford : Elsevier, 2006. – P. 489–494.

220. Jay, T. Cursing in America: A psycholinguistic study of dirty language in courts, in the movies, in the schoolyards, and on the streets / T. Jay. – Amsterdam : John Benjamin's Publishing Company. – 1992. – 287 p.

221. Lucas, R. E. *Lectures on economic growth* / R. E. Lucas. – Cambridge : Harvard University Press, 2002. – 204 c.

222. Makowski, J. Von Imagepflege zur Diskreditierung politischer Gegner // *Hassrede als Strategie von Online-Pressemitteilungen*. – 2020. – URL: [https://www.researchgate.net/publication/339328996\\_Von\\_Imagepflege\\_zur\\_Diskreditierung\\_politischer\\_Gegner\\_Hassrede\\_als\\_Strategie\\_von\\_Online-Pressemitteilungen](https://www.researchgate.net/publication/339328996_Von_Imagepflege_zur_Diskreditierung_politischer_Gegner_Hassrede_als_Strategie_von_Online-Pressemitteilungen) (usage date: 02.02.2023).

223. Malyuga, E. H., Tomalin, B. Communicative strategies and tactics of speech manipulation in intercultural business discourse / E. H. Malyuga, B. Tomalin // *Training, Language and Culture*. – 2017. – № 1. – P. 28–45.

224. Marx, K. Diskreditierung im Internet als persuasive Strategie – Fallbeispiele. – ELTE Germanistisches Institut. – 2013. – S. 387–394.

225. Media violence and judgments of offensiveness: A quantitative and qualitative analysis / S. M. Coyne, M. A. Callister, D. A. Gentile, E. Howard // *Psychology of Popular Media Culture*. – 2016. – Vol. 5, № 4. – P. 372–389.

226. Methods for detoxification of texts for the Russian language / D. Dementieva, D. Moskovskiy, V. Logacheva [et al.] // *Multimodal Technologies*

and Interaction. – 2021. – Vol. 5, № 9. – URL: <https://www.mdpi.com/2414-4088/5/9/54> (usage date: 07.11.2023).

227. Out of bounds: factors affecting the perceived offensiveness of racial slurs / C. J. O'Dea, S. S. Miller, E. B. Andres [et al.] // *Language Sciences*. – 2015. – Vol. 52. – P. 155–164.

228. Parshutina, G. A. Strategic implementation of verbs of communication in English business discourse / G. A. Parshutina, K. V. Popova // *Training, Language and Culture*. – 2018. – № 3. – P. 86–96.

229. Pedersen, R. Online Abuse of Politicians: Experimental Evidence on Politicians' Own Perceptions / R. Pedersen, N. Petersen, M. Thau. – 2023. – URL: [https://www.researchgate.net/publication/374158200\\_Online\\_Abuse\\_of\\_Politicians\\_Experimental\\_Evidence\\_on\\_Politicians'\\_own\\_Perceptions](https://www.researchgate.net/publication/374158200_Online_Abuse_of_Politicians_Experimental_Evidence_on_Politicians'_own_Perceptions) (usage date: 09.10.2023).

230. Poggi, I. Discrediting moves in political debates / I. Poggi, F. D'Errico, L. Vincze // *Proceedings of CEUR Workshop*. – 2011. – URL: [https://www.researchgate.net/publication/288813998\\_Discrediting\\_moves\\_in\\_political\\_debates](https://www.researchgate.net/publication/288813998_Discrediting_moves_in_political_debates) (usage date: 12.09.2024).

231. Rosenberg, P. The A(ffective) B(ehavioral) C(ognitive) of Taboo Words in Natural Language: The Relationship Between Taboo Words' Intensity and Frequency / P. Rosenberg, S. Sikström, D. Garcia // *Journal of Language and Social Psychology*. – 2017. – Vol. 36, № 3 – URL: [https://www.researchgate.net/publication/304462064\\_The\\_Affective\\_Behavioral\\_Cognitive\\_of\\_Taboo\\_Words\\_in\\_Natural\\_Language\\_The\\_Relationship\\_Between\\_Taboo\\_Words'\\_Intensity\\_and\\_Frequency](https://www.researchgate.net/publication/304462064_The_Affective_Behavioral_Cognitive_of_Taboo_Words_in_Natural_Language_The_Relationship_Between_Taboo_Words'_Intensity_and_Frequency) (usage date: 02.11.2023).

232. Sowinska, A. Discursive strategies in the media construction of Poland, Russia and the USA in the context of the debate on the US anti-ballistic missile defense shield in Polish and Russian quality papers / A. Sowinska, T. Dubrovskaya // *Exploring Language through Contrast*. Cambridge Scholars Publishing, Newcastle upon Tyne. – 2012. – URL: [https://www.researchgate.net/publication/258131742\\_Discursive\\_construction\\_and\\_t](https://www.researchgate.net/publication/258131742_Discursive_construction_and_t)

ransformation\_of\_'us'\_and\_'them'\_categories\_in\_the\_newspaper\_coverage\_on\_the\_US\_anti-ballistic\_missile\_system\_Polish\_versus\_Russian\_view (usage date: 02.11.2022).

233. Stachurska, A. On the Codification of Usage by Labels / A. Stachurska // Journal of Language and Cultural Education. – 2018. – № 6. – P. 89–107.

234. Television Studies: The Key Concepts / B. Casey, N. Casey, B. Calvert [et al.] (ed.). – 2nd ed. – London : Routledge, 2008. – 358 p.

235. Predicting the Type and Target of Offensive Posts in Social Media / M. Zampieri, S. Malmasi, P. Nakov [et al.] // Proceedings of the 2019 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies. – Minneapolis, Minnesota, 2019. – Vol. 1. – URL: <https://aclanthology.org/N19-1144/> (usage date: 02.11.2023).

236. Zhang, Y. Communication strategies and foreign language learning / Y. Zhang // US-China Foreign Language. – 2007. – Vol. 5, № 4. – P. 43–48.

237. Hutchby, I. Media Talk: Conversation Analysis and the Study of Broadcasting / I. Hutchby. – Maidenhead : Open University Press, 2006. – 185 p.

238. Simpson, P. Stylistics: A Resource Book for Students / P. Simpson – London : Routledge. – 2004. – 247 p.

#### Словари и энциклопедические источники

239. Дискредитация // БЭП – Большая энциклопедия по психиатрии. – URL: <https://820.slovaronline.com/3149-дискредитация> (дата обращения: 11.07.2024).

240. БТСРС – Большой толковый словарь русских существительных / под. ред. Л. Г. Бабенко. – URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovuj-slovar-russkikh-sushhestvitelnykh> (дата обращения: 19.02.2024).

241. Грамота.ру. Справочно-информационный портал о русском языке. – 2000-2024. – URL: <https://gramota.ru/> (дата обращения: 19.02.2024).

242. НТСРЯ – Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова, А. П. Евгеньева. – 2010-2024. – URL: <https://efremova.slovaronline.com> (дата обращения: 05.02.2023).
243. Обвинение // Основы духовной культуры. – 2010-2024. – URL: <http://rus-spirit-culture-enc.slovaronline.com/1414-обвинение> (дата обращения: 1201.2024).
244. Поэтический словарь / А. П. Квятковский. – Москва : Сов. энцикл., 1966. – С. 125–126.
245. Риторический словарь / Г. Г. Хазагеров. – 2-е изд., стереотип. – Москва : ФЛИНТА, 2011. – 432 с.
246. Словарь лингвистических терминов и понятий / Т. В. Жеребило. – Назрань : Пилигрим, 2016. – 610 с.
247. Дискредитация // ТСИС – Толковый словарь иностранных слов. – 2010-2024. – URL: <https://foreign.slovaronline.com/4498-DISKREDITATSIYA> (дата обращения: 11.07.2023).
248. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Изд-во "Азъ", 1992. – URL: <https://ozhegov.info/slovar/> (дата обращения: 11.07.2024).
249. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушаков. – 2008–2023. – URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 11.07.2024).
250. The American Heritage Dictionary of the English Language: online dictionary. – 2024. – <https://ahdictionary.com> (usage date: 23.04.2024).
251. Cambridge Dictionary: online dictionary. – Cambridge University Press & Assessment. – 2024. – URL: <https://dictionary.cambridge.org> (usage date: 11.07.2024).
252. Collins Dictionary: online dictionary. – 2024. – URL: <https://www.collinsdictionary.com> (usage date: 11.07.2024).
253. Dictionary.com: online dictionary. – 2023. – URL: <https://www.dictionary.com> (usage date: 15.07.2023).

254. Holder, R. W. How not to say what you mean: a dictionary of euphemisms / R. W. Holder. – Oxford : Oxford university press, 2002. – 526 p.
255. Lingvo Dictionary: online dictionary. – 2024. – URL: <https://www.lingvolive.com> (usage date: 17.03.2024).
256. Longman Dictionary of Contemporary English. – 4th ed. – Harlow : Pearson Education Ltd, 2003. – 1968 p.
257. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – 2nd ed. – Oxford : Macmillan Education, 2007. – 1748 p.
258. Merriam-Webster Dictionary: online dictionary. – 2024. – URL: <https://www.merriam-webster.com> (usage date: 14.11.2024).
259. Online Etymology Dictionary. – 2001–2024. – URL: <https://www.etymonline.com> (usage date: 14.11.2024).
260. Oxford Learner's Dictionaries: online dictionary. – Oxford University Press. – 2025. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (usage date: 14.11.2024).
261. OZDIC English Collocation Dictionary: online dictionary. – Oxford University Press. – 2024. – <https://ozdic.com> (usage date: 14.11.2024).
262. The Phil Donahue Show // Encyclopedia Britannica. – 2024. – URL: <https://www.britannica.com/topic/The-Phil-Donahue-Show> (usage date: 14.11.2024).
263. Spears, R. A. NTC's Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions / R. A. Spears. – USA : NTC Publishing group, 2000. – 528 p.
264. TheFreeDictionary.com: online dictionary. – 2003–2025. – URL: <https://www.thefreedictionary.com> (usage date: 14.11.2024).

#### Программные пакеты и базы данных

265. КоАП РФ Статья 5.61. Оскорбление // Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 29.10.2024). – URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_34661/d40cbd099d17057d9697b15ee8368e49953416ae/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/d40cbd099d17057d9697b15ee8368e49953416ae/) (дата обращения: 19.02.2023).

266. Статья 323. Опорочивание или унижение чести и достоинства главы Азербайджанского государства – Президента Азербайджанской Республики // Континент: информационная система. – URL: [https://continent-online.com/Document/?doc\\_id=30420353#pos=3880;-56](https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353#pos=3880;-56) (дата обращения: 19.02.2023).

#### Другие источники

267. Американская Конвенция о Правах Человека // Университет Миннесоты. Библиотека по правам человека. – 1995–2003. – URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instree/Rzoas3con.html> (usage date: 09.01.2024).

268. Joyella M. Tucker Carlson is most-watched host in cable news for last week // Forbes. – 2024. – URL: <https://www.forbes.com/sites/markjoyella/2020/06/16/tucker-carlson-takes-title-as-most-watched-host-in-cable-news/?sh=68d06fed32f4> (usage date: 04.11.2024).

269. Inaugural Address by President Joseph R. Biden, Jr., January 20, 2021. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/01/20/inaugural-address-by-president-joseph-r-biden-jr/> (usage date: 13.06.2022).

### Список иллюстративного материала

1. Рисунок 1 – Речевая стратегия и ее конститuentы – с. 28.
2. Рисунок 2 – Тактики РПСД – с. 72.
3. Рисунок 3 – Речевые ходы тактики обвинения – с. 74.
4. Рисунок 4 – Речевые ходы тактики насмешки – с. 96.
5. Рисунок 5 – Речевые ходы тактики негативного прогнозирования – с. 108.
6. Рисунок 6 – Количественный анализ групп комбинированных тактик РПСД – с. 132.
7. Таблица 1 – Шкала степени инвективности – с. 54.
8. Таблица 2 – Шкала степени вероятности негативного прогноза – с. 64.
9. Таблица 3 – Автономные тактики РПСД – с. 73.
10. Таблица 4 – Структурные и языковые характеристики автономных тактик – с. 128–129.
11. Таблица 5 – Количественный анализ комбинированных тактик РПСД – с. 131.

## **Список источников**

1. Tucker Carlson Tonight. Foxnews. – URL:  
<https://www.foxnews.com/opinion/tucker-carlson/>

## Приложение А

### Речевые ходы автономных тактик РПСД

**Таблица А.1 – Количественный анализ речевых ходов автономных тактик РПСД**

Автономная тактика	Речевые ходы		Итого
	Автономные	Комбинированные	
Тактика обвинения	325	131	456
Тактика оскорбления	174	–	174
Тактика насмешки	36	291	327
Тактика негативного прогнозирования	217	94	311
Тактика обманутого ожидания	237	–	237
Итого	989	516	1 505

**Таблица А.2 – Речевые ходы автономных тактик РПСД**

Автономная тактика	Кол-во случаев	Речевой ход	Кол-во	Итого
Тактика обвинения	387	эксплицитное аргументированное обвинение	184	456
		эксплицитное неаргументированное обвинение	90	
		имплицитное аргументированное обвинение	51	
		имплицитное неаргументированное обвинение	131	
Тактика оскорбления	174	имплицитное оскорбление	174	174
Тактика насмешки	167	эксплицитная насмешка	147	327
		имплицитная насмешка	180	
Тактика негативного прогнозирования	217	высокая степень вероятности	122	311
		средняя степень вероятности	162	
		низкая степень вероятности	27	
Тактика обманутого ожидания	237	имплицитное ожидание vs. факт	48	237
		эксплицитное ожидание vs. факт	189	
Итого	1 182			1 505

**Таблица А.3 – Комбинированные речевые ходы автономных тактик**

Тактика	Группа	Подгруппа	Кол-во РХ	Итого
Тактика обвинения	Двухкомпонентная группа	«эксплицитное аргументированное обвинение» + «эксплицитное неаргументированное обвинение»	72	131
		«эксплицитное аргументированное обвинение» + «имплицитное неаргументированное обвинение»	38	
	Трехкомпонентная группа	«эксплицитное аргументированное обвинение» + «эксплицитное неаргументированное обвинение» + «имплицитное неаргументированное обвинение»	21	
Тактика насмешки	Двухкомпонентная группа	«имплицитная насмешка» + «эксплицитная насмешка»	202	291
	Трехкомпонентная группа	«имплицитная насмешка» + 2 РХ «эксплицитная насмешка»	56	
		«эксплицитная насмешка» + 2 РХ «имплицитная насмешка»	21	
	Четырехкомпонентная группа	3 РХ «имплицитная насмешка» + «эксплицитная насмешка»	12	
Тактика негативного прогнозирования	Двухкомпонентная группа	«прогноз средней степени вероятности» + «прогноз высокой степени вероятности»	82	94
		«прогноз средней степени вероятности» + «прогноз низкой степени вероятности»	12	
Тактика обманутого ожидания	–			–
Тактика оскорбления	–			–
Итого				516

## Приложение Б

### Языковые маркеры тактик РПСД

*Таблица Б.1 – Языковые маркеры тактик РПСД*

Тактика	Речевой ход	Языковой маркер
Тактика обвинения	Эксплицитное аргументированное обвинение	ЛЕ с пейоративной семантикой, с долей «деликта»
	Эксплицитное неаргументированное обвинение	ЛЕ с пейоративной семантикой, с долей «деликта» Формы повелительного наклонения
	Имплицитное аргументированное обвинение	ЛЕ имплицитной пейоративной оценки
	Имплицитное неаргументированное обвинение	ЛЕ имплицитной пейоративной оценки Прием «несобственно-прямая речь»
Тактика оскорбления	Имплицитное оскорбление	ЛЕ со средней и слабой степенью инвективности
Тактика насмешки	Эксплицитная насмешка	ЛЕ с пейоративной семантикой (оскорбительные для ОД)
	Имплицитная насмешка	Ирония
Тактика негативного прогнозирования	Высокая степень вероятности	Future Simple, Zero Conditional, <i>to be about to, to be bound</i>
	Средняя степень вероятности	First Conditional, <i>could/might, to be likely to, to be going to</i>
	Низкая степень вероятности	Second Conditional, Unreal Past
Тактика обманутого ожидания	Имплицитное ожидание vs. факт	Стилистический контраст
	Эксплицитное ожидание vs. факт	